

Беляев
Илья Андреевич

Замок

Откровение черного колдуна

12+

Илья Андреевич Беляев
Замок. Откровение черного
колдуна. Книга первая. Цикл
«Октаэдр. Золотой аддон»
Серия «Октаэдр.
Золотой аддон», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68298973
SelfPub; 2022

Аннотация

Хорошо, когда есть деньги и власть, чтобы править своей железной рукой. Но что делать, когда собственный сын вне пределов этой власти и все катится в тар-тарары, когда он полностью выходит из подчинения. Тогда открывается совершенно другая сторона медали – нищенское государство, во многом разоренное и не ждущее никаких улучшений. Именно сыну императора предстоит возродить то, что сейчас находится в руинах. Но сможет ли он справиться со всем, что поджидает его на пути к восстановлению мира и справедливости?

Илья Беляев

**Замок. Откровение
черного колдуна.**

Книга первая. Цикл

"Октаэдр. Золотой аддон"

Зачин, или... то, что было ранее...

Я слишком стар, чтобы воззвать к порядку и уж тем более попытаться что-либо предпринять. У меня нет уже ни былых навыков, ни былой силы, ни былой власти. Все ушло, все забылось, как забывается большая часть нашей жизни. Никто и не помнит, с чего все началось и началось ли это вообще, но это было, было и есть сейчас. Я один, один оставшийся в живых из целого населения города. Те четверо, что спаслись со мной, уже умерли или были казнены бароном... нет, уже императором! Не выжил никто! Смерть прошла по городу как коса, не оставляя ничего. То, ради чего жили люди, в один день рассыпалось прахом и только я один помню реальные факты событий, из-за чего приходится постоянно скитаться по свету и не попадаться на глаза слу-

гам барона. Они везде. Им нужен только я – единственный выживший, последний защитник Замка, того самого, который сейчас лежит в руинах, и его легенда покрылась тайной. И никто не решился узнать настоящую причину падения Великого Королевства Альвеста, одного самого лучшего и красивого города на всей земли империи.

Это была чудесная страна, со своими правилами и законами...

Великое королевство *Горный Сокол* было обязано своему появлению переселенцам из других стран, которые выбрали это место из-за удачного ландшафта, укрывающего их с севера и запада горами, а с востока лесом, за которым раскинулась река. Переселенцам настолько понравилась эта местность, что они решили ненадолго обосноваться здесь и разбить лагерь. Вскоре они и вообще отказались от идеи покинуть подножие горы, так как казалось, что сама природа помогает их существованию. Люди ловили рыбу, охотились на птиц и зверей, собирали ягоды, травы и растения. Им не приходилось жаловаться на бедность, все, о чем только можно было мечтать, было здесь, и они осели надолго... навсегда.

Население медленно, но уверенно разрасталось и одна единственная улица, в несколько домов, сначала превратилась в деревню, а потом деревня превратилась в поселок. Вскоре их умения и навыки достигли того предела, когда завязываются торговые отношения с другими городами. Люди торговали всем: коврами и пушниной, мясом и животными,

изделиями из кожи и, конечно же, оружием. Город процветал, не зная бедствий и невзгод. Он мог бы стать идеальным местом той области.

Но пришел Он – барон Крониус, сын Нимбуса и осадил город. И разнесся страх на десятки миль вокруг, и сковала смерть прочной цепью жителей города, но удерживали они свои позиции и не сдавались. И прошло шесть раз по шесть месяцев, прежде чем барон сломал сопротивление и ворвался в город. Ужас, боль и отчаяние повисли над ним плотным туманом, и целый месяц стоял крик, и никто им не мог ничем помочь.

И уничтожил он народ, который был до сего момента непокорным и тысячи жизней, вскрикнув как эхо, оборвались, и все погрязло в крови, и утопали сами палачи, и не было им прощения, и молили жители, чтобы повергла барона кара, самая мучительная и жестокая из всех существующих. Но не случилось с ним ничего, и отчаялись люди, и сделались рабами, и возненавидел Крониус это место и проклял его.

Пришел лучший рыцарь и стал Он в десять раз сильнее, пришел лучший мудрец и стал Он в десять раз умнее, пришел лучший маг и стал Он в десять раз лучше любого волшебника, но пришел тот, кого все боялись, тот, пред чьим именем все трепетали. Из своего жерла Его выплеснул пятый круг Ада и ужаснулся Он, и зародился в Нем страх и понял Он, что не избежать Ему гибели, а Тот всего лишь ухмылялся и играл ... играл как кошка с мышью.

– Ты стар, Лазарь! – сказал Он. – Ты уже не можешь, как прежде, полновластно владеть магией. Все мы когда-нибудь уходим в тень.

– Я...никогда!

Они расположились на огромной поляне в одном из лесов Эйрока. Лазарь находился не в особо выгодном положении. Он никак не мог понять, почему его заклятья не действуют на этого юнца. Он был в замешательстве, здесь заключалось нечто странное: колдуны, маги и чародеи не могли в совершенстве пользоваться холодным оружием, но на этот раз его противник не только превосходил его в волшбе, но и прекрасно владел двумя мечами. Создавалось впечатление, будто Он сумел разрушить грань бытия, созданную магами многие тысячелетия назад и смог совместить совершенно не совместимые вещи. О другом варианте маг не хотел даже думать – слишком ужасен он был даже для его восприятия. Он пытался отбросить эту мысль, но чем больше они сражались, тем больше он убеждался в своей правоте и тем меньше мог контролировать себя.

– Так-так, великий Лазарь находится в полнейшем бессилии. Я тебе давал выбор. Присоединяйся ко мне, стань моим рабом! Вместе, мы уничтожим Белый Совет и архиепископа Никона.

– Ты...ты не можешь мне указывать! Мы свободные маги...

– Достаточно разговоров. Ты, жалкий ничтожный чело-

век, ты переступил грань, дозволенную черным магом, ты совершил то, что могут лишь избранные – лучшие Некроманты восьмого круга. Ты же... ты глуп и стар, ты немощен.

– Я лучший!

Лазарь сжал посох так, что посинели руки, поднял его над головой и с силой вонзил в землю. Рядом с Ним разверзлась земля, комья полетели вниз, и фонтан огня вырвался из недр. Он превратился в волну и стал накрывать Его, но Он стоял на месте; затем вскинул посох и волна, как от зеркала, отразилась в Лазаря. Одежда на нем загорелась и его, бормочущим заклинание, отшвырнуло на несколько ярдов. Привстав на одно колено, он начертил в воздухе полукруг, а второй направил сотворенное на Него. Полукруг черной густой тьмы стал сужаться и полетел вперед. Там, где тьма касалась земли, оставались выжженные полосы. Тьма сжирала все! В земле остались глубокая борозда, когда она ударила в Него, но Тот будто и не почувствовал этого...

– Глупец!

Подняв руку, Он выбрал нужное заклятье, и черный маг оказался замкнутым в цилиндрической колбе, сотканной из черноты и мрака. Она стала сжиматься, и Лазарь произнес последнее, решающее заклинание. Он вырвал посох из земли, схватился за него двумя руками и тот разлетелся на мелкие частицы, прилипнув к мраку. Вокруг мага создавалось поле небольших размеров и его засосало внутрь. Он оказался в невесомости, без движения, без цели и без памяти. Он про-

сто лежал на спине и спал, но пока. Скоро старик должен был проснуться, но когда это произойдет, не знал никто, даже он сам, когда создавал заклинание.

– Мир Большой Бабочки... глупец! Он не достоин быть Некромантом, даже в качестве подмастерий.

Сад.

Солнечный летний день. Теплые лучи согревали землю и всех жителей города. Великолепный сад раскинулся на площади в пол мили. Он давно расцвел и теперь аромат его цветов проникал не только в сам дворец, но и за его пределы. В нем любили отдыхать и проводить свободное время все хозяева замка без исключения. Это был их сад, и они дорожили им, пожалуй, больше, чем своими людьми.

Между деревьями, как всегда рано утром, гулял Тим. Сад ему нравился, и он постоянно находился здесь, рядом с деревьями и только им одним он мог доверить все свои тайны и мечты. Он был самым младшим сыном барона Крониуса и тот больше всех, из троих, любил только его. Тим ходил на отца, и барон гордился этим. Но единственное, чего он не понимал, так это то, почему Тим в свои двадцать восемь лет не был женат и не собирался этого делать. Даже в обыденных разговорах, он старался обходить эту тему. Крониус оказался слишком старым и больным, а два старших сына внушали серьезные опасения, и уже сейчас стали плодиться слухи о том, что братья вознамерились захватить власть и только личная стража, готовая отдать жизнь за Крониуса, внушала

страх, но барон верил им и не слушал мнение других.

В его стране существовал закон, по которому только старший сын был способен занять место после смерти отца и никто другой. Барон же, уже сейчас, подумывал о том, чтобы изменить закон и поставить властвовать младшего. Это было вопреки всем законам и правилам, но он бы пошел на это, если бы сын женился именно на той, которую советовал отец; но сын совершенно не придерживался его мнения, и не желал ни титулов, ни слуг – только простую и размеренную жизнь, подальше от забот в каком-нибудь отдаленном поместье. Барон дважды предлагал сыграть свадьбу в их родовом имении, но Тим постоянно отказывался, ссылаясь на разные причины. После третьего отказа, закончившегося печальными последствиями для слуг младшего сына, Крониус дал ему время до завтрашнего бала и ровно в полдень тот должен был дать окончательное решение. Или он женится, или...

Тим выбрал одну из скамеек и сел в тень яблони, которая раскинула свои ветви подобно вековому дубу. Он сидел и думал, как поступить с решением отца. Юноша не желал принимать подобный совет, но и не мог послушаться. *«Но я же не люблю ее и ту, другую, как он не понимает, или он хочет, чтобы я всю жизнь жил в горе и печали? Зачем она мне? Честно сказать она такая уродина, хотя братьям почему-то нравится. Что с ним происходит, я впервые вижу его в таком гневе. Похоже, ему еще никогда никто не перечил. Да, он стар, у него не такое большое влияние на Совет*

и Епархию, но он все же барон и не просто какой-нибудь, а тот, кто сумел вытеснить шесть ближайших соседей. Он лучший на многие сотни миль. Его все боятся. Но вот братья... Старший ждет смерти отца, я вижу это и слышу собственными ушами, когда он приезжает. Отец ничего не замечает, не хочет замечать,... а тут моя свадьба. Никогда! Я не брошу отца, он слаб, уже слаб и он не имеет права женить меня без моего согласия...»

Мысли сосредоточились на проблеме, и юноша хотел разобраться непосредственно в том, почему отец, во что бы то ни стало, вознамерился сыграть его свадьбу (братьям такого не предлагал), но его размышления прервали, прервали грубо, и Тим собрался уже обругать незадачливого слугу, который не имел права отвлекать его. Он обернулся и замер. Невдалеке стоял сам Крониус, поддерживаемый под руку лакеем.

Да, это был уже не тот седобородый мужчина, азартно ведущий свою армию в бой, не тот, кто крушил замки и стирал в пыль города. Это был измученный жизнью старик, совершенно седой и еле передвигающийся на ногах. Щеки впалые, глаза затуманенные и еле видящие. Лицо и руки иссохшие и время от времени подрагивающие. Но все же он оставался бароном, и все преклонялись перед ним, даже его сыновья.

Крониус оттолкнул лакея в сторону и стал медленно подходить к сыну. Тот склонил голову, протянул ему руку и, поддерживая отца, подвел к скамеечке. Сев, барон расправил

узорчатый плащ с фамильным гербом и, стряхнув несколько опавших листочков, заговорил тихим протяжным голосом.

– Я не хотел нарушать твоего покоя и уединения, но у нас остался один не оконченный разговор и мне нужно убедить-ся, готов ли ты к завтрашнему ответу.

– Но отец...

– Я знаю, что ты скажешь, но хочу предупредить, что ты единственный мой сын, который меня понимает и ценит. Ценит не как барона и богатого отца, после смерти, которого останется большое наследство, а просто как... любимого человека, который нужен...

– Я понимаю тебя и про все это давно знаю, но я не могу поступить так, как ты хочешь и не из-за того, что она не красивая и не из-за того, что не люблю, а из-за того, что мне дорог ты, отец.

– Я слишком стар, мои дни сочтены. Уже сейчас я вижу по ночам дьявольские видения, свидетельствующие о моей кончине, и я понимаю – этот день не за горами.

– Не говори так, ты пугаешь меня.

– Смерть всегда пугает людей. Они знают, что она придет, и все равно боятся этого момента, они каждый раз пытаются отодвинуть этот миг дальше, прожить больше. Я не хочу. Я много видел и много сделал, возможно, мне придется заплатить за свои ошибки. Ты, как и другие братья, продолжатель нашего фамильного рода. Что будет, если твоя жизнь внезапно оборвется и после тебя никого не останется? Кто

будет плакать, горевать, возносить мольбы к Всевышнему?

– Но это еще так далеко, за это время может многое произойти.

– Да, ты прав, когда-то, будучи в таком же возрасте, как и ты, я тоже считал, что время течет медленно и его хватит с избытком, но посмотри, в кого я превратился сейчас. Мне шестьдесят пять, а выгляжу и чувствую я себя не девяносто, у меня уже нет сил, бороться с болезнями, а как все хорошо начиналось!

Старик закрыл глаза и откинулся к спинке скамеечки. Его подбородок подрагивал, но на лице расцвела озорная, совсем не сочетающаяся с его годами, улыбка. Он вспоминал давно ушедшую молодость, походы, битвы и завоевания, осады цитаделей... *«Нет! – он резко открыл глаза. – Я не буду вспоминать. Жалкий народ, пусть копается в своей мерзости. Ненавижу его!»* Его лицо моментально изменилось, в нем появилась ярость и отвращение, глубокие борозды морщин появились на лбу, висках, щеках; его руки задрожали от нахлынувшего гнева, и он крикнул:

– Слуга, отведи меня в дом!

– Может мне стоит проводить тебя?

– Нет! У тебя мало времени, используй его для достойных мыслей.

– Все решено. Сейчас, видя твоё состояние, я не намерен жениться ни на ком бы то ни было, даже на самой прекрасной девушке мира и мое решение неизменно. Я не нашел ту,

которой бы отдал руку и сердце.

Крониус размахнулся и ударил сына тыльной стороной руки по лицу, потом покачал перед ним иссохшим пальцем и повторил:

– У тебя мало времени!

Слуга подошел ближе, поклонился барону, его сыну и, взяв Крониуса под руку, сопроводил в дом.

Вновь оставшись в одиночестве, Тим провел пальцами по щеке и медленно пошел вперед, ища более уединенное место. Он должен был разобраться в происходящем, но вот, как и что предпринять, пока не знал. Юноша сидел под громадным вязом и пытался найти любое противоречие своим мыслям, вспомнить то, что должно было помочь. Он закрыл глаза, уронил голову на грудь и стал думать. Все перемешалось, нужное решение никак не могло сложиться в единое целое и придти за такое короткое время. Память Тима была великолепная, и он стал вспоминать, вспоминать все что слышал и видел. За четверть дня пребывания в уединении его посетило много странных, и даже иногда ужасных мыслей и цепь никак не могла собрать все звенья. И впал он в отчаяние о предстоящем дне, но дал он себе клятву понять непостижимое и узнать неизведанное.

Бал, как всегда по традиции, распахнул свои объятия в полдень. Слава о нем давно разлетелась по самым отдаленным уголкам империи. Начиналось приготовление, как и положено в таких случаях, за неделю, а то и раньше. Все слуги

имения и гостиного двора выполняли возложенные на них задания и поручения. Совсем скоро, под строгим надзором барона, неприступный грозный замок, превращался в поистине великолепный рай, как для его обитателей, так и тех, кто в этот день будет приглашен. Все расцветало и благоухало тончайшими ароматами, никто не мог упрекнуть Крониуса в скупости – он не жалел денег ни на что. Золото... Лишь золоту и серебру отдавал предпочтение старый барон, однако и во всем остальном выделялась исключительная роскошь.

Наступала центральная часть торжества. В имении присутствовали только избранные люди. Великолепное разнообразие фасонов поражало глаз даже самых изысканных модниц, каждая из которых хотела выделиться из толпы и привлечь к себе внимание сыновей барона. Вокруг сновали слуги, разнося подносы с разнообразными и подчас удивительными блюдами. Некоторые гости мило беседовали друг с другом, другие, окунувшись в чудесную музыку и вовлеченные в водоворот танца, выплескивали свои эмоции через знакомые и давно полюбившиеся па; третьи, просто восхищались красотой имения и богатством Крониуса. Но все без исключения были довольны и старались не упустить свой шанс, в очередной раз, приглашая на танец понравившегося кавалера.

Здесь же, рассматривая приглашенных и легким движением головы приветствуя их, как и полагается сыну барона, находился Тим. Он, один из немногих, кто ненавидел балы

и всевозможными способами отговаривал отца от их дальнейшего проведения, но тот лишь хитро улыбался и отрицательно качал головой. Рядом с юношей стоял, пожалуй, единственный друг в имении – Эдуард. Он на протяжении пятнадцати лет исправно следовал за Тимом. Старше его всего на два года, Эдуард не раз приходил к нему на помощь в особо трудных моментах жизни молодого барона. С детства он помогал Тиму в решении сложных проблем, предлагая помимо вариантов друга, свои собственные выходы из тупиковых ситуаций. Теперь же Эдуард умел все, что делал Тим: ездить верхом, стрелять из лука, легко владеть мечем, двумя... Из простого деревенского парня он превратился в строгого (к самому себе) светловолосого, кареглазого юношу с обворожительной улыбкой и обходительными манерами. Он, как губка, впитывал в себя все, чему его обучали и быстро привык к ненависти барона, за то, что его сын связался с каким-то безродным оборванцем.

Крониус, чувствуя себя при подобных пиршествах бароном, королем, императором... восседал на золотом троне с гербом меченосца на белом льве на красном фоне. Он рассматривал людей, не удосуживаясь даже кивать им в ответ. Сегодня он был в приподнятом настроении и, посмеиваясь, беседовал с советником, по всей вероятности о каких-то «важных» делах, затем резко встал, хлопнул в ладоши, призывая всех к тишине, и когда музыка остановилась, а танцующие пары прекратили свои движения и подошли ближе,

расправил складки красного плаща и торжественно объявил:

– Сегодня радостное событие в истории нашей семьи. Мой младший сын Тим, наконец решился и в скором времени женится на своей избраннице.

В толпе послышалось странное перешептывание, и даже возгласы одобрения.

Тим просто ошеломлен, у него ясно читалось такое удивление и гнев в глазах, что Эдуарду стало страшно за предстоящие события. В прошлый раз его отец, будучи в подобном состоянии, избил (и приказал избить) более десятка слуг сына, но сейчас все представлялось совершенно в ином свете. Тим, сжав кулаки, стал медленно пробираться через толпу, поближе к трону, а отец продолжал:

– Мы сыграем свадьбу в начале будущего месяца, в этом имени. Я рад за тебя, сын.

Тот остановился, толпа расступилась перед ним, и он оказался напротив отца, в десяти шагах от него.

– Кто давал право распоряжаться моей судьбой?

– Полдень давно прошел, сын. Ты не дал отрицательного ответа и дело можно считать улаженным. Я твой отец и я знаю, что тебе лучше...

– Да, ты мой отец, но срок могу назначать только я и я говорю тебе, говорю всем здесь присутствующим: свадьбы не будет ни в начале месяца, ни в конце, ни когда бы то ни было еще. Я не давал на нее согласие, и я отказываюсь от всех слов, произнесенных моим отцом. Мое молчание – знак

отказа. Ты неправильно истолковал мои мысли, отец.

Барон изменился в лице: взгляд стал холодным, тело напряженным, как будто налилось свинцом, голос огрубел, и в нем появились нотки гнева.

– Ты неразумен, тебе же открываются такие блага...

– Отец, взгляни на себя, взгляни вокруг. Как ты живешь? Роскошь, блеск, чрезмерное величие! Посмотри на других, выгляни за свои стены – люди нищенствуют, голодают, их замучили болезни и эпидемии! Ты ничем им не помог, наоборот, сокращаешь их существование! И теперь, когда ты купаешься в золоте, другие бродяжничают и попрошайничают. Как это понимать, отец, как понимать?

– Они сами себе хозяева, сами выбрали свою судьбу, – сквозь зубы процедил Крониус.

– Раньше – да, но сейчас – нет. Ты превратился в хозяина, они – в твоих рабов, а помнишь, как они шли за тобой, умирали, проливали кровь?! Помоги им, сделай жизнь более достойной!.. Ты скуп, отец, признай это!

– Да как ты смеешь говорить мне о таких вещах? – закричал старик, его руки сжались в кулак и затряслись мелкой дрожью.

– Когда-нибудь они отвернутся от тебя.

– Ты хочешь пойти против своего отца?

– Нет, я всегда любил тебя и продолжаю любить, но...

– Ты перечишь собственному отцу! – закричал он. – Я властвую здесь над всем, и я приказываю тебе исполнить

мою волю!

– А если откажусь, что, убьешь?

Юноша смотрел в глаза барона и ждал. Бал прекратил свое существование, и все это понимали. По залу прокатились возгласы удивления и негодования, но никто не вмешивался в грядущую бурю, боясь оказаться в эпицентре ее разрушающего воздействия. Все молчали и были поражены тем обстоятельством, что впервые кто-то пошел против воли Крониуса. До сих пор никто, даже старшие сыновья и самые приближенные к барону не осмеливались противостоять ему. Против него не было высказано ни единого противоречивого слова, но теперь, сейчас... рушилась та стена повиновения и покорности, возведенная некогда молодым Крониусом, дабы ни один не смог бы осквернить его «светлую» душу своими погаными словами.

– Ты обязан это сделать!

– Нет!

– И это все, что ты можешь мне сказать? – срывая голос, закричал старик.

– Именно так.

– Повтори!

– Я никогда, никогда не последую твоему совету и не жуюсь на той, которую ты мне предлагаешь.

– Жалкий, ничтожный глупец, – проговорил барон, доставая из голенища сапога всегда носимый пре себе нож. – Ты заплатишься за это! – еще секунда и он бросил его в сына.

Толпа ахнула. Юноша с трудом отпрянул в сторону, уворачиваясь от предмета. Тот продолжил свой полет и стоящий за спиной Тима слуга, с открытыми глазами упал на спину. Толпа безмолвно расступилась, образуя круг. Над лежащим нагнулся Эдуард и, посмотрев на друга, отрицательно покачав головой.

– Именно так ты и поступаешь со всеми, кто тебе не нужен?

Тим закрыл слуге глаза, вытащил из груди вошедший в плоть по самую рукоятку нож и повернулся к отцу. Вперед вышло несколько человек личной охраны барона.

– Ты жесток, отец, но жизнь твоя подходит к концу. Возможно, после смерти появится жизнь.

Он метнул нож в сторону, и тот вонзился в деревянное подножие трона, в трех шагах от Крониуса.

– Вон! Вон из имения! Ты был моим сыном, но теперь воспоминания о тебе стерлись, твое имя забыто, отныне, ты считаешься изгоем в моей империи. Забирай своих никчемных слуг и этого безродного пастуха, возмнившего себя твоим другом, ничтожество! Возможно, ты забыл, что именно я вытащил его из того навозного места, где он находился до твоего знакомства, именно я дал ему образование. Ты, – указал он кривым пальцем с алмазным перстнем на сына, – немедленно отправляешься в самую восточную часть империи – место, под названием Этилия и не дай тебе бог встретиться со мной, где бы то ни было. Вон! – он топнул ногой и сел

на трон.

Сын, соблюдая все почести, поклонился и вышел из зала. За ним шел Эдуард и трое слуг, с обречением глядящих по сторонам и ждущих удара из-за угла, как обычно поступала стража барона, когда Тим выходил из повиновения.

– Вон, все вон! – услышал юноша, выходя из дворца.

Сборы не заняли большого времени, да и что было брать? Все самое ценное и нужное в пути уместилось в двух заплечных мешках, отданных слугам. Экипировавшись в кожаный жилет и подвесив слева легкий меч, Тим спустился в конюшню, где стоял его красавец – рыжий конь Сиозор. Слуги оказались в седлах мгновенно, но вот Эдуарда пришлось подождать. Отведенных ему полчаса не хватило на сборы воинов младшего сына барона. Только через час, ближе к трем дня, ему удалось собрать все две с половиной сотни пикинеров и полсотни лучников. Именно эти триста человек пару лет назад отдал Крониус сыну и то только для того, чтобы тот научился командовать и вести их в бой. Время шло, и вскоре лучники Тима стали почти самыми лучшими снайперами империи, а пикинеры – самыми выносливыми и ловкими. Барон, видя их превосходство, хотел вернуть их обратно, но Тим, под угрозой собственной смерти, отказался и сумел добиться своего. Теперь они стояли ровными рядами около юноши и ждали любого приказа. Золоченые, начищенные до блеска кольчуги, сверкали на солнце не хуже любого золота; острые пики – в правой руке, всегда заточенные мечи – с ле-

вого бока, стрелы с железными наконечниками – в колчанах, луки переброшены через спины. Одно слово и все двинутся вперед, не разрывая строй.

Они подходили к уже открытым воротам, когда их догнал старший сын барона – Рион. Длинные, до плеч, волосы развивались, когда он скакал верхом. Остановившись, он провел рукой по усам и маленькой бородке, спешил и взял поводья брата.

– Зачем ты разорвал отношения с отцом, он ведь так любил тебя, неужели нельзя было согласиться с ним?

– Нет... Я не мог! Брат, ты тоже намереваешься склонить меня к идее отца? Если так, то у тебя ничего не выйдет, отойди в сторону, и я начну свой путь.

– Не спеши, Тим, я пришел не только за этим. Отец по-прежнему остается отцом и, хотя он в ярости, я уговорил его отдать часть личной охраны. Дорога до Этилии опасна и занимает восемь дней конным шагом, с привалами и остановками – двенадцать, а пешим строем и того больше. На тебя могут напасть как ненавистники нашего семейства, так и дикие звери, заплонившие в последнее время леса. Не отказывайся, они помогут тебе! – он указал рукой на приближающихся воинов. – Семьдесят солдат: двадцать арбалетчиков и пятьдесят мечников.

Старший брат не ошибся и не обманул, к изгоям Тима добавлялась личная охрана барона. Ее легко можно было узнать по серебряным латам с синими нашивками на пред-

плечьях. Это, конечно же, не те седобородые «старрики», находящиеся с Крониусом повсюду, а юнцы, не более тридцати лет, но, тем не менее, даже они считались лучшими из всего замка с прилежащими к нему окрестностями.

Идеально ровный строй поравнялся с братьями и из него вышел один – единственный пожилой воин и, поклонившись одному, другому, сказал:

– Не гневись на нас, молодой император, мы по собственному желанию, да с подсказки старшого к тебе пришли. Нет сил и житья с бароном, загонял он нас совсем, все деревни и города строевым маршем прошли, прежде чем поступили к нему на службу, а не прошли бы – все с голоду б подохли, – не любит он свой народ!

Тим посмотрел на Риона, потом на Эдуарда и коротко кивнул головой.

– Хорошо, я готов вас взять. Пойдете после лучников, но на первом же привале поменяете свои нашивки на желтые.

Мужчина склонил голову.

– И еще, – добавил Тим, – на время нашего перехода до Этилии, назначаю тебя мастером – мечником. Ты знаешь всех своих людей и на что каждый способен, а там... посмотрим.

– Не ожидал от тебя такого, молодой император. Спасибо! – он еще раз поклонился и повел свою группу в тыл воинов Тима.

– Лихой ты брат, лихой, – покачал головой Рион. – быстро

находишь лучших воинов.

– На то они и лучшие, чтобы быть лучшими.

Юноша тронул коня, и все двинулись за ним. Старший сын барона вскочил в седло, да так и остался сидеть до того момента, когда последний мечник не скрылся за громадными деревянными створками ворот.

Позади остались воспоминания, дом, считавшаяся до этого момента семья, но Тим совершенно не жалел о содеянном. Он думал, что возможно и не стоило выставлять барона таким кровожадным убийцей и скупердям, но относительно всего остального, юноша был спокоен. Раньше ему мало проходило путешествовать по городам и замкам, но зато сейчас он был доволен своим положением, и хотел увидеть настоящую империю собственными глазами. За все время пути, Тим пытался узнать, что происходит с некогда великой, процветавшей страной. Сейчас же она представлялась совершенно старым, дряхлым, сгорбленным стариком, который доходит с клюкой свой остаток жизни в нищете и разрушении.

Пустые деревни, села, перевалочные пункты, брошенные вещи и недоделанная работа свидетельствовали о зародившемся в народе страхе, об их выходе из империи и, возможно, смерти в неизвестном далеком месте. Все оказалось намного странным и требующим долгих и кропотливых разъяснений и изысканий. В данный момент на это не было совершенно никакого времени. Три сотни людей шли с тремя

перерывами в день: на сон, обед и ужин. Они стремились покрыть расстояние за пятнадцать дней, так как ограничение в еде не давало возможности задержаться на больший срок. Дела у них пошли лучше, когда добрались до леса. Там шли медленнее, каждый день посылая полсотни человек на охоту и по вечерам, на ночном отдыхе, обильно смаковали дикой свиной, олениной и другой подстреленной дичью.

Бывшие баронские стражники, как и говорил юноша в замке Крониуса, переименовались в Желтых Лерионеров Тима и ближе к концу пути, они уже считали друг друга братьями и клялись на библии помогать, даже ценой собственной жизни. Командование Тима было легко и просто, но в то же время, как и полагается, жестоко. Почести заслуживал тот пехотинец, который выполнял все требования Высшего (именно так называли Лерионеры молодого императора) и был лучше во всем любого, не входящего в Желтое Братство. Любое неповиновение или отклонение в школе мастерства, заложенной самим младшим сыном барона, строго каралось и наказывалось от простого выхода из Лерионеров, до смертной казни в исключительных случаях. Но до сих пор не был изгнан ни один человек, а что касается казни, то о ней уже наверняка все позабыли.

Месяц выдался жарким, засушливым, солнце нещадно пекло до самого захода, а на небе не появлялось ни единого облака. Иногда сталь накалялась до невыносимого держания, обжигая руки, но никто не обмолвился об этом и сло-

вом, считая подобный поступок слабостью.

Еще одна совершенно пустая деревня Андрэс осталась далеко позади, но на этот раз она была разорена до самого ничтожного предела. Близился одиннадцатый день перехода.

Неожиданно наступившее похолодание подняло походный дух. Лагерь разбили на небольшой поляне у входа в многовековой лес. Очередных десять человек разведчиков должны были с минуты на минуту вернуться, сообщив, что все в порядке. Восемь из них пришли, как и полагается в назначенное время, двое задерживались. Когда они, запыхавшиеся, наконец, выбежали из леса, то сразу же направились к Тиму.

– Высший! – обратился один. – Мы видели вооруженных людей в двух милях отсюда.

– Это работорговцы и у них есть товар на продажу. Они везут их в клетках по семь – восемь человек.

– Сколько их всего?

– Сотня, не меньше.

Юноша вскинул брови.

– Неужели это все рабы?

– Восемнадцать клеток. Целый караван.

Тим повернулся к Эдуарду.

– Поднимай лучников и арбалетчиков, я выхожу. Пойдешь со мной! Остальные останутся в лагере – за старшего Мэлани.

– Ты доверяешь людям отца? – удивился Эдуард.

– Они уже давно не люди отца.

– Ладно, хорошо... что касается пленных...неужели ты хочешь их освободить? Навлечешь ты на себя беду. Сам Аден, возможно, попытается отомстить за пропажу одного из своих караванов, тем более мы не знаем кто эти люди, в клетках.

– Неужели ты думаешь, что убийцы или воры дали бы себя поймать. Собирай людей. Идем!

Эдуард покачал головой, мысленно упрекая друга в безрассудстве, но подчинился.

Они вошли в лес, практически бесшумно передвигаясь по сухой прошлогодней листве и упавшим от ветра или сломанных грозой, ветвям деревьев.

Где-то через милю, идущий впереди всех Тим, заметил сверху какое-то движение и знаком руки остановил остальных. Подняв голову к кронам, он увидел белую порхающую ленту. Похоже, она была наделена даром видеть и понимать, так как встрепенулась, перевернулась в воздухе и, пролетев над головами людей, стрелой умчалась вглубь леса. Лерионеры вскинули арбалеты с луками, но юноша вновь поднял руку.

– Нет! Что бы это ни было. Мы не причиним ему вреда.

– Это духи Вековечного леса, – задумчиво произнес Эдуард, вглядываясь вдаль.

– Разве такие существуют? – спросил Тим, продолжая движение.

– Да, мне о них рассказывала покойная бабушка, когда я был совсем маленьким.

– Мой отец...

– Твой отец никогда ничего не видел дальше своего имения и терпеть не мог присутствие каких-либо духов, поэтому запретил о них говорить и многие слушались, а другие просто не знали. Прабабка когда-то говорила своей правнучке, то есть моей бабке, что застала еще последнюю битву людей с магами. По сказаниям тогда пролились реки крови и люди одержали победу, но какой ценой... им кто-то помог! Магам пророчили скорое возвращение. Их час близок.

– Маги... смешно звучит. О магах, как мне известно, никто не слышал многие сотни лет. Даже простые колдуньи с чародеями прекратили свое существование.

– Крониус в свое время позаботился, чтобы их полностью уничтожить. До самой Океании они стерлись с лица земли.

– Да-а, без них люди стали еще более жестокими. Так хоть было за кем поохотиться, да и церковь не спала как сейчас.

Они дошли до той тропы торговцев людьми, о которой говорили дозорные, но Тим повел свой отряд немного западнее, намереваясь устроить засаду до того момента, как они подойдут. Место оказалось намного удачнее, чем предполагал Высший. Людей от посторонних глаз скрывали частые кусты и низкие, набирающиеся сил молодые деревья. Ждать пришлось не долго. Буквально через несколько мгновений после того, как семь десятков Лерионеров выстрои-

лись вдоль лесной просеки, прозвучал первый свист спускающийся тетивы. Трое следопытов каравана так и остались лежать между дубом и ольхой, на расстоянии каких-нибудь пяти метров друг от друга. Торговцы лишились своих глаз, и теперь осталось не выпустить зверя из ловушки.

Скоро на тропе появились первые люди. Они шли медленно, ведя под уздцы коней, запряженных в большие телеги с огромными клетками; и все время оглядывались, но в очередной раз убеждались, что кругом тихо и спокойно, продолжали двигаться вперед, к известной им цели. В клетках сидели, стояли, лежали как мужчины с женщинами, так и совсем маленькие дети. Торговцам было безразлично, кого брать и угонять с собой, их алчная жажда к деньгам, побеждала над всем существованием и теперь гнала к еще одному легкому обогащению. Заключение, которые вскоре должны стать чьими-то рабами, представляли почти все слои населения, от самых нижайших: бедняков, нищих, бездомных, попрошайек, грязных, в оборванной одежде; до ремесленников, лавочников, торговцев, о которых свидетельствовали вымазанные, но еще узнаваемые наряды из шелка и другой материи. Оставалось только догадываться, почему работоторговцы не оставили дорогие одежды себе.

Они шли, прекрасно понимая, что их ждет в ближайшем будущем, но, совершенно не подозревая о грядущем настоящем. Некоторые сидели на телегах, некоторые шли рядом с конями или просто, на расстоянии десятка шагов от клеток.

Вначале они даже не поняли, что произошло. Первый арбалетный болт пробил голову впереди идущего, пригвоздив того к лошади и животное, забив в агонии ногами, повалило уже мертвое тело на землю. Следующий залп, намного мощнее предыдущего, поверг более половины людей. Они, скорчившись, падали, прекрасно осознавая, что разведка допустила просчет и из охраны каравана в живых никого не останется. Буквально через мгновение лучники добились остальных, и на просеку вышел Тим, следом выступили на свет и все его воины.

– Открыть клетки! – приказал он, и сам разрубил мечом плохо сделанный замок на одной из ближайших клеток.

Через четверть часа все заключенные были освобождены, а телеги сдвинуты воедино и подожжены. На лесной дороге, перед Тимом, в окружении лучников и арбалетчиков, стояло немногим больше двенадцати десятков людей. Голодные, избитые, умирающие от жажды, они едва держались на ногах. Высшей сочувствующе посмотрел на них и сказал:

– Теперь вы свободный народ и у вас такие же права, как и у остальных. Вы можете идти туда, куда сочтете нужным, но только не за мной. Я всего лишь выполнил зов сердца и освободил таких, как сам. У вас есть кони, я оставляю их всех, оружие и доспехи, надеюсь, большинство умеет с ними обращаться, вы знаете дорогу домой. Прощайте!

Он развернулся, собираясь уходить, но из толпы выскользнула девушка, опустилась на колени и, склонив голо-

ву, заговорила:

– Я не знаю, кто вы и как вас зовут, но я и мои люди желаем присоединиться к вашим воинам. Лес и его окраины очень опасны, а мы как раз знаем все тайные тропы и можем за очень короткий период провести вас куда угодно.

Юноша посмотрел на нее. Это была совсем молодая, если не сказать юная, девушка с копной золотистых растрепанных волос. Ее великолепно сложенное тело наверняка представляло интерес у окружающих ее мужчин, но Тим только восхитился этим изяществом и отбросил мысли в сторону. Обладать ей? Так сразу? Нет, он только что послушался отца по этой же самой причине и не хотел, чтобы кто-то напоминал о случившемся раздоре, но вот ее голос... мягкий...

– Нам не нужны проводники. Мы сами знаем местность.

– А воины?

– Разве у меня их мало?

– Лучников у вас хватает с избытком, но вот настоящих мечников... – хитро улыбнулась девушка.

– Мечники? – удивился Эдуард. – Зачем?

– А личная охрана?

– Мы имеем все, что нужно, – спокойно произнес Тим. –

Но неужели ты – воин?

– Хотите проверить?

Кто-то из толпы бросил ей меч, и она встала в первую, классическую позицию нападения. Тим усмехнулся и сделал несколько шагов к девушке.

– Ну, если ты так настаиваешь... Нападай!

– На безоружного? – удивилась она.

– Попробуй.

Она сделала выпад, клинком вверх, целясь в подбородок, но юноша плавно скользнул в сторону, в мгновение ока выхватил меч и даже успел отвести удар от уже пустого места перед девушкой. Та развернулась, ее меч запорхал, засиял в воздухе, обрушиваясь на сталь Тима, ушла вправо и взмыв вверх, распорол ткань жилета и оставила на кисте руки кровавый надрез. Юноша сделал оборот вокруг себя, при этом, не глядя, отразил удар незнакомки. Острие ее оружия ударилось в середину клика юноши и тот, продолжив движение, рассек ее рубашку из под которой показалась тонкая красная полоска. Она занесла меч.

– Довольно! – крикнул он и воткнул свой в землю.

Девушка не отреагировала на его слова. Тогда Тим вырвал оружие из земли, устремил рукояткой вверх и заблокировал опасную сталь. Затем повернул меч к ней острием, намереваясь приставить к горлу и выбить его, но незнакомка даже и не собиралась сдаваться. Она легко ушла в сторону, вырвала клинок из цепких объятий и, сделав дугообразное движение, намеревалась распороть юношу снизу вверх. Тот приложил немалые усилия, чтобы отвести удар и еще больше сил ему потребовалось на то, чтобы уклониться от второго выпада и выбить, наконец, оружие из рук. Оно звякнуло о камень позади юноши, и девушка непонимающе развела руками. По-

видимому, с ней еще не обращались таким наглым образом.

– Довольно! – еще раз произнес он, пытаясь выровнять дыхание.

«Такого не может быть. Уже после первого раза она должна была остаться безоружной. Неужели я где-то допустил ошибку?»

Незнакомка вновь опустилась на колени и склонила голову, пытаясь левой рукой остановить кровотечение из раны.

– Я вся в вашей власти, господин. Еще никому, до сего момента, не удавалось обезоружить меня в честном бою. По законам пройденной мною школы, в случае вашего отказа, мне придется совершить самоубийство, со всеми подобающими почестями, дабы смыть полученный позор.

«Такая милая девушка... девушка – воин! Нет, я никогда не свяжу свою судьбу с подобной. Мне нужна хрупкая и нежная, чтобы оберегать и заботиться о ней, но не эта...»

– Как тебя зовут?

– Соня.

– Соня? И это все?

– Да, именно так меня все и называют, и я не требую большего, наоборот... – она замолчала.

Тим посмотрел на Эдуарда, но тот лишь, улыбнувшись, пожал плечами, мол, решение как всегда за тобой, от меня здесь ничего не зависит.

– Ну что ж, хорошо. Ты доказала свое умение обращаться с мечом и если у тебя была такая странная школа, то можешь

остаться. Но предупреждаю, мы идем быстро, покрывая за день огромные расстояния, если отстанешь, за тобой никто возвращаться не будет.

– Я поняла вас, господин. . .

– Обращайся к нему Высший, девушка! – сказал карот – седовласый мужчина, главенствующий над отрядом лучников.

Девушка сморщилась как от удара, но сохранила спокойствие. Из толпы вышло около двух десятков людей и, последовав ее примеру, опустились на колени. Она не оборачиваясь, и не поднимая головы, заговорила:

– Я и мои люди преклоняемся перед тобой, Высший. Для нас нет ничего лучше, следовать за тобой.

– Ты хочешь, чтобы я взял с собою еще и этих?

– Да, это мои люди – восемнадцать собранных воинов. Мы странствовали везде, где только могли, но именно здесь угодили к торговцам людьми.

– А если я откажусь принять их?

– Ты хочешь лишиться меня жизни?

Он повернулся к ней спиной и сделал несколько шагов в сторону.

– Хорошо, но прежде умойтесь где-нибудь и снимите с себя эти лохмотья.

– Позволь узнать, кому мы будем служить? Кто ты и как тебя зовут? – нежно спросила Соня.

– Я? – юноша усмехнулся. – Я тот, кого все прокляли и

считают изгоем; я есть, но меня уже не существует; я тот, кому должны были преклоняться в будущем, но, воспротивившись этому, потерял все; я – Тим, младший сын барона Крониуса, сына Нимбуса.

Стоящий народ отпрянул от удивления и ужаса. Им с детства внушал страх как сам барон, так и вся его семья со слугами и воинами. Соня лишь подняла голову и округлившиеся глазами смотрела вслед удаляющемуся юноше. Тому было совершенно все равно, что о нем подумают окружающие люди. Он их спас, знает всего несколько минут и через такое же время забудет. Их благодарственные взгляды и решимость следовать за спасителем, сменились подобием страха и нерешительностью. За юношей последовало только девятнадцать человек, остальные быстро разобрали лошадей, оружие и растворились в лесу.

Тим вышел на поляну, где уже давно раскинулся его лагерь. Через довольно долгое время, когда все поднялись и тронулись в дальнейший путь, из леса показалась Соня со своими людьми. Эстэр приказал остановить пришедших, но Эдуард присвистнул, останавливая направившихся было к неизвестным мечников и, подскакав на коне, объяснил, кто это. Девушка несказанно удивилась, видя такое количество воинов. Она, в свои молодые годы, не участвуя в великих походах и войнах, лицезрела не больше сотни пехотинцев и лучников, на которых она натыкалась во время странствий. Ее люди, привыкшие, в основном, драться с небольшими

группами противников, оказались в подобной ситуации и рассматривали Желтых Лерионеров с неподдельным восторгом и завистью. Ведя под уздцы откормленного коня, она, со своими спутниками пристроилась в конец армии и спокойным шагом двинулась за ними. Сейчас Соня походила на дочь какого-нибудь зажиточного купца или командующего войском: волосы причесаны, разделены на пробор и свисают спереди спиралью; лицо вымыто и кажется еще более прелестным; легкая сетчатая кольчуга сидит на ней как влитая, а меч и торчащий за сапогом кинжал говорят о ее воинственности. Следующие за ней люди также переоделись в лучшую одежду и более – менее походили на воинов, не как составляющее звено какой-нибудь армии, а просто на бродячих воинов – одиночек, объединившихся в клан.

Следующие три дня прошли также уныло и скучно, как до встречи с караваном. Эдуард и Эстэр, знающие дорогу до Этилии, немного подустали, соскучившись по хорошему звону скрецающихся мечей. На четвертый день Соня не выдержала и, подъехав к Тиму, заговорила.

– Позволь спросить, Высший, далеко ли до того места, куда ты собираешься придти?

– Твое нежное тело устало скакать верхом?

Она покраснела.

– Ты не прав, Высший, я готова следовать за тобою даже в ад, но когда знаешь цель конечного пути, ехать становится гораздо легче.

– Ты только посмотри, – шепнул на ухо Эдуарду Эстэр, где-то раздобывший коня и ехавший с ним на равных. Они отстали от Тима на десяток шагов и теперь только наблюдали, – а она время зря не теряет, вчера ехала позади всех, а теперь уже пытается совратить молодого императора.

– Возможно, ты и прав, но она поистине красива, молодая...

– На его месте я бы не отказался от такой жены.

– Ему не нужна жена – воин.

– Правда? – мужчина усмехнулся в усы, не сводя глаз с девушки.

– Если ты так хочешь знать, мы едем в Этилию.

Она вдруг остановила коня, опустив голову, о чем-то подумала и догнала юношу.

– Но Этилия, это же...

– Про нее ходит много разных слухов и страшных преданий, но мне велено там жить и я разрушу все порочные легенды, посрамляющие имя города.

Многочисленно посмотрев на Тима, Соня углубилась в свои размышления.

День давно пошел на убыль, предоставляя очередное право главенствования ночи, лагерь давно был развернут на большой поляне перед холмом и два десятка охотников, вернувшись с добычей и смачно поужинав, спали у костра. Но не все придавались ночному забытию. На окраине сидел человек, обхватив ноги руками и положив на них голову, о чем-

то размышляя. Девушка думала о Тиме, о своем спасителе, которому принадлежала. Она несколько раз обошла вокруг спящего юноши, всякий раз боясь подойти ближе и лечь рядом и всякий раз, за Соней скрытно от нее самой, наблюдал Эдуард, боясь за жизнь друга. Теперь же она сидела и собиралась с мыслями, готовясь к завтрашнему дню. Что будет завтра, она не знала, но хотела сделать по-своему. А утро наступило намного раньше, чем предполагала Соня, уснувшая в густой траве.

Лагерь собрался, тронулся в путь и уже к полудню перевалил через громадный вал и подобрался к подножию третьего.

– До Этилии полдня, максимум день, – сказал Эдуард.

– Хорошо бы. Переход слишком затянулся.

– Я хочу поговорить на счет спасенной и принятой к нам девушки. Она...

– Я знаю все, что ты собираешься мне сказать, друг, и про ночь тоже. Не беспокойся, я разберусь с этим.

– Как знаешь, – только и смог он ответить.

Он вернулся назад к Эстэру, продолжая начатую беседу, а мимо них, нагоняя Тима, промчалась Соня.

– Зря молодой император взял ее с нами, быть большой беде, уверен, – голос Эстэра прозвучал несколько неодобрительно.

– Высший! – сказала девушка, опустив голову и глаза.

– Я знаю про эту ночь. Ты ходила вокруг, я не спал!

Она еще больше опустила голову, пытаясь спрятать зали-

вающее краской лицо в золотистых волосах. Соня натянула поводья, конь заржал, дернулся в сторону, и она уткнулась губами в его щеку, но не удержала равновесие и свалилась между лошадьми.

Впереди на пригорке показался волк.

– Стая! – прошептал Эстэр.

Тим схватил барахтающуюся в густой траве девушку и взволок в седло позади себя, развернул коня и поскакал к отставшим воинам.

Перегруппировка заняла около минуты. В три линии выстроились мечники и пикинеры, взяв в полукруг лучников и арбалетчиков. Соня, со своими людьми, заняла тыл позади всех. Первый волк сбежал с горки достаточно быстро. За ним показался второй, десяток, два, сотня, другая... По подсчетам Эдуарда, их было чуть больше четырех сотен. Пикинеры опустили на колено, воткнув древко копья в землю и, выставив острие на приближающихся животных, вынули мечи из ножен и положили рядом. За ними, дыша в затылок, стояли пять десятков мечников с оружием в руках. Между людьми последней линии устроились лучники: одни опустившись на колено, другие стоя. Арбалетчики, разделившись, отошли вправо и влево. В центре стояли Тим, Эдуард и Эстэр.

Волки приближались с огромной скоростью, казалось сам ветер гнал их вперед. Они были не простыми хищниками, а превышали их в полтора, а то и в два раза. «Колдовство?»

Нет, оно вымерло. Тогда что?» – думал юноша. Он поднял вверх руку с мечом: послышался звук натягиваемой тетивы, арбалетчики прижали к груди арбалеты, целясь в серую волну мяса, дыхание участилось, мечники, заскрипев железными перчатками, сжали рукояти, опустив лезвие вниз. Подпустив голодного врага на минимальное расстояние, Высший опустил меч, указывая на лавину бегущих. Сотня стрел и железных болтов устремились вперед, сметая первую часть хищников, второй заход уничтожил столько же, но порождения леса достигли воинов, и первая сотня, ломая пики, насаживаясь на них как на вертел, давала беспрепятственно затопить людей остальными волками. Лучники с арбалетчиками резко подались назад, а задние ряды, слившись в один, сделали шаг вперед и взметнули мечи вверх. С секундным опозданием то же проделал и первый ряд пикинеров, те, на кого еще не успела наброситься стая. Трава моментально обогрилась кровью. Люди и животные слились воедино, пытаются уничтожить друг друга. Мечи, сверкая на солнце, опускались на головы волков, вспарывали им животы, разрубали шеи, лапы... Хищники пытались прокусить железные латы, но только скребли клыками сталь и изредка слышался крик человека не облаченного в доспехи. Трупы устилали поляну, но забрызганные кровью, мозгами, погрязшие, по колено, в развороченных внутренностях тварей, люди не ослабляли защиту. То там, то здесь слышался визг и предсмертный хрип раненого зверя. Арбалетчики, еще не утонувшие

в разъяренной, изголодавшейся волне, отбежали на несколько ярдов назад и дали залп по остатку приближающихся падальщиков. Натиск ослабевал. Не прошло и четверти часа, как единицы выживших, поджав хвосты и, озираясь по сторонам, углубились в чащу, оставшегося в нескольких милях восточнее, Вековечного леса, зализывать свои раны.

Люди собрались и выстроились перед Тимом. На удивление и Соня, и ее спутники оказались живы—здоровы и отделались меньшей кровью. Эдуард с Эстэром осмотрели убитых и помогли раненым.

— Тридцать шесть не добрались до Этилии и останутся здесь навсегда, — склонив голову, сказал карот. — Восьмерым нужна помощь, из них у одного обезображено лицо. Остальные готовы к дальнейшему переходу.

По приказу Высшего, для слепого, с искромсанной ногой мужчины, сделали носилки и, решив достичь Этилии до захода солнца, бросились в путь.

Проходя мили, люди всматривались в даль открывавшейся равнины, с опаской поглядывая на кажущимся добрым лес. Местность опустела, даже не стали попадаться одиноко растущие деревья и кусты, но зато появились первые признаки людей — полуразвалившиеся и покосившиеся от старости, ветхие деревянные строения. С приближением к Этилии они увеличивались в своем числе, но представляли такие же грязные, нищие, убогие жилища.

Ближе к восьми вечера, отряд вошел в Этилию — самое

дальнее восточное поселение империи Крониуса. Оно представило прибывшим свое нутро – жалкое существование населения... города? Едва ли. Это с трудом можно было назвать городом, скорее вымирающая деревенька, где каждый житель доживает свою жизнь, совершенно не интересуясь заботами других. Здесь был поросший мхом и кустарниками замок, обшарпанная, обвалившаяся стена вокруг, но это все, что напоминало о городе. Выливающиеся на улицу помои прямо с порога дома, реки зловоний, едкий режущий запах гари и дыма, кучи гниющего мусора, костей животных и вызывающие отвращения колодцы, из которых люди, похоже, берут воду для питья... Все увиденное вызывало тошноту и немедленное желание убраться отсюда на много, много миль дальше, забыть, стереть воспоминания и никогда больше не возвращаться, но судьба распорядилась иначе – здесь суждено жить.

«Нет! Я не буду вспоминать. Жалкий народ, пусть копается в своей мерзости. Ненавижу его!» – эти слова как будто кто-то прокричал издали, будто разломал разум юноши и стал диктовать свои условия. Тим схватился за голову, но это закончилось так же быстро, как и началось.

Он, держась за виски, подождал, когда соберутся жители: в изорванных, грязных одеждах, неумытые и не причесанные, и, посчитав количество достаточным, привстал в стремях и крикнул:

– Кто из вас староста, мне нужно с ним поговорить!

Вперед вышел старик с клюкой и, подняв морщинистое загорелое лицо, сказал:

– Я буду старостой, но позволь тебя спросить, молодой господин, что тебе нужно в этих краях?

– Как раз это я и хотел обсудить. Меня зовут Тим, я младший сын барона Крониуса, сына Нимбуса. Будучи в состоянии несправедливого гнева, он изгнал меня и обрек на существование здесь, в Этилии...

Народ отпрянул от этих слов. Волна нескрываемого шепота прошла по стоящим впереди. Ужас и страх вновь завладели сознанием людей. Они вспомнили старое и постигли боль.

– ... и видя ваше ничтожное существование, я помогу вам, но вы поможете мне...

Староста упал на колени прямо в лужу и заговорил:

– О Великий Господин, мы – жалкий народ, не достойный твоего внимания. Не гневайся на нас, мы всего лишь рабы! Нас прокляли и обрекли на вымирание, но мы продолжаем жить в этом аду, лелея надежду лучших дней.

– Мир меняется. Ваша надежда стоит перед вами.

Он спустился с коня, помог старику подняться и продолжил:

– Нам нужно добраться до замка. Сопровождай нас!

Тот поклонился и робко зашагал вперед. Воины последовали за ним. Тим бегло осматривал народ, проходя между ними. И тут он заметил девушку, чумазую, смешную, но в

то же время прекрасную. Юноша остановил взгляд и она, не выдержав, смущенно подалась назад, скрываясь в толпе.

– Много ли у вас людей? – спросил он.

– В самом городе сотни две, да за его пределами, если хорошо поискать, едва ли пять наберешь. А ты, верно, в какой-то поход собираешься? – прищурился он, спросив и, подумав, все-таки осмелился спросить. – Не на барона ли?

– Нет, отца я чту, но мне нужны все, способные работать. Через неделю начнется восстановление города. В таких отбросах невозможно жить – это самоубийство. Мы должны воскресить прежнее могущество!

– Ты только что приехал, а уже думаешь о таком несбыточном... ты молод, Господин и многое не знаешь.

– Все обращаются ко мне: Высший. Зови так! Мне рассказывали кое-что в детстве, да и сам многое читал из летописи. И все-таки я не знаю большего, да и говорилось обо всем полупешепотом, или вообще молча, а из уст видевшего, события принимают истинный смысл. Что произошло? – проигнорировал он слова старосты.

Старик вздохнул. Было видно, что прошлое доставляет ему боль, но он лишь поморщился, закрыв глаза и, как показалось Тиму, пошел быстрее; видимо, намереваясь скоро закончить разговор.

– Когда это произошло, я был еще совсем маленьким. Мы жили независимо ни от кого, своей уединенной общиной, своим городом, выстроенным собственными руками, но при-

шел тот, кто подминал под себя народы и рассыпал прахом замки. Это был барон Крониус, сын Нимбуса, в таких же годах, как и ты. Три года длилась осада, с каждым месяцем уничтожая наших людей и истощая запасы продуктов. Сам барон показался только при самом последнем штурме и с триумфом разъезжал по разоренному городу. Его пять тысяч солдат исправно пополнялись новыми людьми, присланными с уже покоренных земель, и все чаще и чаще бросались они на стены города. Последний оплот сопротивления был подавлен в самом замке, уже после поголовного истребления населения. Мне чудом удалось спастись. Едва ли найдется десяток человек, которые пережили творившейся тогда ад. Но даже после взятия города, продолжали пропадать люди барона, провозгласившего себя впоследствии императором всего покоренного Альвеста; а потом находились зверски убитыми в разных концах Этилии. И возненавидел нас за это Крониус, что не сумел до конца покорить людей, подмять под свою железную руку, и разрушил храм Спасителя, и проклял это место десятью десять раз, но забоялся его и не оставил здесь ни единого своего воина, а только тех, кто по его мнению заслуживал кары. С тех пор прошло много времени: население увеличилось, мы кое-как существуем, немного отстроились и даже возвели небольшую церквушку, но это все, чем можно гордиться. Земля продолжает оставаться проклятой. Горный сокол давно улетел и своим исчезновением положил конец всему нашему, некогда, великолепному миру.

Горное Королевство прекратило свое существование полвека назад. Герб *Горного Сокола* перестал виться над замком. Все ушло в прошлое. Люди отчаялись!

Старик остановился. Они находились у входа в замок – пугающий и страшный в своих теперешних очертаниях. Он с трудом воспринимался центральной твердыней города. Выбитые, разрушенные, покосившиеся стены взирали на нового хозяина.

– Здесь мы останемся на ночь! – сказал юноша войску – Разбивайте лагерь! – и повернулся к старосте. – Приходите на рассвете, мне нужно, чтобы вы отвели меня к настоятелю, да и с народом необходимо поговорить.

Тим всегда с уважением относился к старикам, понимая их мудрость. Старец ушел и до утра, решено было, не приниматься ни за какие работы.

Единственное, что было сделано – это возведение палаты-врачевальни, где оказали слабую, практически бессмысленную помощь покалеченным воинам, лишь на время продлив жизнь. Ее поставили вблизи замка, чуть в отдалении от главного входа в холл.

Находящиеся среди войска Тима воины – лекари оказались слабы в своем недавнем освоении знахарства и целительства. Здесь, как нельзя лучше подошли бы настоящие врачеватели, обучаемые за пределами Океании, куда пока не добрались вечно враждующие империи людей. Разумеется, империя людей была и там, но в отличие от настоящего ме-

ста, войны за пределами Океании никто не слышал, да и проникающих оттуда слухов было настолько мало, что никто не обращал на них особого, как ранее, внимания. Никто из простых не посвященных не сумел проникнуть в эту закрытую, от посторонних глаз, землю, даже шпионы всех империй ничего об этом не знали. Океан жесток, никому из смертных не удалось переплыть его и найти то загадочное место. О тех людях складывалось только одно мнение...

Конечно же, и в Альвесте находилось немало первоклассных лекарей далеко не первого ранга, но в таком убогом месте как Этилия, о подобном можно было даже и не думать, а на чью-либо помощь никто не рассчитывал. Она нужна самому городу, какое тогда уж дело до каких-то искалеченных волками воинов.

С первыми лучами солнца проснулись все, и Тим раздавал указания, стремясь закончить еще не начатое, то, благодаря чему *Горный Сокол* вновь воспарит в небе. Эдуарда и Эстэра, со всеми его людьми, он отправил в ближайшие (до десяти миль) поселения, с целью найма людей; три десятка ускакали за едой, не только для своих, но и для всего города; полсотни – на исследование предгорной территории, а остальных – на очистку земли перед замком и осмотр его самого. Тим, выбрав пятерых мечников и лучников, отправился со старостой к местному священнику, больше узнать о происходивших здесь событиях и не только в жизни города.

Ему вновь повстречалась та девушка, которая еще вчера

произвела на него вспышку впечатлений и эмоций. Тим сначала не поверил себе и не признал то, что она ему понравилась, но теперь, видя ее во второй раз, он убедился, что она ему нужна. В замке барона он мало общался с людьми вне пределов имения, предпочитая отсиживаться за каменными стенами или в саду. Сад... Сколько воспоминаний и не сбывшихся мечтаний отозвалось в сердце. Но эта девушка, простая девушка, зацепила его чувства и душу. Что-то странное происходило в сознании юноши, возможно первое рождение любви? Да, он мечтал полюбить не знатную, а нежную и прекрасную, чтобы жизнь подарила ему сладкие моменты и вот, похоже, все исполнилось. Юноша снова остановил на ней свой взгляд. Ее глаза, цвета девственного неба, заметались в поисках укрытия, а на щеках выступил румянец. Она отвернулась, подхватила два ведра воды и удалилась в избу, спрятавшись от незнакомца. *«Неужели любовь бывает такой... красивой? Постоянные учения и тренировки воинов не давали мне полной свободы, да и пристальное внимание отца наложило отпечаток на уединение и покой. Но его нет, его указания и приказы больше не распространяются на меня. Все прошлое ушло. Настоящее началось именно сейчас, при виде совсем обычной, на удивление красивой девушки».*

– Я смотрю, тебе приглянулась наша Джен, Высший? – старик проследил за взглядом юноши, но теперь уже не боялся его и не трепетал как раньше, а узнал поближе и, возможно, действительно считал спасителем.

– Она – прелесть, – скорее для самого себя прошептал Тим.

Староста усмехнулся, потер бородку и сиплым голосом произнес:

– Джен одинока, ее родители, как и два старших брата, умерли несколько лет назад, когда по городу прокатилась страшная всеуничтожающая болезнь. Город опустел наполовину.

– Значит она сирота?

– Нет, у нее есть младшая сестра, но та слишком мала, чтобы заботиться о себе. Мы опекаем и помогаем Джен, и, по возможности отвращаем нападки всякого сброда, – он посмотрел на Тима.

– Хотите сказать, кто-то уже хотел взять ее в жены?

– Да, – старец опять усмехнулся. – Последнего, она заколола вилами на пороге собственного дома. Мы не возражали.

Юноша, стараясь скрыть удивление, повел бровью и замолчал.

Дверь открыл мужчина в годах, опрятный, умытый, причесанный, как и подобает настоящим служителям церкви. Он зорким пронизательным взглядом осмотрел пришедших и впустил в дом, с другой стороны которого находилась церковь. Сопровождающие воины удобно расположились у входа на крохотной полянке, забавляя друг друга рассказами.

– Я знаю, зачем ты пришел, Тим, сын Крониуса, – сразу же начал священник. – Возможно, именно ты и был написан в

священном писании, заложенным в основание бывшего храма.

Внутреннее убранство превосходило все ожидания. Здесь существовала совершеннейшая противоположность улично-му запустению: идеальная чистота, тишина и спокойствие, никакого излишества, только самое необходимое: стол, два стула, дощатая кровать, икона Спасителя и несколько других предметов обихода, но не заменимых в хозяйстве.

– Разве пророчества говорили о чьем-либо пришествии? – удивился Тим.

Сидя на стуле, он с интересом разглядывал собеседника, который почему-то сразу же внушил доверие, но изо всех сил старался изобразить обратное.

– Они уточняли десятилетие и то, что это будет человек, дающий жизнь. Ты появился в назначенное время, как раз в промежутке лет и, по словам Найдэна, – он указал рукой на старца, – даешь жизнь. Я прав, сын мой? Старейшина не ошибся в своих домыслах, и ты правду сказал тогда на дороге?

– Все, что я говорил вчера – чистая правда. Я намерен возродить королевство *Горный Сокол*, перестроить город и дать живущим лучшую жизнь.

– Это громкие слова, юноша, исполнишь ли ты их?

– Я готов поклясться на библии, если вам это нужно. Я собираюсь основать красивейший, на протяжении всей империи, город. Центральная его часть – замок, обнесенной

высокой крепкой стеною. Вторая же стена, более прочная и укрепленная, должна опоясывать весь остальной город.

Он поделился всеми своими идеями и планами относительно Этилии. Говорил Тим уверенно и, поясняя все, что требовалось. За время, проведенное у настоятеля, они обо всем договорились. Михаэль оказался весьма не глупым человеком и знал намного больше старосты. Он часто молился, принимал исповеди и покаяния и мог рассказать о каждом, но время для этого еще не подошло.

Они вышли на улицу, вдыхая тонкий аромат полудня (церковь находилась на пригорке, в небольшом отдалении от самого города и каким-то образом отвращала все дурные проявления), но не спешили расходиться. Тим никак не мог решиться и спросить о давно волнующих его мыслях. Эдуард, сам того не зная, зародил в друге сомнения.

– Я вижу, тебя что-то тревожит? – спросил настоятель. Подол его рясы касался травы и стряхивал с нее еще не высохшие капли росы.

– Вы знаете что-нибудь о *Войне Магов*?

Михаэль остановился, на морщинистом лбу появились новые глубокие борозды, он сцепил позади руки и продолжил движение.

– *Война Магов*? Да, летопись и пророчества говорили об этих кровавых днях. Тогда мир канул в бездну, и раскрылись врата ада. Огромными потерями люди добились победы и изгнали магов за пределы мира *Большой Бабочки*. Где они

сейчас – никто не знает, но те же пророчества предостерегают об их возвращении и приходе Сатаны со своими воинами.

– *Большой Бабочки*? Что это такое?

– Это наш мир, сын мой. Когда-нибудь я расскажу тебе об этом, но кажется, ты хотел спросить другое!

– Да. Неужели не нашлось ни одного *Белого Мага* в противостоянии с ними?

– *Белого*? Видишь ли, все они были людьми, но люди подвержены искушениям и если оно берет над ними верх, то они превращаются в рабов. Да, среди них были и *Белые*, но в далеком прошлом. Даже *Белые* не могут удержаться от соблазна и становятся *Черными*, и этим все сказано. Чего ждать от людей, все мы грешны. Нужно уповать только на Спасителя, только вера в Него способна творить чудеса.

– А как же быть, когда город в осаде, а вера не помогает?

– Брать меч и с именем Господа на устах идти в последний бой.

– Говорят, все колдуны и чародеи также бесследно исчезли?

Михаэль долго смотрел на юношу, играя скулами и, закрыв глаза, произнося молитву, долго молчал, потом тяжело вздохнул и сказал:

– Идем!

Они дошли до какой-то одинокой постройки и спустились в подвал. Тим никак не ожидал, что это окажется темницей для заключенных. «*Неужели здесь кого-то держат?*» Запу-

стение царствовало везде, многое проржавело, осыпалось и заросло паутиной. Больше половины дверей в камерах не оказались на своих местах, расплзлась грязь, сырость, зловонный запах; земляной пол местами провалился, открыв глубокие ямы. Пройдя по длинному, почти не освещенному коридору, они остановились около идеальной во всех отношениях двери и настоятель, легко надавив рукой, отпихнул ее в сторону. Свет факелов занял все пространство. Тим шагнул вперед. Посреди довольно большой комнаты располагалась жаровня с еще тлеющими углями, где, накалившись докрасна, лежали щипцы, пруты и другие подобные предметы. Только через минуту он разглядел в дальнем темном углу сидящего мужчину, скрестившего руки на груди, а в противоположном прикованного цепями к стене человека. *«Пыточная!»* – ужаснувшись, вздрогнул юноша и отступил на шаг назад.

Немного привыкнув к полумраку, он подошел к узнику.
– Боже мой! – вырвалось у него.

На цепях висела молодая девушка, вся в шрамах, ссадинах и кровоподтеках. Ее полуобнаженное тело покрылось коркой запекшейся крови и грязи. Тим поднял ее голову, упавшую на грудь, но она никак на это не отреагировала. Сознание отсутствовало, она полностью принадлежала палачу, и тот мог вытворять с ней все, что считал нужным. Юноша провел тыльной стороной ладони по замасленной щеке, плечу...

– Это и есть чародейка. Мы поймали ее, когда она хотела отравить воду в колодце. Над ней уже неделю работает палач, но она так еще и не призналась в пособничестве дьяволу.

– Откуда вы знаете, что она искусна в волшебстве?

– До этого, она много месяцев, притворяясь, помогая людям, вынашивала злые помыслы и однажды натравила на город лесных зверей. По одному ее голосу они сбегались и устраивали настоящую резню среди населения. Тогда мы чудом отбились. А когда подходила к колодцу, то держала в руках свои снадобья и шептала заклинания. При попытке схватить ее, она заперлась в одном из ближайших домов и запечатала его заклинаниями. Только святая вода Спасителя разрушила ее чары и скоро она предстанет перед Ним на Его суд.

«Чародейка? Она не похожа на злого обезумевшего монстра. Она также юна, как и я, не может быть, чтобы тьма поглотила ее и сделала своей рабыней как тех магов. У нас много работы, хватит и на нее».

– С чего вы взяли, что она шла портить воду?

– Мне много приходилось видеть чародеев и колдунов, принадлежащих Тьме, и все они, стремясь разрушить созданное, поступали подобным образом. Она не исключение.

Задумчиво покачав головой, поддерживая настоятеля, Тим резко выхватил меч и одним дугообразным движением разрубил цепи, сковывающие руки. Подхватив падающее тело, юноша бережно опустил ее на земляной пол и обратился

к священнику.

– Пока я здесь, я не позволю, чтобы издевались над людьми, даже если они чародеи и колдуны. Она еще слишком юна, чтобы сотворить пятый круг ада! Церковь всегда преследовало тех, кого считала уличенными даже в малой волшебстве. Она пойдет со мной!

Настоятель шагнул назад, сложив руки в молитве, и кивнул головой. Это был знак. Сидящий до этого без движения и просто наблюдающий за происходящим палач, встрепенулся, в одно мгновение оказался около жаровни, и резко вытащив острый раскаленный прут, швырнул в юношу. Тим сделал оборот вокруг себя, левой рукой выхватывая и бросая спрятанный у пояса кинжал, а правой взмахивая вверх. Натренированная рука сделала свою работу и лезвие, по самую ручку, вошло в горло, раздробив хрящики. Палач хлебнул ртом воздух, издав протяжный стон, дрожащей рукой нервно схватился за шею и с хрипом распластался на полу. Тим поднял согнутой дугой, от удара меча, прут и отшвырнул его в сторону.

– С этого момента казнить или миловать будут только с моего ведома. Никто не окажется убитым, пока я не узнаю обо всех его прегрешениях.

Михаэль нахмурился, отошел в сторону и указал рукой на дверь.

– Можешь идти, сын мой, надеюсь, ты совершил правильный поступок, но что скажет город, узнав о случившемся?

– Город может и не узнать, если все держать в тайне. Я укрою ее в замке, подальше от посторонних глаз.

– Но вечно она не сможет прятаться.

– Этого и не нужно. Достаточно переждать год или два – остальное само придет.

Юноша бережно поднял легкое, почти невесомое тело девушки на руки и поспешил убраться из страшного подземелья, причинившего столько боли и унижения людям, включая и это светловолосое создание. Обходными путями он добрался до лагеря, передал девушку Сони, и, рассказав о произошедшем с ней, попросил, по возможности, удобно расположить ее в здании.

Вернулись, исследующие предзамковую местность, люди. Они много рассказали о внешнем укреплении замка, его разрушениях, о тайных заросших и замурованных тропах, о возможностях улучшения, разбора завалов и некоторых предполагаемых тайных убежищах. Воины, осматривающие внутренние покои также принесли немало интересного: от описания жилых комнат, обвалившихся верхних этажей до наивно скрытого подвала, ведущего в тайное подземелье с многочисленными, замурованными входами.

Как предполагал Тим, выходов должно было быть пять: к церквушке, лесу, горам, реке и последний, ведущий в третью высшую часть Этилии, туда, где должно было что-то стоять, но из-за убогой, ничтожной жизни, исключительно в существование, это оказалось попросту невыполнимым. Имен-

но подземными тоннелями заинтересовался Высший и решил самолично разведать недра замка.

– Отныне вы не будете голодать, и жить в нищете! Я уже говорил однажды, что помогу вам, а вы поможете мне и не только мне одному, но и себе. Я хочу заново отстроить город и вернуть ему былое могущество, и я нуждаюсь в вашей помощи.

Юноша стоял на небольшом холмистом возвышении и зывал к народу. Он дал себе клятву не идти по пути отца, но сделать страну процветающей. Ему выпала Этилия. Что ж, это только первый этап на пути к империи, его империи. Не кровавой, гниющей и утопающей в собственном смраде, а к великолепной, изящной; но в то же время сильной державе, способной сокрушить любого, вставшего на путь зла, ненависти и гнева, поддавшегося искушению и добровольно отдавшему душу дьяволу.

– Твои слова лживы, а уста слащавы, – вышел вперед Михаил. – Ты прибыл сеять смуту и раздор. Все подчиняются тебе, так как ты – Высший, но твоя душа проклята как это место. Ты служишь Сатане! Он, – повернувшись лицом к толпе, закричал настоятель, – спас от костра чародейку Нико, которая чуть было, не отравила весь город, которая своими чарами призывала лес и которая осквернила себя волшебной. А он, – указал пальцем на юношу, – убив палача и, назвав себя ее покровителем, приютил в замке. Этот человек источает зло, не верьте ни единому его слову. Яд по ветру

закрадывается в ваши уши и отбирает волю, делая послушными, услужливыми рабами. Он...

– Довольно! – закричал юноша, и голос его был подобен грому. – Да, я приютил ее...

Люди отступили, с ужасом взирая на, как будто бы увеличившегося в гневе, отступника. Послышался шепот и тяжелые вздохи разочарования. Видимо здесь, на проклятой земле, скрывается нечто более ужасное, нежели далекое проклятие Крониуса. Стояще люди боялись всего. Любое незначительное проявление зла накладывало отпечаток в их некогда добрые и светлые души. Они устали от постоянного горя и нищенского существования. Они не ведали ничего, кроме своей нынешней жизни. Отчаяние сдавило их плотным туманом и с каждым днем только усиливало свои объятия, стараясь не выпустить попавшую жертву. Помощь пришла неожиданно, издалека, оттуда, откуда ее совершенно не ждали и они хотели ее принять, но церковь, ставшая единственной светлой надеждой в их жизни, стояла выше всего земного, и никто не знал, что делать. И стояли они на месте, и пытались понять, и ждали какого-то пророчества...

– ... но неужели это создание способно сеять раздор и отнимать жизнь? Сколько ей, семнадцать, восемнадцать? За что вы приговорили ее к такому страшному наказанию? Если она действительно чародейка, то почему не помогла вам, говорят, она это делала, но именно вы воспрепятствовали ей и чуть не погубили! За что такая ненависть? Это место по-

губит вас, если не начать действовать самим. Возможно, я и не стану ее покровителем, но она прибудет со мной в замке, и я выясню все, что с ней связано. И я ручаюсь головой, что она не совершит ни единой, даже малейшей, черной волшбы, пока находится со мной!

– Громкие слова, Высший, – вновь повторил священник, но уже процедил это сквозь зубы. – Но как быть с волками и другими хищными тварями. Это уж точно ее рук дело.

– Об этом будет вестись разговор, но только когда она придет в себя. Ваш палач хорошо постарался над беззащитной, доведя ее до предсмертной черты.

– Вам решать, люди! – воскликнул Михаэль.

Мгновение раздумий и первый человек опустил на одно колено, за ним второй, третий... Вскоре все признали Высшего, но не как побывавшего здесь когда-то алчного императора, а как надежду на спасение, на мечту возвращения королевства *Горный Сокол*. У Тима как будто исчез давящий вниз огромный камень, и даже отравленный воздух показался чистым, прохладным и дающим новую жизнь.

– Посмотрим, – прошипел Михаэль. – Вы еще больше погрязли в адских замыслах. Сатана может торжествовать над такой легкой победой, но когда придет очередная беда, церковь не поможет отвернувшимся от нее.

Настоятель ушел, взывая к Спасителю, а Тим еще долго общался с народом, узнавая многое тайное и рассказывая им необычное. Только поздним вечером вернулся он в замок,

когда все спали и только Соня, все еще сидела над кроватью мечущейся в бреду Нико, и утирала выступающий на лбу холодный пот. Девушка тяжело вздохнула и покачала головой.

Три дня лежала юная чародейка в беспомощности, постоянно ворочаясь, выкрикивая бессвязанные слова и непонятные обрывки фраз, и только на четвертый обрела сознание, способность самостоятельно передвигаться и разговаривать. Она с удивлением обнаружила, что находится не в жарком, пахнущем гнилью, тусклом подвале, с мерзким и отвратительным палачом, нещадно терзающим тело всевозможными пытками, а совершенно в другом непонятном, но знакомом месте, в окружении странных добрых людей, которые всячески заботятся, ухаживают и даже, как маленького ребенка, кормят с ложечки.

– Как тебя зовут? – нежно спросила Соня. Конечно же, она знала, они все знали ее имя, но просто хотели удостовериться, что она идет на поправку.

– Нико, – ответила та.

Голос ее оказался необыкновенно чистым, красивым и мелодичным.

– Это все? – поинтересовался Тим.

– Роен, – добавила она, недолго подумав. – Моего отца звали Роен. Нико Роен – мое полное имя, но все называют Никки. Зовите так!

– Ты такая юная, – тихо произнес юноша. – Говорят, ты чародейка. Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Тим с Соней переглянулись. Никто из них двоих даже подумать не мог о том, что она окажется настолько юной. Вид девочки говорил о семнадцати – восемнадцати, но никак не о том возрасте, который она произнесла. Это было действительно изумлением. Такая маленькая и уже... пытки! Боже! Девушка прикрыла глаза, пытаясь не выдать себя.

– А твоя семья...

– Ее уже давно нет. Я осталась совершеннейшей сиротой в два года, а в три пришли странные люди, разорили деревню, а меня, с парой других детей оставили в жертву их богам. Тогда я скрылась в лесу и до недавнего времени жила там. Меня приютили звери, а Вековечный Лес поделился своей магией. Потом, не знаю за что, меня поймали. Стая пыталась помочь, но что она могла поделать против мечей и стрел.

Нико как-то сразу поверила им и раскрыла свою душу, не чувствуя в сидящих рядом врагов. Да, она была юна, практически ничего не знающая в жизни, кроме сырого подвала, исковеркавшего ее молодую жизнь. Но единственное, чем она могла гордиться – открывшемуся в последнее время, совсем недавно, несколько дней назад, глубокому проникновению в человеческие души и независимо от них, раскрытия доброжелательной или злонамеренной сущности, но только и именно человеческой.

– Значит, ты вообще не пыталась отравить воду в колодце? – спросил Тим.

– Отравить воду? Она уже давно отравлена, ее же невозможно пить, как они еще живут? Я долго готовилась и шла очистить ее, но Михаэль натравил людей и те чуть не закидали меня камнями.

– А Стая?

– Стая? Я люблю ее всем сердцем, гораздо больше, чем этих жалких свихнувшихся людишек, она заменила мне семью, дала кров, пищу, открыла долю тайных знаний. Теперь я могу говорить и понимать Природу.

– Говорят, это ты натравила зверей на город, – осторожно поинтересовался ее спаситель.

– Я? Посмотрите на меня, разве я способна лишиться целовека жизни, дарованной Всевышним? Мои знания слабы настолько, что я не мола вырваться из лап палача, – по щеке медленно скатилась слеза. – Разве стал бы охранять чародейку, принадлежащую Тьме, всего-навсего один человек? Нет! Для этого существует церковное Братство.

– Михаэль все же настаивает, что ты...

– Этот еретик еще покажет себя в деле, будьте уверены!

– Но он священник!

– Вы мудры, господин, но неужели вы не видите?

– Я узнаю! Но тебя нужно укрыть!

– Она останется в замке, только здесь мы сможем защитить ее.

Соня посмотрела в глаза Тима, но он и без ее подсказки знал, что будет делать дальше. Он только кивнул головой.

– Пока народ не успокоится и не признает тебя невиновной в происходящем, ты будешь здесь, а потом...

Она молнией соскочила с постели и упала на колени.

– Прошу вас, господин! Вы единственный, кто сжалился надо мной и прекратили страшные истязующие пытки. Все мое существование и «*маленькое*» волшебство принадлежит вам. Если вы не знаете клятву чародеев, то я могу произнести ее прямо сейчас. В ней...

Юноша прижал два пальца к ее губам, останавливая на полуслове, и усадил обратно. «*Мир становится странным. Уже две жизни принадлежат мне. Зачем? У них же есть выбор, почему они им не воспользуются?*» Легким движением руки он снял катившуюся по бледной щеке слезинку и, поцеловав в лоб, произнес:

– Чародей обязуется исполнять волю того, кто спас его от смертного одра, дав тем самым вторую жизнь, в которой чародей подчиняется хозяину.

– Вы знаете? – удивилась она.

– Но я не хозяин, а ты не раб, ты всего лишь маленькая глупенькая девочка. Я освобождаю тебя от этой клятвы и в будущем, можешь идти куда захочешь. Ты такой же свободный человек, как и раньше.

Она замотала головой и, обхватив шею Тима, закрыла глаза, пытаясь сдержать показавшиеся слезы.

– Не будь я таким молодым, непременно удочерил бы тебя, но...

– Ты ведь можешь это сделать, господин, а потом... – она опустила глаза, – ...я могла бы стать твоей любовницей!

Юноша еле сдержал порыв смеха. Соня раздраженно хмыкнула и ушла. Нико проводила ее глазами и улыбнулась. На щеках появился еле заметный румянец.

– Пойдем! – предложил он.

– Да, господин.

– Я не считаю себя господином ни для кого, я всегда был против, чтобы ко мне так обращались. Для всех...

– Ты просто Высший, – понимающе кивнула девочка. – Редкие императоры прошлого так называли себя.

– Ты и об этом знаешь?

– Вековечный Лес не держал подобное в секрете, он был добр и всегда останется моим настоящим отцом и наставником.

Они поднялись на левую башню, и только здесь Нико смогла вдохнуть чистый воздух. Отделявшие их от земли двадцать ярдов не позволяли ползающему внизу смраду проникнуть наверх, к зубьям башни. Открывшийся дальний вид потрясал: плавные изгибы долины, переходящие в рощицы и во вновь раскинувшиеся огромные поляны, усеянные разнообразными цветами и, по всей вероятности, наполняющие те места тонкими ароматами. Она, закрыв глаза и откинув голову чуть назад, вдохнула полной грудью и медленно выдохнула, представляя себя в лесу, в своей семье.

– Ты хочешь, чтобы я показала тебе волшебство? – мело-

дично произнесла она.

– Ты читаешь мысли? – удивился он.

– Не всех, но я стараюсь, во всяком случае, знаю все, что говорит Природа.

– И что же она пытается сказать сейчас?

Глаза девочки наполнились грустью, а лицо состраданием.

– Грядут большие перемены. Она боится! Все, что ты видишь: эти великие, исполинские горы, этот необычайной красоты Вековечный Лес, вон ту еле заметную полоску реки – все может быть уничтожено в одночасье. Лес помнит *Войну Магов*, тогда он почти весь выгорел, оказался затоплен, выкорчеван и изуродован, и всему виной были люди, постоянно сеющие раздор, ненависть и зло. Он не хочет еще раз пойти через это, но видения будущего пугают его.

– Что он видит?

– Этого я не знаю, да и пришли мы не за этим.

Кивнув головой, Тим отошел в сторону. Девочка сосредоточилась. Воздух над головой заколебался и сплотился небольшим комочком. Нико протянула к нему ладонь, и тот завертелся на месте, с каждым мгновением увеличивая число оборотов. Она осторожно поднесла левую ладонь и направила диск в сторону леса. Первая капелька пота прокатилась по виску и упала на грудь. Сжатый воздух пролетел над макушками деревьев, не дотронувшись ни до одного, а только лишь сгибая их к земле и, под контролем девочки, стал возвращаться обратно, склоняя перед собой кроны других де-

ревьев. Нико приподняла левую руку чуть повыше, и диск устремился к небу, а когда она свела ладони, то он распался на части, озарив пространство разноцветным каскадом брызг.

– Это лучшее, что я умею, – вытирая пот, тихо произнесла она. – С такими чудесами только на ярмарках выступать, веселя публику, а не в подzemелье чувствовать запах своей плоти от прикосновения раскаленного железа.

Она прижала ладони к лицу и, упав на колени, зарыдала. Тим в один шаг оказался около нее и прижал к себе содрывающееся от воспоминаний тело девочки. Поцеловав макушку светлых, почти белых волос, он стал, как мог, утешать юную волшебницу, красивую, но подвергающуюся бесконечным нападкам и гонениям, как со стороны простых людей, так и всевидящей церкви.

– Успокойся! Кошмар закончился. Его больше нет, все самое страшное ушло в прошлое. Ты нашла новых друзей, новую жизнь и вновь сможешь стать частичкой природы, навсегда оставшись в Вековечном Лесу. Люди долго будут проклинать твое имя, как в мыслях, так и в бессмысленных, ничего не стоящих речах.

– Ты гонишь меня? – с трудом разобрал юноша.

– Нет, что ты, ты нужна нам, всем... кошмар умер с твоим новым рождением.

– Он продолжается! – еще тише, почти одними губами произнесла она.

– Ты о чем? – не понял Тим.

– Он обесчестил меня!

Ее тело сотряслось новыми рыданиями, она сильнее прижалась к груди юноши, будто пыталась исчезнуть, раствориться, слиться воедино и забыть все, убить память, прошлое, всех... себя! Возможно, с себя ей и следовало начать, но она не решалась. Ее юные года твердили о продолжении существования, но она сама противилась этому. Нико отдала бы все, чтобы родиться заново, с новой судьбой, с новыми, чистыми, красивыми воспоминаниями детства в будущем. Но такое чудо сотворить невозможно, она это понимала и хотела разрушить прошлое, но не могла.

– Что? – изумился он.

Казавшийся до этого великолепным, пик горы, вдруг почернел, как будто окунулся в расплывшуюся внизу грязь, поплыл, испуская зловонный яд, и опрокинулся, уничтожив себя и открыв чистый голубой горизонт.

– Два дня, – прошелестели ее губы. – Только после этого начались пытки и мучения.

Тим закрыл глаза, не желая принимать и всячески отталкивая выстраивающиеся видения ее только что ушедшей первой жизни. Шум в ушах усилился, возникла церковь... небо... На нем появилась громадная черная туча. Все ушло во мрак, тень захватила самые отдаленные уголки Этилии. Ветер издал вой, крик, врезался в горизонт и трещина, зародившись, дала свои отростки; она, как паук, умело плела

свою сеть, пытаясь накинуть на всех аркан зловещего очертания бытия. Мир дрогнул, цепь порвалась, разлетелась мириадами искр. Тьма усилились, и выплюнула в Альвест свое семя, свое существование. Разрывая вечерний крик, она треснула, и сгорела в своей собственной ненависти. Юноша с трудом открыл глаза. Чистое небо, бескрайнее пространство, легкий, всепроникающий воздух пробудили его и вернули в настоящее, наложив отпечаток горечи. Ему захотелось стать ее... отцом, настоящим отцом и разделить горе дочери! На настоящую заботу и боль от переживания способен только отец, настоящий отец!

Время быстро играет с жизнями людей. Через четыре дня вернулись Эдуард и Эстэр. Они привели всех, кого могли найти, и кто согласился, вняв их наставлениям. Девять с половиной сотен пришли с ближайших, десятимилевых, деревень и сел. Они хотели изменить жизнь и верили в это. Мало-помалу, но возрождение *Горного Королевства* продолжалось. Жители города помогали всем, чем только могли, иногда сами падая без сил. Они знали, что идут лучшие времена, что это будет их маленький мирок, их жизнь и их судьба!

Тим выбрался в лес. Зная чрезмерную опеку постоянно волнующегося за его судьбу друга, он выскользнул в тот момент, когда Эдуард отлучился по одним ему известным делам. Юноша шел налегке, не взяв практически ничего, кроме лука. Он был полон решимости возродить *Горное Королевство* и восстановить его прежнее могущество. «*Мечты.*

Они должны стать реальностью. Отец, похоже, и не надеялся, что я так долго здесь задержусь. Видимо, он рассчитывал на то, что я прибегу обратно и сразу же выполню его волю, женившись на первой, кого он предложит и, стоя на коленях, буду просить прощение. Свадьба. Он стар и, возможно, ему не суждено будет ее увидеть. Братья давно ждут этого момента и уповают на него. Именно Рион зародил у отца мысль женить меня, сыграть пышную свадьбу и отправить на первое время к ней. Оставить отца одного? Они хотят покончить с ним и завладеть его империей, но это только слухи, пустые бездонные слухи» – он шел медленно, так же, как и его мысли – «Но я изгнан из имения, отец один, рядом алчные, как и он сам, сыновья, а ведь именно они настаивали на свадьбе, на моем временном уезде. Они хотели остаться одни, без меня, моего войска. Нет, у отца есть собственные люди, но... они почти все со мной. Рион хочет убить отца? Домыслы, беспочвенные мысли. Почему я не взял с собой Эдуарда?»

Царившая кругом тишина и отсутствие обитателей леса настораживала. Они как-то вдруг разом исчезли, растворились в туманной дымке одного из утренних рассветов и больше не появлялись. «*Неужели это говорит о приближении чего-то страшного?*» Размышления юноши прервались – он вышел к реке. Спокойная, она размеренно и не спеша, текла на юг и скрывалась за поворотом горы. Когда-то здесь ходили караваны, привозившие и увозившие разнообразнее товары,

все, что только могли себе пожелать жители великого королевства. «*Королевство. Забавно звучит.*» Когда-то он спросил у Найдэна:

– Почему древние называли это место королевством?

Тот долго думал, опершись на свою клюку, погладил длинную бороду и, глядя вдаль, ответил:

– Сейчас все уже забыто и мало кто помнит об этом. *Горный Сокол* был независим ни от кого и жил своей собственной жизнью. Конечно, и здесь случались нежелательные пагубные явления, но обычно они тут же и заканчивались. Кто-то из Высших, таких как ты, задался целью сотворить свой собственный мирок и, в последствии, назвал его *Горным Королевством*. Здесь не было ни императора, ни слуг, только Высший и его люди. Город жил своими законами и правилами, а приходящее извне совершенно не влияло на него. Но потом все рухнуло: Высший погиб, за ним его люди, а после всех и все *Горное Королевство*.

Юноша опустил руки в прохладную воду и вытер лицо, пытаясь избавиться от дурных мыслей. Она помогла. Освежившись, он сел на камень и посмотрел не противоположный берег, находящийся в сотне ярдов, поросший кустами и громадными деревьями, которые как бы продолжали Вековечный Лес. Рядом запела единственная птица, легкий ветерок скользнул по речной глади, хрустнула ветка... Тим вскочил на ноги, и стрела как будто бы сама накинута на тетиву. Он посмотрел на лес, воду и, опустив лук, развернулся в

сторону замка, но от неожиданности сделал шаг назад и, зацепившись за корягу, чуть не упал в реку. Перед ним, чуть в отдалении, сидел старец. Голова незнакомца была опущена, а сам он придерживался суковатой еловой палкой, вровень с человека. Юноша убрал стрелу в колчан и подошел ближе.

– Кто вы?

Сидящий приподнял седую, сморщенную, облепленную ветками и грязью голову, и полуприкрытыми глазами посмотрел на него. Одежда старца превратилась в лохмотья, длинная борода слиплась и представляла клубок спутанных волос. Он тяжело вздохнул и встал, хотя и шатался как от урагана. Тим вовремя подхватил его под руки и, усадив обратно, сел рядом.

– Кто вы? – повторил он. – Как здесь оказались?

– Кто я... – хрипло произнес неизвестный. – Я – вымысел, тот, кого давно не существует. Меня прокляли и обрекли на страдания, но я выжил, смог победить раздирающую внутри боль и вернуться, чтобы жить дальше. А сюда меня забросила сама... судьба, – он сморщился. – От нее не скроешься и не убежишь.

– Как вас зовут?

Он усмехнулся, открыв черные пустые глаза, и встал.

– Имена ушли в прошлое, и я им больше не подчиняюсь. Зови меня Старец!

– Хорошо, – он тоже поднялся. – *Горный Сокол* приютит тебя и даст все, что нужно. Если у тебя нет другого пути –

идем! Миры рождаются и умирают, нам отведена лишь крупица в их жизни. Разорения преследуют только тех, кто жаден и алчен, остальные процветают вечно.

– Твои годы юны, но ты мудр, Тим, сын Крониуса.

– Ты меня знаешь?

Старец еще глубже взглянул на юношу, казалось, проникая в самое его нутро, но тот не дрогнул, и не отвел глаз, стараясь сохранить прежнее спокойствие. Помедлив, он произнес еще тише, буквально на грани человеческого слуха:

– Возрождающего *Горное Королевство* должны знать все, независимо от расстояния и времени.

И принял он предложение Тима, и вошел в город, и остался там жить! Многие знали друг друга, но еще больше не знали никого. Никто не заметил прибытие нового старца, так как все были заняты работой – началось возрождение великого *Горного Сокола*. Люди работали, ели и отдыхали, и так продолжалось изо дня в день. Они не знали ни в чем нужды, все, что было нужно, с избытком доставляли воины, возглавляемые Эдуардом: еду, чистую воду, одежду из меха, шерсти и кожи. Едва – едва завязав торговые отношения с Тромом – центром Арийской империи, расположившейся в северо-восточной части по течению Арники, наладилась небольшая, но доставка строительного материала. Была найдена покинутая и заросшая Вековечным Лесом, единственная короткая, полумилевая дорога до реки – того места, где когда-то давно останавливались большие и малые корабли, гружен-

ные всевозможным товаром. Вновь в горах стали работать люди, ища ценный мех обитающих здесь животных.

По приказу Высшего, уничтожили единственный в городе колодец, дающий отвратительную ядовитую воду, совершенно не пригодную для утоления жажды. По прорубленному и вновь открывшемуся старому лесному тоннелю ее носили из реки, предварительно освятив и сделав идеальной для питья. Вскоре занялись и самими улицами, ужасно пахнущими мерзкими зловониями. Работая целый месяц и добившись успехов, жители города заменили гнилые, покосившиеся деревянные избенки на каменные, в совершенстве граненые дома.

Люди прибывали из самых отдаленных восточных и южных частей света. Кто-то из них был хорошим каменщиком или плотником и к старости еще не потерял свои навыки и умения, другие оказались мастерами по коже, материи и сукну. Всем им наскучила нищенская, жалкая и убогая жизнь. Слухи о том, что *Горное Королевство* восстает из руин, уже облетели ближайшие земли и народ, побросав свои никчемные пожитки и, взяв самое ценное, медленно подбирался к *Горному Соколу*. До этого не имевший домашних животных, город, вдруг их приобрел и тем самым только улучшил свое существование.

Никто не имел право и намерения порочить Высшего.

Он, один из немногих, клятвенно соблюдал свои слова и не отступал от них ни на шаг, а только еще больше добавлял

В них силы...

Он не был жестоким фанатиком, истязавшим каждого, кто не выполнял его приказов. Нет, он обещал мир и свято хранил его, используя для этого всю свою власть...

Он оказался мудрым и справедливым, способным рассудить любого, кому потребуется его помощь...

Иногда над Этилией неделями моросил холодный изнуряющий дождь, тогда часть работ прекращалось, и приходилось обращаться к Нико за помощью. Девочка полностью окрепла, у нее появился яркий блеск в глазах, а розовое кругленькое личико и красивый смех говорили, что прошлые кошмары хоть и не забыты, но отошли на второй план и не терзают так часто ее маленькую душонку как раньше. Она лукаво улыбалась, поднималась на башню, произносила нужные заклинания и черные, как смола, тучи, расступались, обнажая голубое небо и сияющее золотом солнце, которое в одночасье согревало землю, приглашая вновь заняться делом. Люди с прежними силами принимались за оставленную работу и добивались своего. Им, просто, нужен был кто-то, кто сумел бы собрать, сплотить их воедино и разрушить наложенное проклятье. Как раз этим человеком и оказался Тим, сын Крониуса, но даже он не мог постичь тайного. Здесь существовало что-то, что не поддавалось церковному освящению и молитвам.

Внезапно стали умирать люди. Начался мор, валивший с ног всех: как детей, так и взрослых. Они вновь отчаялись,

вновь поплыли грязные слухи и разговоры, вновь обреченные проклятьем, они сдавались судьбе и по собственному желанию уходили из жизни. Но не все были такими, многие оставались верны *Слову*. Но случилось то, чего никто не ждал, и что помогло людям!

Они работали на пригорке, у церкви, когда увидели *Их*.

– Волки! – перекрестившись, прошептал один.

Все устремили взгляд на долину. По ней, семена друг за другом, рысцой бежали несколько сотен хищников. Эдуард первым оказался на пути зверей к городу и прикрыл сотней лучников безоружных людей. Натянулась тетива. Волки, как минимум вдвое превосходили оборонявшихся.

– Стая! – разнеслось среди знающих, уже видевших подобное ранее. – Стая вернулась!

Звери леса остановились в тот самый последний момент, когда стрелы готовы были сорваться из дрожащих рук и, разрезая воздух, оставить первые трупы на траве. Эдуард в нерешительности стал озираться по сторонам, ища Тима, но тот еще находился в замке и передать случившееся за такое короткое время никто попросту не мог. За спинами воинов собрался народ, готовый вступить в бой обыкновенными палками. Взывая к Спасителю, с томом книги в золотом переплете, на пригорке, чуть в стороне, но так, чтобы его все видели и слышали, появился Михаэль. Он ткнул пальцем в стаю и закричал:

– Вот, теперь вы видите, что мое пророчество сбылось.

Исчадие ада должно было сгореть, а не продолжать жизнь в замке. Вы думаете: откуда мор? За все в ответе чародейка, она-то и прислала этих падальщиков на приготовленный ею пир. Сжечь ее! Послушайте церковь, иначе Спаситель отречется от всех вас! Она давала им знамение. Вы помните тьму, окутавшую замок? В тот день она стояла на башне и взывала к злым духам. Она привлекала Стаю и она пришла. Вы сами видите это. Небеса покарают ее за создание подобного. Она уже стоит в аду. Еретичка! Помогите миру – сожгите ее!

– Не-е-ет! – закричала Нико, вырвавшись из толпы и бросившись к стае, пытаясь закрыть ее собой от немного успокоившихся, но готовых ко всему, лучников. – Это все ложь, я не причастна ни к чему. Стаю вызвал кто-то помимо меня.

– Это они тебе сказали? – указал Михаэль на волков.

– Да, они всегда говорят со мной, – произнесла глупышка, сама себе подписывая приговор. Она была слишком мала, чтобы понимать старших, хотя чародейки, да и все остальные, принадлежащие к подобным магическим гильдиям, уже в такие юные годы мудрее не только детей, как и они сами, но и многих взрослых. Понятно, что именно к этому и подталкивал ее священник. Он заранее знал ее ответ и сделал все возможное, чтобы выставить ее в глазах односельчан настоящей *Черной* ведьмой.

– Вот, все слышали? Она признала себя в пособничестве Дьяволу. На костер ее!

Народ переметнулся на сторону священника. Тим не по-

являлся. Создалась реальная угроза жизни девочки. Даже Эдуард на мгновение усомнился в ней и на секунду прислушался к настоятелю, но решил, что если люди внемлют словам Михаэля, ему придется собой закрыть ее; но не допустить, чтобы ей причинили вред или чтобы она пустила в ход свое волшебство. Тогда ее дни будут точно сочтены.

– Они не причинят вам вреда, – чуть не плача произнесла она.

– Твои уста покрылись лживой грязью. Ты порождение тьмы и должна избавить сей мир, превратившись в пепел.

На глазах девочки показались слезы. Она опустила на колени и раскинула руки в стороны.

– Тогда убейте меня! Мне жаль вас, люди. Ваш священник ничтожен!

– Чего вы ждете, она сама просит о смерти! – взвизгнул Михаэль.

Один из лучников натянул тетиву, целясь в хрупкое невинное создание, но перед ним возник Эдуард.

– Хочешь убить – убивай, но после моей смерти умрешь и ты!

– Это исчадие ада захватило его душу, он принадлежит ей. Если ты веришь в Спасителя и возносишь ему молитвы, избавь мир от двух слуг Сатаны! – обратился настоятель к Лерионеру.

Тот оказался зажатым между двумя наковальнями и мучительно выбирал решение. Наконец, он опустил лук, спря-

тал стрелу и склонил голову перед Эдуардом. Стремление к жизни победило проклятие церкви, ведь в случае послушания Старшего, тем более его убийстве, кара следовала незамедлительно – только смерть и ему пришлось бы спастись бегством; а проклятие всегда можно искупить, если знать как.

– Жалкий человек, ты дорого за это заплатишь.

– А как дорого сможешь заплатить ты? – послышалось в толпе, и из нее вышел сторбленный, иссохший старик с клюкой в руке, заменяющей третью опору. – Ты называешь себя священником, правой рукой Спасителя, к тебе все обращаются за помощью в надежде избавиться от существующего проклятья, а ты еще больше угнетаешь их. На проклятых местах церкви не строят, и настоятели не ходят по изувеченной земле, а вначале освящают и благословляют ее.

– Да много ли ты знаешь, старик, служению Спасителю?

– Достаточно, но я также знаю, что истинные служители церкви не станут плести заклятий для опустошения земли, вызывания мора и привлечения этих безобидных животных.

Толпа ахнула и расступилась перед ним. Он ковыляющей походкой подошел ближе и ткнул пальцем в сторону Михаэля.

– Ты сам принадлежишь Сатане и Дьяволу. Все твое нутро пропитано адским огнем, который не дает остыть ненависти к людям. Ты отрешенный червь, пожирающий сам себя за невозможностью причинить еще большее страдание.

– Ты спятил! У тебя помутился разум! Твои мысли разь-

едает гной. Мудрость покинула тебя, старец!

– Говоришь, я лишился ума? Хорошо. Останови меня, если я ошибаюсь. Вчера, ты всю ночь взывал к духам, чтобы Стая пришла. Ты бы опорочил эту несчастную девочку и сжег ее на костре. С пол месяца назад, используя тайные знания, наслал мор, уносивший все большее число жизней, а по прошествии десяти дней, видя, что заклятье утрачивает силу – извел домашний скот этих людей. И у кого после этого мысли разъедает гной, колдун?

Стоящий народ оцепенел от ужаса и страха. Годами они верили и возносили мольбы настоятелю, считая его приближенным к Господу. Их жизнь, такая сухая и истоптанная не имела смысла без церкви и ее настоятеля. Единственным очищенным местом от слуг Дьявола считалась именно она, но зародившиеся сомнения потрясли душу.

– Ты сам сотворил это, убогий старец, но клевета из твоих уст открыла нам всем глаза. Только огонь очистит твою заблудшую душу!

Старец достал из-за пазухи серебряной витой крест, размером с ладонь, перекрестившись, поцеловал его и, словно нож, швырнул в священника. Тот попытался увернуться, но не успел. Крест врезался в предплечье, послышался душе-раздирающий крик, но Михаэль выдернул его, облитый кровью, и отбросил в сторону. Там, где он упал, разверзлась земля, и пошел пар. Жители попятились, не веря своим глазам. Казалось, мир рухнул, полостью придавив их своей тяже-

стью. Все, что они боготворили, в мгновение ока взорвалось, вырвалось из сердца и развеялось прахом, оставляя лишь черный силуэт реальности и то, что понимается под словом унижение.

– Ты, немощный отброс этого мира, как ты посмел поднять руку на того, кто заведомо сильнее тебя! Жалкое ничтожество, ты заплатишь за свои слова кровью!

Михаэль, позабыв о капающей крови, сложил ладони вместе и стал медленно разводить их в стороны. Земля задрожала, мир покрылся пугающей тьмой, завывающий, рвущий одежду, ветер, пронесся над людьми и ударил в Вековечный Лес, выкорчевывая и ломая старые деревья, а молодые, пригибая к земле. Священник перестал являться таковым. Его одежда поменяла цвет на темно – синий, а за плечами стал развеваться такой же пугающий плащ. Между расставленными руками, как из-под земли, появился посох с круглым железным наконечником, напоминающим череп ребенка, но такой крохотный...

– Череп не рожденного ребенка! Мой Бог... – прошептал Старец, уставившись на *Черного Мага*.

– Ты! – указал он на старика пальцем. – Не достоин жить! Подхватив правой рукой посох, он направил его в сторону своего разоблачителя, и черная пыль времени, опередив жизнь, ударила ему в грудь, сбила с ног и еще ярдов пять волокла по земле.

Кто-то упал на колени и стал горячо молиться, кто-то по-

пытался спастись бегством, а Эдуард развернул строй лучников и воздух пронзился сотней стрел. Черный маг небрежно взмахнул рукой, и они упали на землю, не долетев каких-то три шага. Нико опустилась на колени, подняв ладони к небу, но маг, уловив тонкое заклинание, перехватил посох левой рукой и провел им дугу. Девочка вскрикнула, из глаз потекла кровь, ее оторвало от земли и швырнуло в сторону. Она попыталась приподняться, но свод давящей лавины опустился на ее тело, все глубже погружая в землю, и она, вскрикнув в очередной раз, затихла, распластавшись на траве.

На пригорке появился Тим, но неведомая сила вышибла его из седла и он, проломал крышу одиноко стоящей лачуги, и, загремев мебелью, упал на пол.

Человек прошептал что-то еще...

Убегающие люди вдруг наткнулись на невидимую преграду, которая отшвырнула их обратно. Лучники во второй раз попытались пронзить мага – результат оказался тем же.

Земля задрожала во второй раз, но намного сильнее предыдущего. Михаэль пошатнулся, но удержался на ногах. Тьма еще больше накинула свою сеть на Этилию, показывая свое господство над этим мирком. Послышался сухой шелест листьев, который превратился в пепел и ударил в лицо всем находящимся на поляне. Запах гари разнесся в воздухе. Стая жалобно заскулила, попятилась, но не убежала. Раскат грома, сопровождаемый черной молнией, потряс округу и обрушился вниз. Эхо громкого властного голоса раскати-

лось по Альвесту.

– Я, стараясь прожить свой век до конца и умереть от старости, стер память, стер все свое прошлое, надеясь обрести покой и уединение; но какой-то жалкий, ничтожный магичек заставил меня вспомнить все, через что я прошел. Ад раскрывался передо мной, бездны миров оказывались в ногах, сама *Тьма* трепетала перед моим вздохом... Ничтожество, никудышный маг, ты уже проклят мною и спасение не найдешь даже в раскаянии.

Вихрь тьмы окружил то место, где лежал Старец. Он ударил ветром в черную тучу, и небо озарила ослепительная вспышка. Вихрь истлел, разломался на части и открыл совсем другого старика: чистого, опрятного, выпрямившегося и стройного; но в то же время с мутными глазами, покрытыми мраком, в совершенно черном одеянии и с таким же иссинь-черном посохом с обвитыми вокруг пластинами металла. Земля под ним раскололась на четыре части, и он с гневом посмотрел на Михаэля, сумевшего разрушить его тайные заклятия и вернуть истинное, но нежеланное лицо.

Колдун отшатнулся. Страх вырвался из него, хотя он сжал его до комка и постарался уничтожить. Народ, сбившись плотной кучкой, с обреченным ужасом взирал на явление нового, *Высшего Мага*. Эдуард, знаком приказал всем опустить луки и отошел с воинами назад, совершенно не желая оказаться между двумя магами. Он, как и все остальные, впервые видел их и с неподдельным интересом наблюдал, но

если бы ему предложили уйти, убежать, он бы согласился и сделал все возможное, чтобы оказаться отсюда подальше.

На пригорке появились воины, в сопровождении Эстэра и Сони, но они только обнажили мечи, вскинули луки и арбалеты и больше не принимали никаких усилий ввязаться в бой, да и зачем – он бессмыслен перед волшебством.

Михаэль знал, что отступать ему не придется, так как этого просто не дадут сделать, и напал первым. Тонкий луч мрака вырвался из тьмы туч и ударил в Старца, который просто повел посохом и перенаправил его в хозяина. Маг понял, что просчитался и поспешно поставил щит. Молния разнесла его на части, выбив сноп искр и отпихнув неудачного колдуна назад. Михаэль напрягся, схватился за посох, выставил его вперед и вырвал из него три черных, как смоль, шара с прахом. Они полетели прямо, слились воедино, образуя длинную острую косу – полумесяц, но, встретившись со стариком, распались на раскаленно-красные осколки. Смахнув обильный пот, некогда уважаемый всеми настоятель, очертил вокруг себя круг, и вырвавшийся столб тени устремился вперед. Земля задрожала, языки пламени поднялись высоко вверх, опустошая плодородную почву, и, пожирая тень, врезались в круг возведенный ослабевшим магом. Крик боли и ненависти разрезал уши. Сложное заклинание сделало свое дело, превратив в пепел самого Черного колдуна и сотворенное им волшебство.

Легкий ветерок развеял жалкую горсть останков, оголив

выжженный круг травы. Крест названного Спасителя накренился и, повинувшись неведомой силе, стал плавиться, будто плача о потерянном навсегда хозяине. Молния вырвалась из расползающейся тучи и ударила в церковь, разнося в щепы стену и крышу здания. Моментально загоревшийся дом рухнул, поднимая пыль и разрушая веру в Спасителя.

Возведенная некогда невидимая стена растворилась во времени. Старец тяжело опустился на траву и склонил голову к коленям. Эдуард бросился к Нико, Тим с воинами стал спускаться с пригорка, не веря своим глазам и осматривая останки места поклонения Спасителю. Он читал летописи магов, ни никогда не видел их и тем более их противостояния. Молившиеся люди встали и с опаской поглядывали на старика, который в забытьи, словно не замечал окружающих.

Земля вздрогнула, как будто какой-то вековой гигант опустил на нее свою тяжелую ногу. Старец поднял голову и нахмурился. От второго подобного шага он встал и с силой сжал посох двумя руками.

Останки церкви разлетелись как пушинки. Из ее середины появился полумилевый столб огня и пепла, и раскрылся как утренний цветок. Звериный рык оглушил местность и из сердца огня показалась ужасающая морда *Некто*. Мощная трехпалая лапа опустилась на землю, выжигая на ней и на расстоянии нескольких шагов все живое. Черный маг забормотал заклятье, из носа, по бороде, струйками потекла кровь, но черная тьма небес сжалась в один ужасающего вида

молот и упала на голову *Нечто*. Захлебывающийся визг прервал существование и опрокинул порождение ада обратно в пучину бездны. Второй молот, сотканный из дня, ударил по первому и закопал собой огненную дыру. Старец качнулся, как от удара, оперся на посох и приложил лоб к холодному металлу его наконечника.

Тьма исчезла, оставив голубое чистейшее небо и ужасную память в сердцах людей о случившемся.

Следивший за боем, Высший, сначала не заметил Стаю, но, увидев – отпрянул, взмахнул рукой, давая знак лучникам и... медленно опустил, понимая, что опасность хищники не представляют. Горожане и пришлые, стоя, безмолвствовали, не решаясь даже вознести молитву Спасителю. Сиозор подскакал с хозяином к лежащей на руках у Эдуарда девочке, тот спрыгнул с коня и осторожно подошел ближе, с опаской поглядывая на рассматривающую его Стаю.

– Что с ней?

– Михаэль попытался убить ее своим заклинанием, но не рассчитал ее возможности.

– Она жива?

– Да, сейчас придет в себя, но шрам, как мне кажется, останется на всю жизнь.

Эдуард убрал руку. Тим ничего не смог сказать, у него не было слов, рот самопроизвольно открылся, глаза выражали ужас, а губы пытались что-то произнести, но не могли. Все тело девочки перечеркивала черная выжигающая плоть,

полоса, начинающаяся у левого плеча и заканчивающаяся у правого бедра. Там, где она проходила, легкая рубашонка полностью выгорела, обуглив края ткани и оголив маленькую, но уже не девственную грудь Нико, к которой еще не прикасались губы новорожденного ребенка.

Тим наклонился над ее лицом и поцеловал в лоб. Соленая капелька вырвалась из его закрытых глаз, сбежала по переносице и с кончика носа упала ей на ресничку. Он нежно взял ее головку двумя руками, запрокинув свою назад, стараясь сдержать подкатившие слезы, и мысленно произнес: *«Я хочу удочерить тебя, Нико!»* Из стаи вышел волк, самый большой и красивый из всех, подошел к девочке, лизнул в нос и, заскулив, лег рядом, совершенно не обращая внимание на воинов, которые все поняли и старались не показать своего страха или агрессии.

Прошло достаточно времени, прежде чем она открыла глаза. Волк встрепенулся и встал. Чародейка села и, схватившись за грудь, огласила окрестности криком боли, перешедшим в хриплый вой.

Подбежала Соня.

Эдуард поднялся и посмотрел на прозрачное голубое небо, ища ответа. Тим хотел обнять ее за плечи, но та резко отстранилась, издав утробный крик, и повернула к нему гневное лицо, искаженное яростью.

Кровь не шла, но глаза заплыли красным цветом, и в них отражалась боль. На мгновение она задержала свой взгляд на

кровоточащей ране юноши, находящегося с левого бока, настолько аккуратной, будто его пронзила зачарованная стрела. Тим заметил в ее глазах странный, не проявляющийся до этого времени блеск, но не придал этому значение.

– Дочь...

– Ты мне никогда не будешь отцом! – закричала девочка, еще больше сморщившись и чуть не теряя сознание.

– Но... что произошло?

– Ты еще спрашиваешь?

Соня присела на колени, собираясь успокоить ребенка.

– Не прикасайся ко мне!

Волк зарычал, оскалив зубы; девушка непонимающе замерла, стараясь не натравить на себя зверей. Стая оцетинилась и подошла ближе; лучники с арбалетчиками вскинули оружие, но ждали команды, и пристально наблюдали за поведением животных.

– Ты еще спрашиваешь? – повторила она.

Юноша непонимающе развел руками.

– Я верила тебе, вложила свою жизнь в твои нежные руки, но лучше я умру в лесу от голода или от жажды, чем останусь здесь. Ты такое же мерзкое ничтожество, как и эти люди, даже хуже их! Ты посмел поднять руку на мою семью и убить моих братьев и сестер... Три с половиной сотни невинных животных, священных обитателей Вековечного Леса остались лежать мертвыми от стрел твоих изгоев и от тебя самого. Они мне все рассказали, все, что видели, считанные еди-

ницы вернулись к волчатам, и ты хочешь стать моим отцом? Никогда! Я ненавижу тебя!

Тим протянул дрожащую руку.

– Не смей прикасаться ко мне своими грязными руками, запачканными кровью моей семьи.

– Они первыми напали на нас, мы только защищались! – попытался опровергнуть он несправедливые обвинения, но чародейка, будто не слушала его.

– Я тебя никогда не прощу и приложу все усилия, чтобы проклятье Вековечного Леса настигло твою душу, и превратило твое существование в ад.

Нико, все еще держась правой рукой за грудь, кое-как вскарабкалась на спину волка, по всей вероятности вожака Стаи и, кинув на прощание все уничтожающий взгляд, обхватила его за туловище и уткнула голову в густую шерсть. Хищник клацнул зубами и, развернувшись, бросился в лес, показывая, что ноша ему совершенно не тяжела. Остальные, повинаясь воле вожака, мелкой рысью последовали за ним. Тим долго смотрел в след, затем склонил голову и, все еще сидя на коленях, ударил кулаком по земле. На плечо ему легла твердая рука, и голос Старца произнес:

– Оставь ее. Подобное сложно пережить. Она не глупа и все поймет, вопрос лишь во времени.

– Кто ты такой? – выговаривая слова, произнес Тим, вставая.

Маг глубоко вздохнул. В нем отчетливо чувствовалась

доброта, мудрость и тонкая рассудительность.

– Меня зовут Лазарь, и прибыл я издалека. Я находился вне времени, когда диск сжатого воздуха, сотворенный находящейся на башне чародейкой, вырвал меня из забвения, и Тьма выплюнула меня как свое существование.

– Нам нужно о многом поговорить, Лазарь!

– За мной по пятам идет ад. Ваш священник вернул мне память, за что я буду проклинать его до конца моих дней и поэтому, чтобы не навредить Этилии и всем людям, я должен поспешить оставить это место. Смерть не должна, в очередной раз, по моей вине, превратиться в прах сущее.

– Вот об этом нам и стоит поговорить в замке.

– Как знаешь, Высший.

Войско ушло, оставив карота со своими мечниками для охраны территории, хотя, признавал Тим, охранять сейчас будет уже не от кого. Люди, немного успокоившись, но все равно находящиеся в объятии ужаса, медленно расходились по домам. На сегодня работа оказалась преждевременно законченной, но никто не останавливал их и всевозможными угрозами не заставлял возвращаться; все всё понимали и не загоняли в тиски закона, так как подобный страх должен был покинуть их и не вблизи проклятой церкви, а молитвами наедине с собой, перед образом Спасителя – настоящего и истинного, единственного и непогрешимого. Черный маг долго, почти до самого заката, стоял на пригорке и смотрел вдаль, туда, куда скрылась Нико со своей Стаей. Нет, он не

жалел, что она вырвала его из сна, но печалился, что произошло это быстро, очень быстро, по меркам его времени. Он вдохнул тонкий, уловимый только им, аромат полевых цветов и, развернувшись, быстрым шагом направился к замку. Предстояло еще так много сделать!

– Значит, ты сам на себя наложил заклятье, чтобы больше никогда не пользоваться черной магией?

Они расположились на третьем этаже левой башни и внимательно слушали рассказ мага. Им представилась уникальная возможность узнать многое непонятное и скрытое от обычных людей тайной времени.

Все семь этажей башни поправили, отделали и достроили, так что сейчас она совершенно не напоминала те руины, к которым пришел Высший два месяца назад. Обставленная со скромностью, она уже сейчас внушала грозный вид, но восстановление не дошло даже до своей середины.

Соня развела в камине огонь и удобно устроилась в кресле перед потрескивающими дровами; Эдуард у противоположной стены любовался острой, идеально ровной заточкой своего кинжала; а Тим с Лазарем, сидя на длинном диване, также повернутом к камину, вели неторопливую беседу. Юноша не боялся мага, у него и его воинов было только временное любопытство и интерес к появлению первого, в их жизни, настоящего волшебника; но и он быстро прошел, особенно у воинов, которым помимо разбирательств с волшебством предстояло еще сделать много необходимой работы:

обучить людей военному ремеслу, возобновить торговые отношения, добыть еду, охранять Горное Королевство... «Боятся мне его? – думал юноша, – Похоже, мне предписано вечное спасение людей. Сначала Соня, потом Никки, Старец, но всегда происходят чудовищные события и на первый взгляд милые и добрые люди превращаются в поистине злоеущие порождения: Нико, оказавшись чародейкой, почти прокляла меня, за то, что я убил ее «семью», совершенно не догадываясь, что она ей таковой является; дряхлого старца привел в город, а он оказался черным магом, за которым, как выяснилось, должен явиться посланник ада; любопытно было бы узнать, какой сюрприз подарит мне Соня, она, как я вижу, вся истомилась в ожидании меня, но страх изгнания держит ее на расстоянии...Глупышка!»

Маг вздохнул. Похоже, воспоминания давались ему с трудом.

– У меня не было другого выхода. Я слишком углубился во тьму знаний и перешел ту самую грань, дозволенную Черным магам. Теперь я понял, какую роковую ошибку совершил в те годы, но изменяя настоящее – прошлое не вернешь. Ад выплеснул Его, и мне не долго пришлось бы существовать. Во второй раз Он не допустит подобной ошибки и не даст мне сотворить использованное ранее заклинание.

– Разве он неуязвим? – спросил Эдуард.

– Да, скорее всего, Он почти что бог. Ад не посылает на уничтожение Высших Темных даже лучших своих легионе-

ров, только тех, кто стоит порядком выше. Возможно, Он является даже самим Ваалом.

– Ваал? – вскочил Тим. – Бог или царь – дух вероломства, главенствующий адскими легионерами?

– Именно так, поэтому я и намереваюсь покинуть Этилию, дабы не подвергать город уничтожению. Если это Ваал, его не остановит даже лучшая крепость мира. Тем более все люди знают правду обо мне, и оставаться – значит постоянно держать их в страхе. Когда я шел сюда, они стояли у своих домов и молились: благодарили и одновременно проклинали. Тогда я только усмехнулся и не придавал этому значения, но зачем обречать их на страдания, ведь во всем зле будут винить только меня, меня одного и с этим ничего нельзя будет поделаться. Так устроены люди, им нужно винить кого-то, если они не знают настоящую причину происходящего.

– Значит, священник был один из них, кто пришел за тобой?

– Нет, вовсе нет. Те, кто должны придти обладают силой гораздо большей, чем этот жалкий человек.

– Но почему он тогда оказался Черным, в чем причина?

– Твой отец, Крониус, сын Нимбуса, проклял Этилию – это так, но он боялся этого места, считая именно в нем свою погибель. Он не терпел колдовства и истребил почти всех колдунов и чародеев, но в Альвесте оставался один, хороший, для вашего мира, маг, темный маг и он находился во власти Крониуса. Именно его и направили сюда, следить за

Горным Королевством и навязывать свои порядки. Михаэль мог бы уничтожить всю деревню, но его время еще не пришло, и он ждал... и слава вашему Спасителю, что этого не произошло. Запомни, твой отец боится Этилию, и этот страх передается его близким и приближенным ко двору. Я не хотел раскрываться, не хотел жить прошлой жизнью, не хотел, чтобы кто-то из-за меня пострадал, но все случилось иначе. Мне нужно уходить!

Он развернулся и направился к выходу.

– Постой... постой! – окликнул его Тим. – Хорошо, но... помоги нам и можешь идти куда захочешь.

– Помочь?

– Да, совсем немногим.

Лазарь сжал посох, посмотрел на его завершение, закрыл глаза, нахмурив брови, и усталым, измученным голосом произнес:

–Но людям нужен покой. Мое пребывание здесь должно быть минимальным. Ад следует – его не остановить!

Он встал и вышел из зала. Эдуард убрал нож и последовал за ним. Тим, взявшись рукой за виски, погрузился в размышления, представляя, что будет, если горожане откажутся принять мага даже на время. В голове зашумело, мысли сбились в кучу, образуя вал, его руки потонули в тепле, ко лбу прикоснулось что-то влажное, но приятное. Он с трудом открыл глаза. Перед ним, на коленях сидела Соня и жемчужным взглядом смотрела на его хмурое лицо.

– Ты слишком устал, тебе нужно отдохнуть! – мягким, словно кошачья поступь, голосом произнесла девушка и поцеловала его ладонь.

– Тот поцелуй, в поле, перед появлением Стаи был специально запланирован? – почему-то спросил Тим.

Она встала, смущенно улыбнулась и кивнула головой. Плавным движением руки, Соня потянула за веревочки своей рубашки и вскоре та оказалась на полу, явив Тиму, загорелое девственное тело, которое притягательно манило своей красотой и желанием прикоснуться к нему губами.

– Не стоит! – слабо произнес он.

– Ты что, никогда не был в постели с девушками? – удивилась та.

Юноша усмехнулся. Многие вот так отдавались ему, но вот чтобы полюбить... таких пока еще не было.

– Нет, ты не первая, но...

– А ты единственный, кому я доверяю свое тело, жизнь и душу, – перебила его Соня.

– Почему? Тебе нет и двадцати двух, а я не идеален. Ты еще можешь встретить того единственного, о котором мечтала всю жизнь.

– Я уже нашла такого и это – ты!

– Ты делаешь это в благодарность за то, что я спас тебя?

– За это тоже, но... я люблю тебя!

Она опустилась на колени и склонила голову, пытаясь скрыть заливающее краской лицо и шею.

– Я как маленькая девчонка влюбилась в тебя с первого взгляда и больше не могу это скрывать. Желание, как огонь, испепеляет меня, я... я хочу тебя!

– Но я не смогу полюбить тебя как жену. Я – воин, а мне...

– Ты все говоришь правильно, Тим, ты – воин, не мыслящий себя без оружия, походов, войн во славу империи; я тоже воин и моя жизнь – звон скрещивающихся мечей. Ты можешь умереть, не здесь, тебя могут убить далеко, в одном из кровавых сражений, но я всегда буду рядом с тобой, и когда другие не смогут придти на помощь, я окажусь там, где нужно и даже ценой своей жизни помогу тебе.

– Ты не права...

– А что касается жены, – не дослушала она его, – то для этого есть время, – и почти шепотом добавила. – Меняется даже мир, переходя грань своего существования.

Он в последний раз собрался возразить, но Соня нежно прикоснулась к его губам, и они слились в долгом страстном поцелуе.

Желание захватило его врасплох, но, не имея сил сдерживаться, он отдался судьбе, и вскоре потонул в удивительных ласках девушки.

Яркий раскаленный луч осветил все живое. Упоительная ночь блаженства уступила место неизведанному. Все заботы и обязательства отошли на второй план, оставив великолепную, удивительно – прекрасную реальность. Фейерверк эмоций и чувств залил мир и взорвался стоном всепоглощаю-

щей любви.

Все предстало в совершенно ином свете, предрекая восхождение нового Солнца и настоящей жизни. Обновление города прошло быстро, настолько, что никто его практически не заметил и как бы мгновенно перешел грань от нищеты и разорения к процветающему государству. *Горный Сокол* теперь мог достойно называться городом, не крепостью и даже не укрепленным пунктом, а просто городом, одним из множества подобных. Жители делали все возможное, чтобы возродить его и теперь от былой вони и уничтожающего запаха не осталось и следа: идеально ровные улицы покрыли мелкими камнями; вырыли три глубоких колодца с кристально чистой водой; наваленный повсюду мусор и останки в виде костей – сожгли в горах, а пепел зарыли в землю.

Воспротивившийся было народ, отказывался от услуг Темного, проклиная его адскими словами, но когда тот мало-помалу остановил мор людей и падеж скота, силой духов накрыл руины церкви пластами земной коры, и кое-как справился с тройным проклятием Этилии: от Крониуса, Михаэля и Нико; теперь его не называли такими страшными словами и, хотя неприязнь осталась, многие почитали и уважали мага, склоняя головы перед каждым его появлением.

Задумались о будущем только тогда, когда начали строительство новой церкви, в десять раз лучше прежней. В городе не было священника! Это обстоятельство всех угнетало и тревожило, пожалуй, больше возрождения *Горного Коро-*

левства. Людям негде было молиться, истинно молиться, не в своей избенке, глядя в темный уголок с крохотной иконкой Спасителя, а в настоящей, освященной со всеми почестями церкви. Видя полнейшую неразбериху и панику среди населения, Лазарь сам вызвался отправиться в Тром и привезти настоятеля. Тим понимал об опасности, угрожающей Этилии, если император Арии узнает о существовании Черного Мага в пределах его власти, но Лазарь добился своего и, сбросив на время одежду волшебника, превратился в того самого Старца, но наделенного чудовищной силой и ужасной памятью прошлого.

Покинув *Горный Сокол*, маг, тем самым, ушел от еще одной беды. В город, на утренней заре въехал сопровождаемый тысячей конников, старший сын барона – Рион. Он гордо и величаво, как некогда отец, в окружении двадцати лучших, проехал по улицам, бросая презрительные взгляды, как на убогие домишки, так и на их хозяев и спешил у замка, перед мрачным и холодным как сталь, Тимом.

Высшего заранее известили о приезде брата, и он стоял на возвышении у замка, поджидая того, в ком чувствовал исходящее зло. Юноша не допускал просчета в своих суждениях и знал наверняка, что говорить и как себя вести в подобной ситуации. Он знал брата и все, на что тот был способен.

Откинув прядь черных волос, Рион сплюнул в сторону, все еще поражаясь мерзостью, в которой приходится ему находиться.

– Зачем ты приехал?

– Ты не рад брату?

– Тебе – нет! – в спокойном голосе чувствовался яд. – В имени я молчал, боясь за здоровье отца, если тот узнает о моих словах, но здесь, вдали от него, я могу полностью раскрыться. Ты хочешь изменить закон, как и отец, жажда власти и богатства заполнили алчностью твою душу, и ты ждешь удобного случая, чтобы покончить с ним и восторжествовать над его останками.

– Проклятое место принесло свои плоды. Проклятье пало и на тебя! Что ты говоришь?

– Разве я не прав?

– Ты заблуждаешься, брат, твои мысли исковерканы и приняли совершенно не то значение. Я чту отца как мудрейшего человека империи, он дорог мне так же, как и тебе и я не потерплю подобную клевету из уст пусть даже собственного брата.

Они смотрели друг на друга, казалось, прожигая глазами. *«Боже, неужели я ошибся и сейчас лишу поддержки старшего брата? Все казалось так просто, но на деле вышло совершенно иначе. Я нанес кровную обиду, обвинив в самом страшном грехе – убийстве отца, а это значит...»* Юноша склонил голову.

– Прости! Мои мысли, похоже, источает гной, я забылся и впал в отчаяние.

Взгляд гнева сменился добротой и Рион обнял его. Трота-

тельная сцена приветствия закончилась легкими хлопками по плечу, и Тим провел гостя в замок, соблюдая все положенные знаки приличия.

Войдя в центральную, только что достроенную часть замка, он увидел громадный, во всю стену, но давно позабытый, герб Этилии – свободного королевства – *срывающийся со скалы сокол устремляется вниз, к копошащимся там крохотным букашкам, намереваясь схватить свою добычу и вновь взлететь к гнезду*. Камин потрескивал, играя пламенем и наполняя комнату теплотой и уютом. Три длинных дивана окружали небольшой столик, на одной ножке, около которого прошел Рион, и расположился вблизи огня. Его взгляд побродил по стенам, увешанным оружием и щитами, головами убитых зверей, длинных крученых рогов на цепочке и остановился на молодой красивой девушке, поразившей мужчину божественной красотой и ароматом женского тела. Он встал и только тут заметил висевший слева меч.

– Это Соня, – произнес Тим, – одна из Старших Лерионеров.

Брат сдержал удивление, но все же посмотрел на ничего не выражающее лицо младшего.

– Как отец? – спросил юноша, когда все расселись и им было предложено вино. Его гнев хоть и не остыл, но не давал выхода наружу, он старался говорить спокойно, так же как и прежде, в имении, но это плохо получалось.

– После твоего изгнания отец как будто постарел на два-

дцать лет. Он больше не проводит балов и практически постоянно сидит запершись в своих покоях, не пуская к себе даже нас, его сыновей, что уж говорить обо всех остальных. Твой уход тяжело ему дался. Из-за этого пострадали невинные люди – он в одночасье принял решение казнить всех своих слуг!

Боль пронзила юношу, он закрыл глаза и склонил голову. Соня с жалостью смотрела на него, не имея возможности ничем помочь, так как их связь моментально бы раскрылась, и еще неизвестно чем бы это все закончилось. Она помнила ту единственную проведенную с ним ночь и сгорала от нового желания почувствовать на своем теле его поцелуи, но Тим, почему-то, отстранился от нее, а она сама не решалась заговорить. Возможно, тогда была простая случайность, совпадение желаний, но Соню не устраивала эта мимолетность и она мечтала принадлежать только ему и делала все возможное, чтобы он оказался только с ней. Но страх связывал ее по рукам и ногам, угнетал чувства и рождал в сознании неприятные, порою ужасающие мысли.

– Почти сто сорок человек! – ужаснулся Эдуард.

– С годами у отца все большее помутнение разума, когда-нибудь он прикажет уничтожить все имение.

– Не говори так, отец всегда останется мудрым, но ему следует избавиться от ненависти и злобы.

– Ты сам знаешь, что это не так. Прежде, чем набрасываться с обвинениями на меня, посмотри лучше на нашего брата.

Ты всегда считал, что именно я зарождаю смуту и заговоры против Крониуса, но посмотри на Алана, вспомни его и все, что происходило, когда он посещал имение. Я почти всегда там находился, а вот он...

– Значит, ты приехал поговорить о брате и вернуть меня в Эльхаим? Я должен опять, в отличие от вас, опекать отца, в то время, когда он осыпает меня проклятиями? Нет! Посмотри вокруг, загляни в сердце Этилии! Город только – только поднялся с колен перед бароном и начал свою жизнь, новую жизнь...

– И ты хочешь сказать, что это убожество, нищета и разруха и есть новая жизнь?

– Нет, это только начало новой жизни, но приедь через два года, день в день и ты не узнаешь этого места!

Рион улыбнулся и с завистью посмотрел на Соню.

– Так зачем ты здесь? – вновь спросил юноша.

– Отец послал меня за Яковом, хочет обсудить с ним кое-какие важные дела. Я всеми способами пытался отговорить, но он настоял на своем, припомнив мне твоё изгнание.

– Барон Винарии? – не сдержал удивление Эдуард.

– Отец всегда считал его лютым врагом, стараясь держаться от него как можно дальше, – поднялся Тим. – Что на него нашло?

– Я в таком же замешательстве, как и ты, но приказам, как понимаешь, следует подчиняться. Я всего лишь хотел узнать, как ты здесь живешь, но теперь вижу, что здесь еще много

дел. До вечера мне нужно постараться оставить позади сотню миль и до заката солнца оказаться в Винарии. Путь далек, не стоит задерживаться.

Он встал, вышел из замка, вскочил в седло и только тут заметил что-то странное в городе.

– А где ваша церковь?

– Сгорела при полыхавшем недавно пожаре. Это трудно представить, нужно только видеть!

– Город без церкви – не город. Постройте ее! Оскверненной земле нужна помощь. Я верю в тебя, только ты сможешь Этилии. Кроме тебя – некому. Люди ждут! Береги их!

Кивнув на прощание головой, Рион мелкой рысью выехал из города и скрылся за лесом.

Тим стоял и не сводил взгляда с опустевшей долины. Что-то странное происходило вокруг, и он пытался понять – *что*.

– Зря ты так встретил брата, – Эдуард подошел тихо и также посмотрел вдаль. – Он это надолго запомнит, твой брат не из тех, кто прощает подобные оскорбления.

– Я знаю, но ненависть оказалась слишком сильной, я потерял контроль над собой, и мне придется долго сожалеть о случившемся. Мне нужно, чтобы кто-то последовал за ним и узнал истинную причину его визита к Якову! Я не верю ему!

– Я немедленно отправляюсь! – друг склонил голову.

– Нет, пусть едет Эстэр! Альвест меняется, грядут страшные события, ты мне нужен здесь!

Склонив еще раз голову, он ушел, а Тим все продолжал

стоять, глядя на юг и, стараясь разглядеть нависшую тайну, но все проходило мимо и стиралось в пыль.

– Мне стоит вернуться в Эльхаим, – произнес он, почувствовав присутствие девушки.

– С тремя сотнями мечников? – удивилась та. – Ты погубишь себя! Отец, как ты сам говорил, не желает видеть тебя, чуть не убил, а при встрече обещал покончить с тобой! Разве забыл?

Юноша молчал.

– Пойдем в замок, ты должен собраться с мыслями.

Она бережно взяла его за руку, но тот отстранился.

– Ты должна оставить меня!

Соня остановилась. Сердце готово было вырваться из груди.

– Что ты говоришь, почему?

Тим холодным взглядом осмотрел ее, остановившись на груди и, посмотрев в глаза, ответил:

– Ты воин, я не хочу связывать свою судьбу с тем, кто при первом звуке труб встает в ряды армии и идет в кровавый поход. Ты все прекрасно знаешь и не мне еще раз повторять это. Думай сама, время вечно!

Он спустился с пригорка и скрылся за углом дома. Соня обречено вздохнула и щеку пересекла слезинка.

– Но жизнь так коротка! – выкрикнула она.

Возвращение Лазаря как бы завершило прошлую жизнь королевства и дало ему новую. Священник Трома оказался

настоящим фанатиком своего дела. Видя творящееся и узнав истинную причину этого, он за считанные недели выстроил грандиозный, по красоте, храм, вмещавший до полутысячи верующих, а в противоположной стороне, на третьем холме Этилии – монастырь. Таким образом, три главных здания города образовывали идеально ровный треугольник, с замком в его вершине. В центре решено было ставить шпиль, откуда должны будут отходить дороги во всех направлениях. Узнав истинное лицо Старца, Лаэрт отслужил три обедни, и сказал, глядя в глаза мага:

– Я не против, чтобы ты ходил по этой земле. Ты помог людям, избавил от ада и привез меня. Хочешь здесь жить – живи, ты раскаялся в своих делах и содеянном ранее и Всевышний учтет это, но если ты переступишь грань, истинная церковь с настоящим Спасителем превратит тебя в прах и даже Тьма не поможет тебе.

Священник почти месяц освящал Этилию, не зная отдыха ни днем, ни ночью. Изгонял все то зло, что осталось в городе после многих проклятий. И восторжествовал народ, и зажили они в десять раз лучше прежнего, и появилась у них жизнь, лучшая, за пройденные полвека: обновленная земля стала давать всходы, не маленькие и гнилые как раньше, а высокие, налитые соком и жизнью; горы вновь открыли обилие ценной пушнины и новых невиданных зверьков; лес не скупился на ягоды, деревья – плоды, река – рыбу, а уже частенько заходящие суда, способствовали увеличению тор-

ГОВЛИ.

В самом городе построили несколько кузниц, увеличили, до двадцати, число колодцев, все дороги усыпали камнем и привели в порядок дома. Население выросло до трех тысяч и буквально за полгода выстроило кольцо первой стены, опоясывающей всю Этилию с ближайшими, полумилевыми, деревеньками. Она начиналась в самих горах, проходила по равнине, вторгалась в Вековечный Лес и, не доходя до реки сотню ярдов, вновь примыкала к горам. Высокая, в двадцать и широкая, в пять ярдов, она являлась практически неприступной. Редкий таран смог бы сломать прочные, дубовые, двойные ворота, а разрушить стены из огромных вековых камней – валунов было и того бессмысленное занятие. Стены с зубьями в виде ласточкиных крыльев могли вмещать на себе более четырех тысяч воинов – осажденных, из которых тысяча могла быть лучниками. Пяти башням, построенным на равном расстоянии друг от друга, открывался вид как равнины с лесом, так и реки. Подобраться незаметным было невозможно, а двое ворот и того уменьшали шанс проникновения.

Тим гордился сделанной работой и, конечно же, самими людьми. Не поверь, они ему, подчинись словам Михаэля, и ничему не суждено было бы свершиться, а так *Горное Королевство* родилось и стало процветать, набирая свое могущество и силу. И разнеслось о нем великое предание по всему Альвесту, где не было подобной жизни и стало оно

оплотом всего нового. Город процветал, не зная бедствий и невзгод, и стал идеальным местом той области.

Но предчувствовал юноша грядущую бурю и создавал войско Желтых Лерионеров, и учились у него простые жители, и становились воинами, лучшими на всю империю. Но впадал он в отчаяние при виде своих Лерионеров и требовал еще большей силы в армии, не жестокости, а ловкости и хитрости. И слушались его люди, и понимали всю его мудрость. Но картины будущего пугали его, и не мог он справиться с этим, и уходил в Вековечный Лес, где часами проводил время, предаваясь размышлениям. Он любил его, любил природу, ту самую, о которой когда-то говорила Нико, его... дочь?

Тим стоял у молодого дуба и гладил его пока еще гладкую кору, понимая, что скоро она станет шершавая и не такая красивая, также, как и его будущая судьба. Легкий ветерок, летящий от реки, развевал его волосы, когда он осматривал лес, стараясь слиться с его сущностью. Много мыслей и чувств давал он ему, совершенно не походивший на давно забытый сад. Здесь проявлялась нежность, он любил ее... боясь признаться самому себе... ту девушку, ее одну! Джен вошла в его душу как олицетворение вездешной красоты, переходящей в любовь. Он полюбил ее, больше власти, больше себя, больше чего бы то ни было, существующего в Альвесте... на всей земле. Он много раз видел ее у дома, на дороге, из узких окон замка и со стен крепости. Она всегда казалась такой... нежной, божественной любимой, но управление го-

родом не давало юноше времени насладиться ее красотой. Сколько раз Тим хотел подойти и признаться во всем, сколько раз ему казалось, что это вот-вот произойдет, но откуда-то появляющаяся робость не давала раскрыть сердце, а она с каждым разом смущалась все больше и больше, и старалась побыстрее раствориться в толпе людей или тени домов. Он проклинал свою нерешительность, но ничего не мог с этим поделать, каждый раз стараясь не чувствовать себя скованно при ее появлении.

В последнее время юноша стал замечать мечущие молнии взгляды Сони, которая, казалось, по пятам следовала за ним. Даже тогда, когда он оставлял ее или знал, что она осталась в замке, все равно замечал ее среди горожан. У него сложилось дурное мнение о Соне, особенно он не мог перенести сладкую ложь, льющуюся из ее нежных уст, когда она отрицала «скрытую опеку» Тима. Эдуард не раз говорил подобное о ней и указывал ее местонахождение, но единственное место, где она не появлялась, оставался Вековечный Лес и Тим с Эдуардом давно в этом убедились. Какая-то неведомая сила заставляла девушку остановиться и следовать обратно к замку или на одну из дозорных башен. Она не любила лес? Боялась его? Возможно, все дело в самой Природе, которой преклонялась Нико. *«Девочка... она такая юная, но уже одинокая...»* жалость, сочувствие, сострадание, давящим комком накрывали его и он, закрыв глаза руками, долго сидел на коленях, пытаясь избавиться от чувства вины.

Тим встал с земли, поправил чуть спавший лук и медленно, почти бесшумно, побрел обратно, осматривая и полупешепотом разговаривая с деревьями. Вдруг он заметил кого-то впереди. Тот мелькнул белым пятном и скрылся из вида. Стараясь не шуметь, юноша последовал за ним и вскоре догнал. Это была девушка. Вот она обернулась, осматриваясь кругом, но не заметила Тима, и пошла дальше. Юноша потерял дар речи от нахлынувших эмоций. Его Дженни находилась здесь, совсем рядом... трепетное чувство захватило его и заставило двигаться за ней следом. Девушка вскоре остановилась, собирая какие-то травы в корзину. Юноша, продолжающий наблюдать издали, не сразу заметил опасность. По тонкой ветки молодого кустарника, встревоженная появлением человека, медленно ползла змея, играя раздвоенным языком. Достигнув края, она открыла двузубую пасть, собираясь прокусить шею ничего не подозревающей Джен и в тот самый момент, когда она подалась назад, чтобы броситься на жертву, раздался свист и стрела, пробив ее голову и продолжив движение с мертвым телом, со звоном впиалась в дерево. Девушка подняла голову и, вздрогнув, выпустила из рук корзинку. В ее глазах промелькнул страх. Она сделала шаг назад и замерла. Тим вышел из скрывающей его бузины и стал подходить ближе. Джен, увидев юношу, вздрогнула во второй раз и в полнейшем замешательстве принялась собирать рассыпанную траву. Наконец она вскинула вверх ресницы и их взгляды встретились. Она опустила голову, но Тим

поднял ее за подбородок, глядя в такие же, как у него, чистой голубизны, глаза.

– Я не знал, как к тебе подойти раньше, – начал он. – Ты... ты с первого дня завладела моим сердцем, и я понял, что моя жизнь не мыслима без тебя. Каждый день я пытался отыскать тебя взглядом, окунуться в бездну твоих глаз, из которых нет спасенья; случайно прикоснуться к тебе...

– Вы не должны так говорить, – ее голос дрожал. – Я – простая девушка из бедной семьи, а вы... вы скоро станете императором, к тому же вас любит Соня и это все видят, я...

– Забудь ее. Соня – воин, а мне нужна именно ты – нежная, кроткая и прекрасная, просто девушка Этилии.

– Здесь таких много.

– Ты одна, Дженни, одна во мне рождаешь нежные чувства, и я люблю тебя больше всего земного.

Он прикоснулся к ее мягким, трепещущим губам, забывая обо всем на свете. Она хотела отстраниться, но захваченная вихрем чувств, снова выпустила корзинку с только что собранными травами и сначала осторожно, а потом, с все более нарастающей страстью, обняла его и потонула в водопаде неземных ласк. Едва не потеряв контроль от нахлынувшего желания, девушка подалась назад: она тяжело дышала, краска залила ее лицо, но блестящие глаза выдавали пробудившиеся чувства вперемешку со смущением.

– Вы казались...

– Обращайся ко мне на ты, – произнес он и поцеловал

изящную шею, отчего ее дыхание участилось еще больше, голова запрокинулась назад, глаза закрылись и жар разлился по всему телу.

– Вы... ты показался мне таким робким.

Юноша удивленно вскинул брови и, сев на колено, склонил голову.

– Дженни, моя милая Дженни, согласна ли ты, выйти за меня замуж?

Казалось, сердце остановилось, но лишь для того, чтобы совершить рывок и вырваться из груди. Удивление настигло волной, рот открылся в непонимании происходящего, ее ладони легли ему на голову, скользнули к его плечам и подняли голову с красивым чистым лицом и потрясающе голубыми глазами. Она кивнула и опустилась на колени рядом.

– Я согласна!

Ее шепот слился с шелестом травы и потонул в долгом поцелуе юноши. Тим не верил своему счастью и удивлялся над своей прежней нерешительностью.

Ветер подул с новой силой, заглушая биение любящего сердца. Соня выхватила из сапога нож и сжала его до посинения руки. Закрыв глаза, она не смогла удержать накатившие слезы, и те медленно поплыли по щекам, собираясь у подбородка. Девушка перехватила лезвие левой рукой и попыталась расслабиться, отгоняя будоражившие сознание мысли, но не сумев сделать это, лишь судорожно, не чувствуя боли, продолжала поливать траву красными каплями жизни

и только чудовищным усилием воли, она заставила себя вернуться в замок, оставив на ладони глубокую рану. Она впервые вступила в пугающий с детства Вековечный Лес и с этого момента возненавидела его еще больше. В порыве отчаяния, Соня решилась следовать за Тимом, в надежде именно сегодня возбудить в нем угасшее желание к ней. Она не хотела верить, что не любима им и собиралась доказать ему преданность душой и телом. Но Лес повернул все иначе, он представил перед Тимом бедную крестьянку Джен и с помощью адской змеи способствовал их сближению. Миф Сони таял, сердце окаменело, руки сжались в одну силу, и только разум разрушил попытку немедленного убийства любовников. Ярость трясла ее как лихорадка, стеклянные глаза веяли холодом, а мысли, быстрее полета стрелы, искали выход. Она нашла одиноко стоящую и всеми покинутую избушку, забралась внутрь и, забившись в самый темный уголок, закрыла лицо руками и разразилась сотрясающим все ее тело, плачем, переходящим в какой-то полувизг–полувоём.

Тим, опьяненный любовью, впервые не услышал присутствия чужака и тихих, осторожно–удаляющихся шагов. Он оказался во власти Джен, с которой не хотел расставаться, но быстро пролетевшее время спешило вернуть их в город, за большие толстые стены, где казалось относительно спокойно.

Стоящий у входа в замок Эдуард, иронически улыбался, встречая друга и излучая яркие, светлые эмоции. Блаженное,

приподнятое настроение Тима все-таки не утратило расчетливости, и он сразу понял, что произошло что-то важное (пустяки друг решает сам). Миновав его и войдя в холл замка, Тим осмотрелся, и тут, как будто из-под земли, выросла Нико. Сев на колени и опустив голову, она мелодичным, чистым голосом обратилась к Высшему.

—Прости меня, Высший, я поддалась ненависти и выплеснула тебе в лицо яд, там, на поляне, после битвы Магов, перед Стаей. Я возомнила тебя исчадием ада и прокляла, вместе с этой землей... как я раскаивалась в содеянном, но, страшась твоего гнева, боялась появиться на глаза. Видевшие в Стае твою схватку с волками, подробно описали ее и того, кто по их мнению совершил страшную волшебку и внушил в их сердца ненависть к людям и жажду почувствовать на языке их теплую кровь. За мое проклятье и нарушение слова чародейки, Лес практически отвернулся от меня, семья избегает и не разговаривает со мной, я с трудом отыскиваю пропитание и вымаливаю прощение у Вечного Леса, но он глух к моим мольбам и нем перед моими вопросами. Он направил меня к тебе, Высший, и теперь с нетерпением ждет твоего решения. Я раскаялась, тысячу раз раскаялась в насланном несправедливом проклятье и нарушении священного Слова. Я у твоих ног и тебе решать мою судьбу, мое существо готово ко всем наказаниям и пыткам; я молю тебя об одном — не отсылай меня обратно не обдумав и не приняв решения. Лес сам поклялся убить свою никчемную дочь, если та-

кое произойдет. Твой гнев справедлив. Если ты не сможешь простить меня, то я уйду из жизни со всеми надлежащими церемониями и ритуалами, полагающими чародеям, чтобы хоть так вымолить у земли прощение. Я совсем...

Юноша, как когда-то раньше, прижал два пальца к ее губам, останавливая на полуслове, и приподнял голову, чтобы она могла видеть доброе, улыбающееся лицо. Ее глаза от слез сделались красными и опухли, подбородок дрожал, а щеки избороздили влажные полосы от льющихся рекой соленых потоков. Девочка казалась ангелом, самым настоящим ангелом, излучающим чистоту и добрые, незамутненные злом, мысли. Зеленые, цвета едва народившейся первой травы, глаза, смотрели, не мигая, вымаливая прощение, и никакая сила не могла заставить их успокоиться, только...

– Встань... дочь! – ласково произнес Тим. – Ты совершила зло, ты раскаялась, ты искупила вину. Я имею все права отправить тебя обратно в Лес, но я этого не сделаю. Ты еще маленький, глупенький ребенок, созданный для долгой счастливой жизни, но с самого детства судьба распорядилась иначе и заставила понять боль, страх, ненависть. Я не зверь, способный хладнокровно убить жертву, я – человек и я прощаю твой неосторожный шаг, защищающий лесную семью. Но простят ли тебя люди, находящиеся за этими стенами – решать только им.

Она встала с колен, обняла юношу за шею и, стараясь спрятать вырывающиеся наружу слезы, уронила голову на

плечо, закрыв глаза и закусив нижнюю губу.

– Спасибо за жизнь, Высший. Я вновь оказалась у тебя в долгу, – хрипло произнесла Нико, – и он медленно, но уверенно возрастает, когда-нибудь он задушит своей тяжестью.

– Хозяйка своей жизни только ты и сама решаешь, что делать и как поступить. Все мы совершаем ошибки, за которые платим огромную цену, подчас своей собственной кровью. Ты молода и неопытна, зародившаяся однажды мудрость развивается с годами, тебе еще так много предстоит понять, увидеть, сделать. Не думай о смерти преждевременно, когда пробьет твой час, она сама придет. Радуйся жизни, дочь!

Тим обнял ее и поцеловал в лоб, в слипшиеся, растрепанные волосы, испачканные сухой листвой и мхом.

– Тебе необходимо умыться и привести себя в порядок, – он усмехнулся. – Дочь Высшего не должна ходить лесным кустарником.

Она засмеялась, блеснув глазами, поклонилась и поспешила наверх, в отведенную ей когда-то комнатку.

«Мир удивляет меня все больше и больше, – сев в кресло, подумал юноша. – Черные полосы сменяются белыми, вопрос только в том, на каком из двух явлений остановится жизнь».

– Ты принял ее, друг? – Эдуард расположился напротив, разминая руки после многочасовой тренировки лучников и арбалетчиков.

– Ты же сам все прекрасно знаешь.

– Став твоей приемной дочерью, она обретает многие права, а в будущем может стать для тебя и прекрасной...

– Будущее слишком далеко, друг, оно является для нас длинным темным туннелем и лишь избранным предоставляет себя на обозрение и дает возможность изменить его ход, но каждый знает, чем это может обернуться.

Эдуард откинул голову и посмотрел на мозаичный ровный потолок со свисающими восковыми светильниками – *«Ты прав, непосвященные могут только догадываться, но изменять – никогда!»* Он встал и вышел, оставив Тима одного.

«Куда пропала Соня?»

– Эдуард, что со Старшей, где она?

Ответа не последовало. Мысль о девушке пришла слишком поздно. Он должен был объяснить ей все, чего она не желала понимать, иначе будет поздно. *«Глупая, она наивно надеется на мою взаимную любовь».*

День породил множество новых проблем как в домашнем хозяйстве, в военном деле, так и в продолжающемся строительстве. Теплый северный ветерок, шумная городская площадь... Тим стоял на том самом месте, где в скором будущем должен стоять шпиль, говорящий о величии *Горного Королевства*. Небольшая платформа под его основание на первый взгляд казалась хрупкой, но, взойдя на нее, юноша понял, что это далеко не так и по достоинству оценил мастеров. Он стоял, глядя на собирающуюся вокруг толпу, и мысленно

предугадывал их последующую реакцию.

– Я просил вас временно оставить работу и прислушаться к моим словам. Кто испокон века жил здесь, тот знает Дженни, – он протянул руку, подзывая ее ближе. – Вчера я попросил ее руки, и она согласилась...

Девушка в смущении опустила глаза и затеребила подол юбки.

– ... я собираюсь стать и во веки веков быть ее мужем. Она знает все: мои нежные к ней чувства и любовь, но я спрашиваю у вас, люди *Горного Королевства*, особенно у тех, кто жил до моего прихода, могу ли я просить ее любви? Староста, ответь мне на этот вопрос!

Из рядов вышел Найдэн, лукаво усмехнулся, проникновенным взглядом осматривая юношу, и повернулся к Дженни. Ее розовые щеки, казалось, горели, она кротко пожала плечами и с мольбой в глазах смотрела на старика. Тот все понял без каких-либо дополнительных слов и расспросов. Весь вид девушки излучал трепет и нескрываемую любовь к Тиму. Подобное нельзя было не заметить. Старец покачал головой, повернувшись, прищуренным взглядом осмотрел жителей, потер бороду и, искоса глянув на священника, заговорил:

– Ты многое сделал для нас, Высший. Благодаря тебе, к нам вновь вернулись прежние, давно забытые лучшие времена. *Горный Сокол* восстал из руин и его герб развивается над твоим замком. Жизнь обрела смысл, как и во вре-

мена правления первого Высшего Этилии. Исчезли болезни, голод, смерть уже не заносит свою косу как раньше, эпидемии, мор... – ушли навечно, проклятья только – только сняты и местность освящена церковью. Ты выстроил нам добрый храм и монастырь, окружил город стеной и собрал в нем многие тысячи нуждающихся в помощи людей, открыл дорогу к реке и завязал торговлю с Арией. Твоя власть продолжается, ты собираешься возводить вторую стену, ближе к замку и строить шпиль – величие встающего на ноги королевства. Я знал Джен всегда, с самого ее рождения и любил, да и сейчас люблю, как отец, заменяя ей покинувшую этот мир в столь ранние годы, семью. Мы всегда желали ей блага и заботились о ней, считая себя ее семьей... теперь настала та самая пора, когда ей самой нужна семья, настоящая, родная... На правах ее приемного отца, я даю согласие на вашу свадьбу! Да прибудет с вами мир и Спаситель в Душе!

Тень Сони скользнула в рядах и быстро растворилась, не желая присутствовать на чужом празднике.

Тим немного взгрустнул, за невозможностью ранее передать Старшей принятое решение, склонил перед старостой и народом голову, спустился и, нежно обняв Джен, утонул в подаренном поцелуе. Крики восторга и радости разнеслись над площадью и повисли в воздухе. Гул слился с громоподобным басом стражи ворот.

– Сын императора – Алан.

Церковный колокол ударил один раз и умолк, будто умея

удивляться.

Полдень.

Хрипящие ворота поднялись и в них, сопровождаемый стрельцами, въехал средний сын Крониуса. Народ, в мгновение ока, помрачнел, сделался хмурым и сосредоточенным. Расступаясь перед белым конем и расходясь в разные стороны, они, тем не менее, не упускали его из виду и пытались скрыть недоброжелательность к этому человеку.

Алан, закованный в синюю броню, хищным взглядом, стараясь не упустить ни одной детали, осматривал Этилию и обратил внимание на брата только тогда, когда до него осталось всего несколько шагов.

– Я вижу, ты улучшил это место, – сказал он, не слезая с коня, – отстроил его: храм, монастырь, неплохая стена.

– Каждому дано свое, – не выпуская руки Джен, произнес Тим.

Кивнув головой, и еще раз осмотрев все кругом, он остановился на девушке.

– Я нашел ту, ради чего стал изгоем отца. Это моя жена Дженни, – пояснил Высший.

Мужчина на мгновение изменился в лице, но уже через секунду спрыгнул на землю и, подойдя ближе, поцеловал руку девушки.

– Я рад этому, брат, но не могли бы мы пройти в более уединенное место, нежели городская площадь!

– Эдуард проводит тебя в замок, брат. Чувствуй себя как

дома!

Джен ожила только тогда, когда Алан с воинами скрылись далеко впереди за домами, а большинство из жителей поздравили с приятным неожиданным поворотом в ее судьбе и разошлись по городу. Она впиалась в Тима жадным поцелуем.

– Я считала вчерашнее обманом и не могла даже представить, что ты заинтересовался мной по-настоящему. Меня всегда учили, что императоры ведут распутный образ жизни и могут делать предложение десяткам понравившихся женщин, но назвать своей женой, тем более в присутствии собственного брата...

– Ты до сих пор не поверила в мои слова?

– Нет, но...

– Я хочу завтра же сыграть свадьбу.

– Но я совсем не готова, у меня ничего нет!

– Я люблю тебя такую, какая есть. Зачем откладывать то, к чему мы оба стремимся? Я возьму тебя в жены и в этом платье, главное, чтобы в церковь явилась ты сама.

– Я сделаю все, что ты пожелаешь, любимый.

Они слились в поцелуе воедино и долго не обращали внимания на окружающий мир. Вырвавшись, наконец, из его объятий, она провела линию по его щеке к подбородку и, подняв палец к губам, тихо напомнила:

– Тебя ждет брат. Ступай! Завтра все станет на свои места. Я согласна на все, лишь бы быть с тобой. Мне ничего не нужно на свете кроме тебя.

Она развернулась и легко, как маленькая девчонка, играющая в догонялки, смешалась с людьми и скрылась в одном из многочисленных построенных домиков.

Тим дотронулся до своих губ, ощущая еще не остывший поцелуй, и быстрыми шагами направился в замок, справившись с чувствами и вернув своему виду рассудительность, а взгляду пронизательность.

Прохладная комната полностью отстроенного замка способствовала дружеской беседе братьев, которые удобно расположились в креслах и рассматривали друг друга с неподдельным любопытством, пытаясь понять планы и хорошо скрытые намерения. Ярко пылающий камин потрескивал дровами, а освещающее комнату солнце, проникало через большие, не стандартные для замков, бойницы, оставляя на полу золотые пятна своих лучей. Брат долго осматривал помещение, пока, наконец, не обратил внимания на его хозяев.

– Ты неплохо все устроил, брат, – сказал он. – Отец будет гордиться тобой, узнав.

– Он бы еще больше возненавидел меня. Крониус изгнал меня сюда, полагая, что я, в страхе оказаться проклятым, вернусь обратно и упаду в ноги, но он и представить себе не мог, что *Горное Королевство* когда-нибудь встанет с колен и обретет утерянную свободу. Город выжил и живет сейчас, узнай он, и меня постигнет самое страшное отцовское проклятье. Он боится Этилию.

Тим помнил все, что говорил когда-то отец, что говорили

братья... Ничто не ускользнуло от его слуха!

– Место, которое с трудом покорилося ему, и то, только изобразило вид покорности.

– Ты как Рион, тоже спешишь в какую-нибудь дальнюю империю? – спросил Эдуард.

– Нет, в отличие от него я специально прибыл для разговора с Тимом.

– И какие же мысли заставили тебя посетить это проклятое место?

– Отец стар и болен, он уже не может, как прежде управлять Альвестом. Старший брат оставил его практически без охраны, отдав семь десятков воинов, а в последствии избавится и от остальных. Дни Крониуса сочтены, он уже почти мертв. Рион хорошо постарался, доведя его до такого состояния. Не сегодня-завтра барон умрет, с легкой руки алчного сына и тот займет его место. Ад настанет в империи. Он уничтожит нас как следующий этап своей власти. Только своевременное вмешательство спасет Альвест и многих невинных его обитателей.

...

– Я немедленно отправляюсь к отцу! – вставая, произнес Тим.

– Нет, он не забыл нанесенное ему оскорбление и не потерпит твоего присутствия. Ты должен остановить возвращающегося с похода Риона. Он вымотан и устал, изнурен долгим переходом... Я дам тебе столько воинов, сколько потре-

буется.

– Разве ты сам не в состоянии остановить брата, если полагаешь такими силами? – подозрительно спросил Эдуард.

– Во-первых, это наше общее, семейное дело, а во-вторых, я должен находиться около отца. Он болен и слаб, ему нужна помощь, а младший брат, будучи глупым, от природы, отказался от совета отца в выборе жены. Ты сам там был и все видел. Отец чуть не убил и едва не проклял его. Он не хочет признаваться, но именно этот случай убил его и довел до подобного состояния.

– Я не мог поступить иначе, он совершенно не слушал меня, настаивая на своих требованиях.

– Все правильно, брат, на то он и император, чтобы все выполняли его приказы.

– Приказы? Любовь не терпит приказов, она рождается в сердце и там же умирает.

– Вот из-за этого ты и потеряешь наследство.

– Меня не интересует наследство отца, замешанное на крови, лжи и предательстве. Бери себе!

– Хочешь остаться со своей любимой, с той, с которой был на площади? Опомнись, не позорь сына империи, ты – будущий император, оставь эту нищету и прислушайся к речам отца!

– Ты приехал учить меня жить?

Алан замолчал, с обречением вздохнул, но выдержал взгляд брата.

– Только я способен устроить свою судьбу. Я нашел ту, которой отдам сердце, и завтра состоится свадьба. Хочешь – оставайся, но не вмешивайся!

– Ты неразумен, вот что значит родиться последним. Ты сможешь мне успокоить брата и помочь отцу дожить век самостоятельно, без вмешательства других?

– А что мы получим взамен? – спросил Эдуард. – Подобные семейные распри порой заканчиваются кровопролитием.

– Успокойся, друг, здесь нельзя что-либо требовать, это дело семьи и только она способна решать подобное. Своим вопросом ты обижаешь нас!

– Нет-нет, все хорошо. Его можно понять, он, как посторонний человек, в каждом деле видит только выгоду. Он мог бы стать идеальным правителем, поверни судьба в его сторону. Вот такие нужны империи.

– Ты не доверяешь брату?

– Почему же, я обратился к тебе, но не услышал ответа.

– Хочешь моими руками убить брата?

– Зачем? Достаточно опередить его и раскрыть заговор.

Если он не внемлет нашим словам и продолжит кровавый путь к власти, идеальным наказанием будет заточение на долгие годы.

– Это в том случае, если его силы окажутся слабее наших, – произнес Эдуард.

– Вот почему я и предлагаю объединиться! Твой ответ,

брат!

– Во имя империи, жизни ее населения и благополучия отца, я согласен помочь остановить грядущее насилие, олицетворяющее Рионом.

Они встали, готовые положить в клятве друг другу на плечи руки (зарожденное в древнейшие времена правило не утратило свою силу даже сейчас).

Прохладный воздух наполнил легкие... колющий холод сжал внутренности, готовый разорвать их на части, солнце затмилось тучей, стук дерева о камень глухо разнесся по пустому коридору.

– Я бы не советовал совершать подобную глупость, – тихий хриплый голос Старца, казалось, звучал в самой голове. Он как будто постоянно находился в комнате, ожидая своего момента вступить в разговор. Никто не заметил его прихода, он как будто вышел из тьмы и теперь спокойно осматривал собравшихся, прекрасно зная все сказанное ранее.

Негодование Алана скрылось за хорошей маской доброжелательности.

– По твоим седым волосам я понимаю, что ты стар и мудр, почему ты считаешь помощь империи глупостью и пустой тратой времени? Кто ты?

– Истинного меня не знает никто, но вот ты... ты многое не договариваешь. Ты стараешься запутать людей, ввести их в заблуждение и воспользоваться всеми открывающимися возможностями. Ты осторожен и хитер и тебя испепеляет

жажда, стоящая выше тебя самого, которая всеми доступными способами ведет к заветной цели.

Холод разлился по лицу мужчины, его глаза остекленели, закрывая злобу, голос изменился до неузнаваемости, но не выражал ничего. Казалось, звук исходил из самой пустоты.

– Ты ошибаешься, старец. Твои глаза светятся мудростью и излучают добро, но в законах империи для тебя нет места. Альвест уже дрожит от грядущих событий и просит о помощи. Кто кроме нас способен защитить его и продлить его существование?

– Посмотри на себя, ты противишься произнесенным словам и лелеешь другие, только тебе известные мысли. Твой брат был здесь и говорил подобное о тебе. Так кто из вас лжет?

– Я давно знал о заговоре старшего брата, – вмешался Тим. – Я сам все выясню. Готовься, Эдуард, завтра выступаем!

Лазарь рукой остановил поднявшегося юношу.

– Неужели он сумел заставить тебя поверить его словам?

– Да кто ты такой, чтобы строить распри между братьями империи? Ты один из носителей зла, покажи истинное лицо!

Белый плащ легко отлетел в сторону. Черные обволакивающие одеяния вырвались наружу, вселяя страх в людей, но только не в Алана. Он мрачно посмотрел на Старца, сжимающего тяжелый посох и обратился к брату:

– Проклятье настигло твою душу. Ты отдался власти *Чер-*

ного Мага. Он властвует в Этилии, но не ТЫ!

– Да, я Черный, но мое зло давно кануло в лето, оно ушло, явив ужасную правду настоящего. Возможно, я и не обладаю той силой что прежде, но тьма видит тьму издалека. Твои мысли покрывает толстая пелена мрака, ты жаждешь величия, славы, всеобщего поклонения...

– Ты до последнего предан тьме, ад восторжествует, увидев тебя во главе своих легионов.

В руках мужчины оказался нож, он с быстротой молнии швырнул его в мага, пытаясь опередить его самого. Никто во всем Альвесте не сравнился бы с ним в ловкости. Идеально заточенный и правильно брошенный клинок мог поразить противника в любую часть тела, но в данном случае он не преодолел и тех шагов, как неведомая сила заставила разлететься железо пылью.

– Ты жаждешь заполучить империю не меньше своего брата! – произнес Лазарь.

– Я лишь хочу ее сохранить, – он понял, что не сможет противостоять подобному противнику. – Рион помешан на словах отца «... получишь все титулы, графства, империю... но после моей смерти!» Он ненавидит такие условия и, собирая силы, ждет удобного момента!

– А разве ты сам не лелеешь эти же мысли?

Алан повернулся к погрузившемуся в раздумья брату.

– У тебя не было друзей, – он посмотрел на Эдуарда, готового в любой момент остановить обезумевшего наследни-

ка, – почти никого не было, но ты, тем не менее, вознесся почти до Бога. Народ отстроенного королевства надеется и верит тебе, но что если ты станешь новой причиной падения города в ад?

Он обошел вокруг Тима и остановился за его спиной.

– Неужели тебе, потомку империи, нужна та Джен? Альвест не примет ребенка от подобного брака и не сделает своим Владыкой. Она ничтожна, как и ты, узнай об этом отец – ее смерть принесла бы ему удовольствие. Подобные нищенки не трогают его, и если бы кто-то из слуг его имени отважился на такой поступок как она, я бы лично, в подарок, преподнес ему ее голову.

– Ты немедленно уберешься из замка и никогда больше не ступишь на землю Этилии, – в голосе Тима чувствовался неподдельный гнев.

– А то что, убьешь брата?

– Если отец пытался убить собственного сына, то, что говорить о братьях. Убирайся!

– *«Чувствуй себя как дома»*. Не твои ли слова? Я останусь до завтра. Путь был долг, и мне наскучило болтаться в седле, так же как и разговаривать с вами.

Он бросил холодный взгляд на мага и вышел из комнаты. Эдуард сел, тяжело вздохнув, и откинул голову назад. Тим закрыл глаза и, помассировав виски, подошел к окну. Солнце зашло за тучу и накрыло город серой тенью.

– Тебе не следовало появляться, Лазарь!

– У Алана темная душа, именно от него и начнется гибель империи.

– Кто знает, кто знает.

Юноша посмотрел на старика проникновенным взглядом и удалился в свои покои, намереваясь, остаток дня провести в одиночестве и понять творившийся хаос в мыслях и чувствах.

Утром он стоял у бойницы и, пребывая в мрачном расположении духа, пристально наблюдал за сборами Алана, который, казалось, никуда не торопился, а когда полностью экипировался, вскочил на коня, и как будто ничего не произошло, с доброжелательной улыбкой помахал на прощание рукой. Не понимая поведения брата, Тим вышел из замка и еще долго смотрел за его удаляющимся отрядом, пока тот не превратился в точку и совсем не исчез за лесом. Понимая важность вчерашнего разговора, он подозвал к себе Эдуарда.

– Седлай лошадей, собирай войско, мне нужно повидать отца. Я не могу бесконечно долго ждать известий от Эстэра, возможно, его уже нет в живых. Мне нужно знать о происходящем в Эльхаиме.

– Отец убьет тебя!

– Вот поэтому мне и нужна армия.

Душераздирающий полумладенческий крик залил Этилию и повторился снова. На него сбежались все. Тим с Эдуардом протиснулись через все пребывающую толпу и оказались около двери, ведущей в один из недавно построенных

домов для жителей города. Дверь оказалась открыта, и они вошли внутрь, прямо, на сменивший крик, жалобный стон. Почти у самого порога лежало тело... тело девушки, над которым, склонившись, сидел староста и бормотал какую-то молитву.

Впервые, за все время пребывания в *Горном Соколе*, произошло убийство. Юноша видел всевозможные смерти, но такой – никогда. Распростертое на полу тело оказалось почти полностью рассеченным надвое, от самой макушки головы и до низа живота. Сделавший подобное, поистине считался зверем. Меч проделал аккуратную линию, разрубив за один взмах все кости, внутренности и, оставив нетронутой только кожу спины, которая напоминала о своем существовании слабыми очертаниями.

Тим, утопая в крови, обогнул старца и остановился у головы несчастной. Произошедшее не укладывалось в мыслях и действительно пророчило начало конца.

Его сердце остановилось и упало вниз, мир взорвался черными осколками и перестал существовать. Все былое исчезло и превратилось в прах, оставив лишь горе и страдания. Он упал на колени и, схватившись дрожащими руками за изуродованное лицо, не в силах больше сдерживаться, огласил местность срывающимся криком:

– Дженни!

Найден мрачно посмотрел на него, молча призывая к тишине и памяти мертвой, и с ненавистью покачал головой, по-

казывая этим, что увлечение хрупкой девушкой дорого обошлось и до конца лет осядет в душе скорбной памятью.

Эдуард, в полной тишине положил руку на плечо друга, но тот резко встал и, не в силах видеть подобную картину, выбежал из дома.

До самого вечера никто не знал, где искать молодого императора. Он скрывался ото всех, даже от самого себя. Он не верил в случившееся и находился в полнейшем отчаянии, таком, какое не посещало его с самого рождения. В Вечном Лесу он долгими усилиями отыскал то самое место, где сделал ей предложение и теперь лежал на траве, глядя в голубое небо и, теряя слезы горечи, вспоминал ушедшие навсегда лучшие моменты его жизни, которые он никогда не сможет забыть. На него нахлынуло уныние, и одиночество тяжелым колпаком накрыло его сверху. Слезы медленно текли по лицу и капали на зеленую, ничего не понимающую траву. Он не боялся и не стыдился их, в любви нет понятия стыда, и юноша хорошо знал это. Подступивший к горлу комок, заставил закрыть глаза. Взору моментально предстала живая, красивая, любимая Дженни. Он поднял влажные веки – видение моментально исчезло, растворилось, к нему пришла запоздавшая осознанность того, что больше никогда не увидит ту, которой так недавно отдал сердце, ту, у которой еще вчера ощущал всю сладость губ в волшебном поцелуе. Тим хотел умереть, хотел слиться с ночным мраком, оставить Этилию и все ради того, чтобы быть с любимой. Он чувствовал се-

бя опустошенным, с бессмысленно и бесцельно проживаемой жизнью. Новая тяжесть свалилась на его плечи, всем весом прижимая к земле и не давая вздохнуть полной грудью. Несбывшиеся грезы взорвались и растянулись в черную пелену брызг. Сейчас юноша хотел только одного – умереть, умереть именно сейчас... Он закрыл глаза, представляя знамя смерти...

Какой-то мальчик утопал в грязи, с ужасом взирая по сторонам. Вокруг него, кольцом, стояли взмыленные, потные лошади, тяжело дыша после быстрого дальнего бега. На них восседали странные люди, спокойные ко всему происходящему, но в то же время внушающие страх. Один из них поднял закованную в жесткую железную перчатку руку и потянулся к ребенку.

– Папа! – донесся из глубокого подсознания режущий уши крик.

Тим открыл глаза и, скорчившись от боли, застонал. Опустившаяся ночь совершенно его не беспокоила, он как будто бы даже и не заметил ее.

– Папа! – вновь послышался голос, когда он вновь попытался открыть глаза.

Откатившись в сторону, он уткнулся лбом в землю и зарыдал. Кто-то потревожил его, он не успел, не хватило доли секунды... он не успел... Боль вспыхнула с новой силой и крик обезумевшего зверя потряс кроны могучих деревьев.

Глубокой ночью распахнулась дверь покоев Тима, и он из-

мученный, совершенно без сил, почти что ввалился в комнату. Тайный тоннель, открытый им совершенно недавно, благополучно скрыл его от охраны и совершенно незамеченным доставил в замок. Казалось, никто не знал, что он вернулся. Так оно и было на самом деле, но... тусклым огнем вспыхнули восковые лампы и осветили все пространство. Ближе всех стоял маг и пристально смотрел на ничего не выражающие, пустые глаза юноши. За ним, в кресле сидел Эдуард и мрачно оглядывал друга. Позади всех, в самом темном углу – Соня, не совершая ни единого движения. Тим развернулся, шагнув к выходу в коридор, но тяжелая дверь захлопнулась перед самым его носом и задвинулась на засов. Он прислонился к ней лбом и закрыл глаза, собираясь с силами, чтобы не заплакать.

– Тебе не стоит так рано уходить из жизни, – тихий и спокойный голос мага, казалось, как покрывало, обволакивал сознание, смягчая боль. – Ты молод и в тебе нуждается королевство. Оно должно встать с колен!

– Зачем мне все это? – так же тихо и не поворачиваясь, произнес юноша. – Умерла та, кто был для меня символом чистой, искренней любви. Ее больше нет, ее убили... так зачем мне жить?

– Опомнись друг, горе проходит...

– Но оно не забывается...

– Да, оно не забывается, но никогда нельзя терять надежду на лучшее. Ты просто устал, тебе нужно все забыть...

– Забыть? – закричал он и шагнул к Эдуарду.

– Прости! ... Попытаться отвлечься. Но Лазарь прав, ты нужен городу, всем им, всему войску, империи, отцу...

– Отец проклял меня!

– Но он нуждается в твоей помощи. Ты разве забыл? Братья убьют его, если им не помешать.

Глаза Тима блеснули невиданной до сего момента злобой и всеуничтожающей ненавистью. Боль ушла сама собой. Ее место сменили языки пламени, готовые испепелить любого, ставшего на их пути.

– Да! – медленно, как замороженный, произнес он. – Отомстить! – в глазах явственно чувствовалась угроза. – Алан! Именно он намеревался принести отцу голову моей Джен, и он убил ее, зная, что я последую за ним в самый ад. Эдуард, собирай всех, кто может держать в руках оружие, мы выступаем немедленно!

Тот встал, поклонился и, подойдя к двери, посмотрел на Старца.

– Открой дверь! – ледяным голосом произнес Тим.

– Нет, – все так же тихо и спокойно ответил маг.

Юноша подошел ближе и заглянул в такие же холодные глаза.

– Открой дверь! – с нажимом повторил он.

– Нет! Ты стал терять мудрость, Высший, любовь убила в твоём сердце все живое, и у тебя не осталось даже сострадания. Подумай, к чему приведут поспешные действия. Поду-

май! Ты вновь оставляешь в городе стариков и детей, и вновь обрекаешь их на вымирание.

– Мне нужен Алан!

– Его не догнать, будь твои воины даже на лошадях. Ты только погубишь тысячи невинных жизней.

– Плевать! Я найду его! Он ответит мне за смерть Джен.

– Твои мысли находятся под властью ненависти и злобы, тобой обурежала жажда мести, ты в точности повторяешь мое прошлое. Остановись! Не дай плодиться отраве, испепеляющей душу, стань тем Тимом, которого мы знали! Я не говорю про умершую любовь, но вспомни свою рассудительность, знания, умения вести любые дела и доводить их до конца. Где то добро, что вело тебя, где?

– Оно умерло вместе с убийцей Аланом.

– Нет! – закричал маг и с силой ударил посохом о каменный пол. Комната озарилась ярким светом, который проникал в самые отдаленные, казалось бы неприступные для него места. Тима обдало жаром и откинуло в сторону, на постель. – Ты глуп, ты потерял рассудок!

Юноша уткнулся головой в подушку, стараясь никого не видеть и ни с кем не общаться. До него запоздало стало приходить понимание случившегося. Черная пелена, окутавшая его, в миг распалась, вернув прежнее сознание и понимание всей ответственности, возложенной на него. Он оказался на грани падения в темную пучину бездны и все из-за гнева, перешедшего в ненависть. *«Я почти стал отцом, почти*

приговорил к гибели тысячи жизней. На мне могла оказаться кровь всех этих людей. Глупец! Любовь закрыла глаза на все! Ненависть почти поглотила душу! Ад уже раскрыл мне объятия... невозможно дышать!»

– Алан ответит за смерть Джен! – прошипел юноша, борясь с все еще не проходящей яростью.

– Нет! – вновь крикнул маг. – Ты ослеп! Зачем далеко ходить, посмотри вокруг! Кто-то один из нас! Посмотри вокруг... Один из нас... Посмотри вокруг... Один из нас... Один! Один. Посмотри вокруг!

Отказываясь понимать происходящее, Тим приподнялся на руках и взглянул на Эдуарда. Спокойствие друга передалось Высшему, и он сумел сесть. Голова раскалывалась на части, все тело болело и ощущалось напряжение, бывающее после кровопролитного сражения. *«Кажется, маг что-то говорил о собравшихся.»* Серая туманная пелена никак не спадала с глаз и в последней попытке пыталась задержаться за обволакивающую память прошлого, которая медленно сбрасывала оковы тьмы, неохотно возвращая былую мудрость. Он, совершенно случайно взглянул на Соню, пытаясь вспомнить слова Лазаря. Его глаза остановились на ее жемчужинах, из которых готовы были вот – вот вырваться слезы. Юноша углубился в себя, пытаясь найти ответ и забывая о присутствующих. Соня не выдержала пугающего, ничего не значащего взгляда и, отвернув голову в сторону, закрыла глаза, но слезы сумели выйти из заточения и теперь сбегали

к подбородку.

– Маг! – закричала она и бросилась вперед. Секунда, и она оказалась около него, другая, и меч, вылетев из ножен, опустился ему на голову. Лазарь даже не шелохнулся. Невидимый щит уберег хозяина, и клинок, осколками, рассыпался по полу, оставив в руках девушки один только эфес. – За что?

Тима вырвало из подсознания и вернуло в жизнь. В комнате витал запах сгораемой плоти, и он никак не мог понять, что же происходит на самом деле.

Посреди комнаты с суровым взглядом стоял Лазарь. Его поднятая рука заставила застыть у двери Эдуарда, который пытался вытащить меч. У его ног, на коленях, сидела Соня и, склонив голову к полу, заливалась слезами, пытаясь что-то произнести. Ее руки сжимали раскаляющуюся рукоять обломанного меча, но она как будто бы не чувствовала боли и только треснувшая кожа на руках говорила о ее терпении.

С трудом разжав ей руки и выбив почти полностью ставшим красным кусок железа, Тим развернул ее к себе лицом и, глядя в дрожащие глаза, прокричал:

– Что происходит?

– Ты еще не понял? – удивился маг.

Яркий свет исчез так же быстро, как появился, рука волшебника опустилась, и Эдуард упал на пол, непонимающе озираясь по сторонам, но, чувствуя как растворившаяся было сила, вновь наполняет его сущность. Лазарь сел в дальнее

кресло и указал рукой на распластавшуюся и содрогающуюся в агонии девушку.

– Спроси ее!

Тим поднял ее, потряс за плечи, и нежно взяв руки за тыльную сторону ладони, заглянул в глаза, казалось, проникая в самые отдаленные участки ее души. Соня смотрела на обгоревшую и начавшую пузыриться кожу, не делая попытки поднять взгляд. Через секунду она прижала к груди руки и, упав на колени, опустила голову.

– Я преклоняюсь перед твоим величием и готова целовать твои ноги, дабы искупить содеянное зло.

Рыдания не прекращались, слезы крупными горошинами текли по ее лицу и изумрудными каплями падали на пол.

– Я впала в отчаяние, которое испепелило мою душу и зародило семя гнева. Я оказалась слишком слабой и не смогла вынести все это, глупая ненависть убила во мне всю доброту и я... я... я не могу произнести этого! Гнев Высшего убьет меня!

Тим вопросительно посмотрел на мага и опять на захлебывающуюся в слезах девушку. Смысл сказанного нарисовал четкую, яркую картину, с запозданием пришедшую к юноше, но тот не хотел в это верить. Слишком страшная правда открывалась перед ним. Его подбородок задрожал, глаза наполнились ужасом, но он кое-как выдавил из себя никак не желающий срываться с уст вопрос:

– Так это... это ты?

Он ждал ответа «Нет» и молил всех святых, чтобы произошло именно это, но...

Девушка подняла измученное лицо, закрыла глаза (хотя это не помогло сдержать слезы) и, проглотив застрявший в горле комок, тихо, как будто бы стараясь, чтобы никто не услышал, произнесла:

– Алан не виноват. Это я... я... убила Джен, твою Дженни!.. – слезы рекой заливали ее лицо. – На меня нашло что-то... что-то свыше. Ненависть затопила все, она требовала смерти... ее... других, всего города! Я не смогла справиться и я...

Тот, кому она говорила все это, уже не слушал ее. Яркая вспышка, как удар молнии, пронеслась по всему телу. Вновь нахлынувшая ярость вот-вот готова была вырваться наружу, уничтожая все попавшееся на пути. Несгибаемая вера в ее честность и добропорядочность ушла навсегда, оставив место пугающей пустоте и желанию истреблять. Все чувства угасли, накрылись темнотой как одеялом и ярость, высвободившись из сдерживающих оков, залила все тело своей нестерпимой жаждой.

За какие-то доли секунды меч оказался в руке и его клинок, сделав дугу, опустился вниз.

– Тим, нет! – послышался слабый голос Эдуарда, все еще не пришедшего в себя после заклинания мага.

Тим сжимал меч так, как никогда раньше. Руки дрожали, и сталь царапала камни, не в силах их разрубить. Соня, сжав-

шись в комочек, прижалась лбом к полу и закрыла уши руками, испачкав кровью золотистые волосы. Рядом с ней оказалось рассеченным надвое витое деревянное кресло, но она этого не знала, а со всей силы зажмутив глаза, гадала, почему он медлит и не наносит того одного – единственного последнего удара, после которого ее душа найдет долгожданный покой и покинет брренное, проклятое тело.

Время шло. Она медленно приподняла голову и широко распахнутыми, удивленными глазами уставилась на стоявшего в оцепенении, с закрытыми веками, юношу, на того, которого любила и из-за кого совершила такую страшную, совершенно ненужную и бессмысленную жертву.

Девушка выпрямилась, но не вставала с колен, продолжая смотреть на застывшую фигуру, такую любимую и уже такую далекую.

Меч поднялся и до боли уткнулся ей в грудь. Соня даже не сморщилась и не отстранилась, но всем телом почувствовав медленно плывшую по коже капельку алой крови. Холодный металл излучал ярость, и она еще больше подалась вперед, увеличивая боль, но, никак не выдавая ее.

– Убей меня! – глядя в глаза, шепотом произнесла девушка. – Я не достойна того, чтобы жить! Убей меня, прошу тебя!

Мольба не достигла Тима. Рассудок удержал от нежелательных преждевременных последствий. Он отвел меч назад и спрятал его в ножны.

– Я не имею право распоряжаться твоей жизнью. Люди решат твою судьбу! Утром, на рассвете!

– Не-е-ет! – закричала она, извиваясь на полу и хватая Высшего за ноги. – Убей меня сейчас!

Он презрительно посмотрел на нее, как бы говоря: *«Еще неизвестно, кто кого обрек на страдания!»* и, выпутавшись из ее объятий, направился к выходу. Эдуард полностью пришел в себя и открыл перед Высшем дверь. Соня потянулась к сапогу.

– Лазарь, она должна дожить до рассвета!

Маг тяжело вздохнул, кивнул головой и бросил короткий взгляд на появившийся нож. Тот почернел и осыпал пылью лицо и грудь не свершившейся самоубийцы. Соня упал на пол, и забилась в истерике.

Тим еще раз осмотрел распростертое тело и повторил:

– Она должна дожить до рассвета!

Вышел. За ним последовал Эдуард и... маг. Дверь покоев закрылась на дубовый засов, запечатанный легким заклятьем. За ней кто-то застучал, забился, закричал срывающимся голосом и... рыдания.

Все ушло. Остались одни воспоминания, ничего не стоящие, жалкие обрывки прошлого, которые навсегда вонзились в душу как самые яркие моменты прошлого. Джен... она уже никогда не появится на улицах города, не помашет, приветствуя, рукой, не улыбнется и тем более не обнимет, чтобы утонуть в долгом нежном поцелуе. Тим лежал на по-

стели последнего этажа и, закрыв глаза, вспоминал ее образ, такой далекий, но... такой родной. Минуты, проведенные с ней, превратились в целую жизнь. Голубые глаза цвета девственного неба никогда не покинут его и всегда, в мыслях, будут следовать за ним, тем, кто любил ее больше всех в Этилии, в Альвесте, на всей земле.

Дверь сотрясалась от ударов...

«Я же просил не беспокоить меня до утра!» Юноша открыл глаза. Мягкий свет проникал в узкую бойницу, рассеиваясь по полу. За дверью стоял Эдуард.

– Утро. Народ ждет!

Легкий ветерок теребил волосы и наполнял легкие поистине божественным ароматом. Внизу, на небольшой возвышенности, в сотне шагов от замка, стоял священник, маг, Соня и шесть Лерионеров. Еще ниже – население всего города, собранные Эдуардом.

Девушка была без веревок, цепей... как будто за прошедший день ничего не произошло, и она по-прежнему являлась Старшей для некоторых отведенных ей воинов. Легкий плащ укутывал ее почти до пят, и ветер теребил его подол, временами открывая босые ноги. Люди с удивлением перешептывались, совершенно не понимая происходящего и таких поспешных сборов. Лицо Сони утратило былой румянец, и бледность четко прослеживалась даже на шее. Слез не было, она поклялась, что их больше не будет, но красные опухшие глаза говорили о бессонной ночи и о том, что ей пришлось

пережить за эти полдня. Народ недовольно переступал с ноги на ногу. Хотя солнце взошло, оно не набрало достаточно сил прогреть воздух и он, дыша ночью, все еще был холодным. Девушка не могла смотреть в лицо никому из присутствующих. Она понимала, для чего все собрались и что за этим последует, главное, чтобы все прошло быстро и для нее наступит покой. Навсегда! Единственное, это чтобы не было слез... не было слез.... Не было слез!

– Сегодня мы собрались почтить память моей несостоявшейся жены, любимой девушки – Дженни, лучшей девушки этого города... всего Альвеста, – он опустил на одно колено. – Я преклоняю перед ней колени и вместе с вами скорблю о ее смерти, о смерти, сотворенной рукой поистине чудовищного человека.

Соня вздрогнула всем телом, но не подняла лицо.

– Зверское, хладнокровное убийство, присущее только истинным палачам.

– Зачем столько слов, ее этим не вернуть! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Да, ее этим не вернуть, но все вы хотели найти ее палача, чтобы он предстал перед судом, на котором ему будет вынесен смертный приговор. Палач нашелся. Он среди нас!

Народ зашумел, переговариваясь между собой. Соня вздрогнула, еще больше склонив голову к груди, и закрыла глаза. Вперед вышел староста.

– Ты изволишь шутить?

– Я когда-нибудь вам лгал?

Старик замолчал и в смущении хотел податься назад, но юноша остановил его.

– Прежде я хочу услышать из твоих уст, какое наказание ты бы дал убийце Джен?

Найдэн расправил старческие худые и глянул на Высшего.

– Если ты знаешь убийцу, разве сам не нашел ему кару? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Я хочу узнать твое мнение, Найден, мнение Этилии!

– Она всем нам, истинным жителям *Горного Королевства*, была как дочь и родители вправе требовать смертной казни.

Дрожь пробила девушку. На висках выступили капельки пота, ноги предательски подкосились, готовые в любой момент не выдержать вес собственного тела.

– Покажи нам, раз ты нашел палача, или все собрались ради потехи?

– Прежде я хочу попросить вас отдать мне в приемные дочери младшую сестру Джен.

– Нет! – закричал старец. – Хватит с нас смертей, дитя останется у нас, *мы* станем ее семьей, и только убив нас, сможешь взять ее. Ты понял, Высший?

Вздых.

Он долго смотрел на старца, обдумывая его слова и понял, что дальнейшие споры не приведут ни к чему, а только унижат его в глазах окружающих и дадут повод к зарождающемуся недовольству к Высшему.

– Да будет так! – Тим склонил голову и сделал шаг назад. – Теперь я могу сказать, кто убил Дженни! – он подошел к Соне и даже на расстоянии ощутил ее дрожь. – Эта девушка вынашивала коварные планы против моей возлюбленной. Я ее спас, я ее привел сюда, в ваш мир, но я и представить не мог, что она способна на такое... чудовищное зло. Соня – истинный убийца Джен!

– Беда свершилась. Зря он брал ее тогда с собой, – повторил Эстэр ранее произнесенные слова.

Эдуард ничего не ответил, понимая, что старый мечник оказался прав.

Люди ахнули и, как показалось, подались назад. Даже Найден оказался в замешательстве и не мог произнести ни слова. Стоящая перед ними девушка всегда олицетворяла любовь, красоту, добро. Она всегда вызывала симпатию и вожделенные взгляды. Да, она была и оставалась воином, и все это знали, но чтобы убить мирную, невинную сироту... в своем городе... они считали ее неспособной на это. Неужели ошибались, неужели настал тот момент, когда никому нельзя верить? Даже Высшему? Он уловил это и понял, о чем думают горожане.

– Если вы не верите моим словам, спросите ее! Она расскажет вам. Она раскаялась в содеянном!

Соня не ожидала такого поворота и не была к нему готова. К горлу подкатил комок, сердце готово было вырваться из груди, голова не поднималась, страшась увидеть обезумев-

шие лица людей. Густые золотистые волосы скрывали ее от них, но долго ли это продлиться? Нет! И она знала.

Вперед вышел священник и поднял руку, успокаивая и призывая к тишине.

– Истинный верующий в Спасителя не сможет лгать, когда в руках держит библию.

Он протянул ей книгу в серебряном переплете, перекрестил и отошел, вознося молитвы к Всевышнему. Дрожащей рукой, приняла она ее, чувствуя, будто весь свод мира обрушился ей на плечи и стал давить вниз, стараясь живьем вогнать в землю, и раз и навсегда покончить с жизнью. Под ее нескрываемой нерешительностью в своих суждениях стал сомневаться Найден и пронзительным, казалось, разрезающим плоть взглядом, он осмотрел ее с головы до ног и крикнул:

– Говори!

Что-то оборвалось в ее существовании. Она уже считала себя мертвой и не хотела продлевать крохотные остатки жизни бесполезными разговорами, но... они ждут, они смотрят на нее и решают, проклинать или преклоняться перед ней. Коротко взглянув на Тима, она встретила жесткий взгляд и, склонив голову, попыталась прогнать сухой давящий комок, но лишь раздражила его. Первые слова давались с трудом, будто жилы, вытаскиваемые клещами, находящимися в руках опытных палачей. Но девушка смогла совершить первый шаг, забыть о боли, забыть о прошлом, говорить то, что про-

исходило совсем недавно, почти вчера. Она раскрылась, подалась вперед и отдалась людям – истинным палачам всего сущего!

– Я любила Тима... я люблю его сейчас! Это произошло тогда, когда он спас меня и принял к себе. Никого и никогда я так не любила и уже не люблю как его. Он стал для меня тем самым единственным человеком, которого так ждут все юные девушки... Тим как будто вернул меня на много лет назад!.. В тот день я преодолела все страхи и пошла за ним в лес, в надежде там объяснить мои чувства и раскрыть ему глаза, но... я опоздала. Он был с Джен, со своей Джен и окончательно позабыл меня, ту, проведенную со мной... то время, когда я пыталась стать для него самым близким, любимым человеком! Я забилась в один из старых полуразвалившихся домишек и старалась не думать ни о чем, но...

Ненависть захватила ее и обрела верх. Ее всю трясло, как в припадке, а невозможность высказаться только усугубляло положение. Соня рассчитывала на то, что в лесу был миф, грязное видение, которое вот – вот закончится и сотрется в памяти, но то, что она услышала на площади на следующий день, дало понять, что все произошедшие события реальны и судьба совершенно по другому распорядилась ее жизнью. Безумие накатывалось как снежная лавина. Не в силах больше терпеть, она обхватила голову руками и бросилась прочь, считая свою жизнь конченной. С этого момента, в юную, красивую девушку вселился бес. Все мысли были на-

правлены на то, чтобы придумать самую страшную из всех существующих смертей ни в чем не повинной Дженни. Соня не хотела больше видеть ее в городе... в Альвесте... среди живых! Где-то в глубине души, тусклый огонек белого света пытался помешать ее планам, успокоить, согреть, но боль, обида и разочарование были настолько сильны, что полностью заглушали его и обрекали на тьму, тот самый Ад, которого все боялись. В своей испепеляющей ненависти она забыла обо всем: добро ушло, счастье никогда не вернется, радость не будет так веселить как раньше. Разум затуманился, накрылся серой всеуничтожающей пеленой, и вселившийся дьявол погнал к тому самому единственному решению, которое, как она тогда понимала, способно вернуть Тима и его преждевременно ушедшую любовь.

Но была ли она? Тогда Соня об этом не думала, она вообще ни о чем не хотела думать. Мечь закрыла ей глаза, мысли и пророчило падение в бездну, но девушка не волновалась об этом, она вообще, похоже, забыла все, кроме ненависти и своих, предсказанных кем-то издалека, действий. В тот момент совесть не призывала ее одуматься, не заставляла взглянуть на грядущие последствия. Будущее... это самое последнее, что волновало девушку, так же, как и то, что ее дорога прямо в Ад.

Соня стояла на пороге дома Джен. Пустынные улицы и полнейшая безлунная темнота помогали ей во всем. Никто не знал, не видел и не мог предположить, что она окажется

здесь... здесь, чтобы убивать, а не давать жизнь, как думал Тим, создавая Желтое Братство, в которое входила девушка. Сердце стучало, словно отплясывая сложный танец, ноги подкашивались, руки дрожали, но зверская решимость твердила закончить дело, до которого остался шаг... Тихий стук о деревянную дверь раздавался в ушах сотрясающим землю громом. Возникшая вдруг тишина давила со всех сторон. В доме никого не было! Радость вырвалась наружу и девушка с облегчением выдохнула, расслабляя сжатые в кулак руки, в одной из которых был нож. Она склонила голову, вытирая капельки пота... Раздался скрип. На пороге появилась заспанная Джен! Сердце упало вниз и растворилось в пучине зла. Рука поднялась вверх, нож легко вылетел, но... *«Это невозможно!»* Дженни смогла, каким-то чудом, но смогла увернуться от него, и тот пропал в темноте избы, лишь приглушенно звякнув о каменную кладку противоположной стены. Широко распахнутые глаза хозяйки дома остановились, заметались в поисках укрытия, она сделала несколько шагов назад, но возмездие Сони не остановилось на глупой неудаче. Девушка выхватила меч и со всей накопившейся яростью, болью, отчаянием сделала последнее, что требовалось от палача – подняла над головой и опустила клинок на беззащитную окаменевшую Джен. Мышцы напряглись, связки готовы были порваться, все тело превратилось в один ревушей комок боли, но именно это помогло раздробить череп, пройти через грудную клетку к животу, дальше вниз и уткнуться

острием меча о деревянный пол. Фонтан алой крови ударил в лицо Сони забрызгав кольчугу. Ужас застыл в глазах Джен, она упала на спину и раскинула руки, утопая в собственной крови, которая с каждым мгновением подбиралась к ногам обезумевшего воина.

Ненависть покинула существование в жертвенном теле сменившись страхом, запоздалым понятием сотворенного. Соня задрожала, будто уже сейчас видя будущее, попятилась назад, зацепилась за порог и вылетела на все еще пустынную улицу. Впервые меч показался порождением ада, сеющим зло и призывающим на пир Смерть. Впервые ее руки обагрились невинной кровью. Впервые она увидела тот ужас, железной хваткой сжимающий распятых людей, к которым с минуты на минуту должны придти мастера – палачи.

Зажав руками рот, сдерживая вырывающийся из груди крик, она бросилась бежать. Она не знала куда, но как можно дальше. Найдя тот самый обветшалый дом, девушка забралась внутрь и, уткнувшись в разбросанное по полу тряпье, только тут разорвала тишину захлебывающимися рыданиями.

Душераздирающий полумладенческий крик залил Этилию и повторился снова. Соня знала, что произошло. Слезы нахлынули новой волной, выплескиваясь в виде крупных, прозрачных, соленых капель, но удушье схватило ее за горло и повалило, заставляя корчиться в судорогах, превращая безжалостного палача в жалкое подобие.

На крик бежали все, но только один человек в обратную сторону. Ноги сами несли ее вперед и буквально в считанные секунды привели в храм. Мольбы, просьбы, клятвы к Всевышнему давались с трудом и разрывали сердце болью. Душа требовала исповедаться, но настоятель ушел... ушел туда, куда вчера постучала Смерть. Соня боялась, боялась малейшего шороха, который, как казалось, исходил из тех, кто пришел за ней. Время шло. Молитвы неиссякаемым потоком вырывались из разрывающегося тела и устремлялись к иконе Спасителя. Никто не видел ее здесь и не знал, что она приходила. Никто не знал: почему?.. кто?.. ото всех ускользнуло, но только не...

Маг.

О, как она его тогда ненавидела! Девушка готова была разорвать его на части, лишь бы никогда, никогда и ни за что не появляться на глаза Тима. Она бы так и сделала, но... Лазарь заставил Соню вернуться в замок и дожидаться прихода молодого императора. Эдуард до последнего момента не знал, для чего он понадобился, но, видя мрачное лицо Старца, не решился спрашивать, и его изумлению не было конца. Девушка забилась в самый темный угол и с ужасом представляла гнев Тима, лишившегося жены.

– ...тьма закрыла мне глаза. В тот момент я не знала, что делаю, что творю. Любовь превратилась в ненависть, ненависть породила палача, палач исполнил свое дьявольское предназначение, – она опустилась на колени и склонила го-

лову. – Я не могу смотреть вам в глаза! Ад отнял душу. Я прошу Храм, священника, олицетворяющего Спасителя... не тянуть с наказанием и проделать это быстро, дабы через мгновение предстать перед Всевышним, на Его суд. Я человек, поддавшийся искушению, человек, не сумевший одолеть в себе дьявола, но мое тело боится, боится всего! Я в вашей власти, Этилия!!! – выкрикнула она и еще больше осела, склонив голову.

Шепот давно прекратился и все, боясь пропустить слово, с вниманием слушали девушку. Они стояли в нерешительности и переступали с ноги на ногу. Многие осудили ее на смерть, еще больше, не знающие Джен, ждали только справедливого наказания.

– Чего вы медлите? – вновь крикнула Соня. – Вы нашли нож с клеймом ангела, вы же знаете, чей он, что с вами, почему молчите?

Найден пристально посмотрел в ее широко открытые глаза, достал из своей одежды небольших размеров нож и взглянул на его круглое завершение. Там, в алмазном камне, был искусно выгравирован белый ангел с раскинутыми крыльями и сложенными в молитве руками. На мгновение, прикрыв глаза, старейшина прошептал что-то одними губами. Он не источал зло, ненависть или презрение к девушке, как это чувствовалось у Тима. Он тяжело вздохнул. Сердце Сони разрывалось на части, она не могла поверить своим глазам.

– Нет! Нет! Не-е-ет! – закричала она, закрыв лицо руками

и нарушив свою заповедь, зарыдала. Она поняла, поняла все, что должно было произойти, но не могла помешать старцу и уж тем более помешать *ему*. Подобное уже не находилось в ее власти. – Почему вы так жестоки? – еле слышно выдавила она. – Зачем мне она, зачем?

Найден не слушал ее.

– Да, ты начала свой путь падения в бездну ада, но он еще не в полной власти обрел верх над твоей душой. Ты остаешься человеком, а он слаб и только лучший может справиться с дьяволом, живущим в себе. Ты совершила зло, страшное зло, смываемое только своей кровью. Она была мне... всем нам... как дочь, но Тьма породила в тебе семя ненависти и заставила закрыть глаза на все остальное, на все то, что последует за твоим содеянным злом. Ты была чиста душой перед Спасителем, но любого, даже праведника, оказавшегося в данный момент слабее обычного, можно свернуть с истинного пути. Все знают, что после чудовищного убийства, твоя душа прямиком попадет в Ад, а ему это только и нужно. Он собирает силы Тьмы и когда сочтет их достаточными – ворвется в наш мир и уничтожит все живое. Ад не должен получать союзников, новых душ – воинов. Ты не безнадежна, ты можешь исправиться, но... искупление вины должно быть полной!

Соня задрожала. Не нужно было быть магом или чародеем, чтобы заметить это. Любой стоящий вблизи мог почувствовать пробивающую ее дрожь и выступившую испарину.

Девушка не могла произнести ни слова. Сейчас произошло то, о чем она не могла даже подумать, то, чего боялась больше всего на свете...

– Почему вы меня не убьете, почему? – заканючила она. – Зачем даете эту ненужную жизнь?

Резко встав, она оказалась около священника, но поднятая рука Лазаря отбросила ее тело обратно.

– Я не в праве назначать ей наказание, – произнес Тим. – Только Город может решить ее судьбу!

– Город не жесток, – сказал старик. – Он отличается от этой убийцы.

Соня не верила ничему, что здесь происходило. Она не хотела верить, но это происходило, и девушка никак не могла понять, почему все это случилось с ней. Она уже поняла, что город сохранит ей жизнь, и она боялась этого, и не знала, что делать, и ощутила всю предстоящую боль.

– Да, она убийца, убийца невинных, но *Горный Сокол* не станет Эльхаимом с его палачом Крониусом...

Тим как будто не услышал этого.

– ... королевство не несет в себе зла – в нем закон, – Найден поднял над головой посох и потряс им, – и переступивший его подвергнется наказанию!

Девушка сглотнула сухой комок, но тот появился вновь, нарушив дыхание и заставив все внутренности сжаться. Она знала жителей города достаточно хорошо и вполне представляла, на что они способны, когда дело касается их самих,

особенно тех, кто жил до прихода Тима и Желтого Братства.

– Город решил и вынес свой приговор!

Голос старосты казался громopodobным, он резал слух и проникал глубоко в мозг, раскалывая голову на части.

Люди молчали.

Со лба Сони сбегали крупные капли пота. Она дрожала всем телом и уже не скрывала этого.

Ни один не воспротивился словам Найдена. Не было высказано ни единого опровергающего или изменяющего наказания слова. Все верили ему, доверяли и знали, что если он сказал, то так и должно быть, что преступник не заслуживает ничего другого, как этой, только что сорвавшейся с уст старца, кары.

Ноги девушки стали подкашиваться и все попытки удержаться были слабы и тщетны. Она будто выпила сильнодействующего дурманящего зелья, предназначенного для усмирения и отнятия воли у людей, идущих на казнь. Соня пошатнулась, пытаясь справиться с режущей болью в висках.

Тим беззлобно посмотрел на ее искаженное ужасом лицо и лишь еле заметно пожал плечами.

Она опустила голову к груди, не желая видеть палачей и будущих зрителей, отречься от мира, умереть прямо здесь, сейчас... но такое не могло произойти, ей просто не позволили бы это.

Буквально за час построили примитивное, полукруглое ложе и поставили его на пригорок, чуть в отдалении от за-

шумевшей толпы. Исполняющих роль палача, выбрал сам Высший, дрогнувшей рукой передав им принесенные гибкие хлысты. Подойдя к окаменевшей, дрожащей словно молодое деревце в бурю, девушки, он бережно взялся за ее легкий плащ и резким движением сорвал его с плеч.

Собравшимся открылось идеально стройное, обнаженное тело Сони, от стыда сжимающей кулаки, еще больше пытающейся склонить голову к груди и, словно полотном, закрыться золотистыми длинными волосами. Но Тим не хотел этого. Он аккуратно разделил их не две части и закинул за уши, проведя пальцами по влажному виску. Она хотела прикоснуться к его руке щекой, но тот поспешно отдернул руку и отошел в сторону.

Соня сторала от стыда. Она чувствовала на себе тысячи пристальных и во многом похотливых взглядов, мечтающих прикоснуться к ней, провести незабываемую ночь, заставить ее исполнять все извращенные мысли обладателей и добиться от нее криков боли.

Девушка почувствовала, как взгляды скользнули по двум идеально сформировавшимся грудям, спустились вниз, к впадине пупка и дальше, туда, где находилось истинное возбуждающее, манящее и притягивающее. Но сейчас этого не существовало для нее.

Она тихо плакала. Она осознала... Давно осознала, но раскаяние пришло слишком поздно, а черной пелене ненависти потребовался стремительно краткий миг, чтобы обла-

дать ее сущностью и повергнуть во мрак крови.

К ней подошли двое Лерионеров и, подведя к ложу, положили животом вниз заковав руки и ноги во вбитые железные браслеты. Воины смотрели на нее одновременно как на Старшую, почти самую лучшую в своем мастерстве, на божественно красивую девушку, которой можно обладать здесь и сейчас и на безумную преступницу, переступившую закон. Но она им нравилась, всем нравилась, и многие хотели любить ее, но...

– Через каждые пять ударов обливайте ее холодной, крепко соленой водой. И не дай вам бог попытаться обесчестить ее, – сказал Тим, отойдя с палачами в сторону и, стараясь, чтобы их разговор никто не услышал.

Юноша оставил всех, он не хотел быть здесь и наблюдать за жестокой поркой, но и помешать, даже смягчить наказание не мог, не имел права. Уже подходя к замку, он услышал режущие воздух взмахи хлыста. Девушка держалась стойко, но после шестого удара плоть содрогнулась, заметалась из стороны в сторону и Этилию накрыла волна женского обезумевшего крика, который до хрипоты срывал горло. Юноша поднялся в покои и, став на колени, молил, чтобы она не умерла. Да, она была виновна, виновна во всем, но он не хотел смертей подобным наказанием. Но что поделать, если так произошло? Что поделать?!

Боль сковала ее тело, разрывая на части, мир вспыхивал радугой брызг и разлетался осколками. Она думала, что

пытка никогда не закончится и ее сердце остановится на каком-нибудь ударе. Но время шло, боль усиливалась, разрывающие страдания увеличивались, в голове проносились сотни картинок смерти, но одна, которая по прежнему всегда находилась с ней – это... Тим, да, тот самый, который сейчас убивал ее.

Юноша сидел и молился. Он одновременно проклинал ее и сочувствовал, но... это все!

Громоподобный стук в дверь прервал мрачный сон Тима и заставил открыть глаза. Луч солнца проникал в узкую бойницу, но даже этого хватало, чтобы придать комнате золотистый оттенок. Мысли путались, составляя чудовищную головоломку. Совсем еще мгновение назад, казавшийся адским порождением, сон, приобрел ясные очертания и теперь врезался в голову новой болью. На мгновение юноша позабыл о стоящих за дверью и почти заново пережил ужас прошедшего дня. Он обхватил голову руками и, пытаясь унять пробивающую дрожь, мысленно потянулся к тому спокойствию, которое было еще до ссоры с отцом. Тим опускался все ниже и ниже, плотный туман окутывал его и согревал плоть. Отрешенность пришла незаметно и как «добрая» мать отгородила от всех мирских проблем и серой унылости жизни.

Мощный удар выбил тяжелую дверь с частью каменной кладки и вбил в противоположную стену, едва не сметая и ее. Комната моментально заполнилась людьми. Юноша даже не вздрогнул. Его существо не отреагировало и на Эдуарда,

подскочившего к нему и трясущего за плечи. Тим не слышал голосов, почти не слышал, но по открывающимся ртам мог понять, что люди кричали и по всей вероятности, это было как-то с ним связано.

– Он нас не слышит! – крикнул Эдуард, обращаясь к Лазарю.

– Он холоден как лед! – послышалось откуда-то слева.

– Жизнь покидает его тело! – сказал маг. – У нас мало времени. Приведите Лаэрта!

Кто-то скрылся в развалинах бывшей двери.

Лазарь посмотрел на затуманенный взгляд юноши, блуждающий далеко отсюда и наверняка не понимающий, что здесь происходит, поднял руку ладонью вверх, сжал в кулак, а когда раскрыл, то на ней уже находился маленький, хрустально – белый шарик. Осторожно убрав из-под него руку, маг отправил предмет в Тима и шар, едва коснувшись груди, растворился в теле.

Юноша вздрогнул. Глаза распахнулись. На мгновение зрачки побелели и вновь приобрели истинный вид. Он застонал и наклонился вперед. Кто-то со стороны поддержал его тело и усадил обратно на постель, прислонив к стене.

Сознание медленно прояснялось. Расплывчатое пространство, как время в песочных часах, пыталось обрести очертание. Что-то мешало. Казалось, будто незримая сила сжала его в своих объятьях и, боясь последствий, никак не хотела отпускать. Но слишком много силы было вложено ша-

ром. Цепь разорвалась! Кто-то не выдержал! Окружающий мир вспыхнул всей яркостью и выплеснул из себя Тима, не из настоящего, из созданного, из сотворенной кем-то плоти, поглощающей не человека, а его разум и все живое внутри... душу. Совершеннейший покой сменился пугающей тревогой и усиливающимся напряжением.

Разум вернулся самым последним.

Удивление смешалось со странностью происходящего.

Перед юношей стоял тяжело дышавший, похоже, от длительного бега, Лаэрт. Дрожащие руки сжимали склянку с желтоватой жидкостью, оставшейся на самом дне. Левее от него – Эдуард. В углу – Лазарь. У... разбитой двери?.. Эстэр... Эстэр? Вернулся?

Тим попытался встать. Ноги подкосились. «Нет». Все силы в одно мгновение растворились и обнажили совершенно беспомощного человека. Упав на постель, он сел и схватился руками за голову.

Что-то страшное творилось с ним в это мгновение. Он никак не мог понять, что происходит с его сущностью. Никогда ранее подобного не было, но... может все это что-то значит?

– Эстэр? – полушепотом спросил Тим.

– Да, Высший? – тот подошел ближе.

Юноша вновь попытался встать.

– Что случилось, почему ты так долго не возвращался?

Мы уже стали считать, что тебя нет с нами.

– Вы изначально были правы. Надвигается великая буря!

Алан оказался предателем и поистине нижайшим из человечества. Я узнал все, что смог, был на грани разоблачения и с трудом сумел скрыться от людей вашего брата, которые заподозрили что-то неладное. Я добрался до Этилии так быстро, как только смог. Алан заручился поддержкой Якова, и теперь намеревается выступить против Эльхаима. Они собрали больше десяти тысяч воинов, и не остановятся ни перед какими препятствиями и трудностями в достижении своей цели...

Повисло молчание. У Тима не было сил удивляться и тем более впадать в отчаяние. Прежний юноша умер, умер совсем недавно, почти вчера и единственное, что осталось из прошлого – это хладнокровие и тонкий расчет.

Предательство брата действительно заставляло ужасаться. Он практически всегда оставался пассивен к интригам Эльхаима и только изредка высказывал свое мнение, в основном предпочитая оставаться в тени. Настал тот момент, когда пришло время выйти из мрака и нанести удар, один единственный, тот самый, после которого не выживают.

«Кто бы мог подумать – средний брат. Создавая иллюзию доброжелательности, он сумел все удержать в тайне почти до самого последнего момента, до краха Альвеста, империи барона Крониуса. Он сумел заручиться поддержкой винарийцев. Как? Почему они согласились? Чем подкупил? Власть...»

– Седлай коней, мы сейчас же отправляемся.

– Вы не можете ехать, – подошел Эдуард. – Вы слабы, вы не удержитесь в седле!

– Я не слаб! – выкрикнул Тим, поднимаясь с постели. – Седлайте лошадей!

Все направились к выходу.

– Эстэр, собирай людей! Лаэрт, готовь сопротивление города, если брат победит, он придет сюда! Эдуард – за лошадьми! Лазарь, поедешь с нами, у стен Эльхаима потребуются помощь мага.

– Я не могу последовать твоему совету. Маг не обучен боям на мечах, и численное превосходство просто затопит его своей волной. Вы будете под стенами города, они тоже и когда столкнутся две силы, перемешаются между собой, я не смогу защитить вас, не навредив.

– Хорошо, тогда просто наблюдай за нами!

Маг коротко кивнул головой и вышел за остальными.

Воины собирались в спешке. Практически весь оплот Этилии состоял исключительно из них и благодаря стараниям Эдуарда и Тима, они прекрасно владели оружием. Они научились практически всему, и поэтому организовать поход не составляло особого труда, особенно для человека, знающего и умеющего, такого, как Тим.

Они шли по той самой дороге, по которой пришли много лет назад. Для истории это, конечно же, всего-навсего краткий миг, но для людей, особенно для столкнувшихся с поистине ужасными вещами, берущими свое начало в самых глу-

боких безднах ада – практически вся жизнь. Природа не терпит изменений. Людям, знающим эти места, пришлось убедиться, что за время их последнего пребывания, здесь ничего не изменилось. Вот только...

Каждый шаг армии давался с трудом. Нарастало пугающее, угнетающее чувство. Совсем рядом, казалось именно здесь, в туманной утренней дымке рассвета, кружила смерть. Она улавливалась во всем, и чем ближе оставалось до Эльхаима, тем больше она расползалась.

Первые ясные признаки недоброго стали отчетливо замечаться, когда на чистом голубом небе появилась черная всепоглощающая туча. Распространившийся на много миль Вековечный Лес, казался вымершим. Из него, уже, как раньше, не доносились звонкие трели птиц и не показывались удивленные животные, потревоженные столь близким присутствием человека, а только сухой шелест листвы, сопровождающийся гулким свистящим ветром, следовал за войнами.

Сердце сжалось у всех, когда они ступили на землю Эльхаима. Природа подсказывала, что все произошло. Совсем недавно... почти сейчас...

Вековечный Лес огибал Эльхаим с юга и уходил за пределы Альвеста. Он уже стоял не таким спокойным, как несколько лет назад, когда Тима изгнали из имения отца. Но все же он вернулся именно туда, откуда пришлось почти бежать.

Люди углубились в лес, стараясь обойти замок и в случае чего ударить с двух сторон, взяв осаждающих в кольцо и помочь отцу очистить город от зла брата.

Кроны деревьев уходили высоко вверх, скрывая за своей листвой небесный свод. В воздухе витал неуловимый до этого момента запах гари. Воины ускорили шаг. Впереди показался просвет – выход из помрачневшего, начинающего подгнивать, леса.

Эдуард остановился, его взор застыл, глаза закрылись и он сел на колени.

– Опоздали!

Замок горел. Все было объято пламенем. Гарь, дым, копоть поднимались высоко в небо. Удушающий пепел разлетелся далеко вокруг и при вдыхании вызывал кашель. Кашель? У кого? Замок горел! В нем никого не было. Уже не было! На всей равнине перед замком, лежали трупы... трупы воинов. Сотни... тысячи... обезглавленные, пробитые и простреленные насквозь. Месиво казалось невообразимым. Земля давно обогрилась кровью и та тонким слоем накрыла поверхность, уже не впитываясь в нее, а застыв громадной лужей. Все умерли. Замок пуст. Он горел!

К нему вели три моста. Около них, при самом въезде, стояли высокие столбы, а там... на каждом из них... изуродованные, обезображенные головы! Голова барона, его старшего сына и главного карота армии.

Глаза юноши застыли и приковались к одному месту. Он

больше не замечал окружающих, он потерял реальность, только они... только те, кто дороги.

Вокруг ходили усталые, изможденные воины, тысячи, десятки тысяч...

Крики раненых и умирающих резали уши и проникали до самого мозга.

Разбитые стены, разломанные мосты, ров, с алой водой... отрубленные руки, ноги, вмятые и продавленные доспехи; плоть, кости, торчащие и выпирающие наружу. Ад прошел именно здесь. Великая гигантская Коса сделала свой замах и срубила всех, кого смогла.

Тела виднелись и на оставшихся не тронутых боем, стенах замка. Раскинув руки – ноги в стороны, устремив взгляд в небо, вдоль и поперек, друг на друге... они уже не встанут. Никто из них не вернется к жизни. Ни один не пробудится от вечного сна... и столбы... столбы... столбы!

Тим упал на колени и закрыл глаза. Рука медленно легла на эфес, и вскоре обнаженный клинок оказался крепко сжат железной рукавицей.

Юноша встал.

– Воины! – его меч поднялся высоко вверх.

Эдуард оказался рядом и не без труда опустил руку другу.

– Нет! Нас, минимум, в семь раз меньше чем их. Это верная смерть. Умрем мы сейчас, и Этилия падет. Нужно вернуться в замок! Только там мы сможем на что-то рассчитывать.

– Мы должны... Отомстить!

Эдуард схватил его за кольчугу и развернул в сторону.

– Отомстить? Мечь – самое последнее дело. Именно из-за нее все проигрывают войны. Опомнись. Опомнись! Твой отец мертв, ты сам видишь это, – он указал рукой на крепость. – Нас мало, жалкая горстка, сопротивляющаяся громадному молоту смерти.

Тим склонил голову и хотел что-то возразить, но тут его взгляд упал на группу людей, стоящих далеко впереди. Один из них повернул в его сторону голову и, как показалось юноше, кивнул в знак приветствия.

Мороз и холод волной прокатились по его телу, сжали сердце и перехватили дыхание.

Второй человек – Алан – похлопал первого по плечу и указал куда-то в сторону. Тот отошел, присоединился к другой группе воинов, сидящих на земле и вдруг, выхватив два меча, обезглавил всех шестерых.

«Пленники!» – понял Тим.

Сердце ударило в грудь и чуть не прорвало плоть. В голове закружилось и внутренности стали выдавливаться наружу. Что-то страшное окутало Тима и не желало выпускать из своих цепких костлявых пальцев. Он схватился за горло и, упав на колени, выдавил:

– Мы возвращаемся!

«Алан заплатит за это. Видит Бог, заплатит! Мы встретимся... мы встретимся!»

Месяц постоянного ожидания. Месяц постоянных тревог и страха. Все, что можно было сделать за столь короткое время – сделали, что не смогли – узнали, чего не было – нашли и воплотили в реальный мир.

Армия защитников создавалась из всех, находящихся в городе. Не взирался ни пол, ни возраст. Все прекрасно понимали, что это их последние дни, но ни один из них не отрекся от *Горного Королевства* и не предал Высшего.

С самого начала возрождения королевства создавалась твердыня... обучались воины, лучшие воины Альвеста, которые могли бы противостоять любой армии осаждающих. Лучники и арбалетчики достигли своего наивысшего мастерства. Первые, стреляли сразу двумя стрелами и попадали в два яблока на расстоянии до сотни ярдов; а для вторых были созданы специальные арбалеты, стреляющие тремя железными болтами сразу и до двух сотен ярдов. Мечники крутили два меча и, пожертвовав щитом, прекрасно заменяли его одним из мечей. Пикинеры, алебардисты и конные воины составляли наименьшую группу защитников, но должны были сыграть не последнюю роль в надвигающейся буре.

– Закат, – произнес Эстэр, глядя на запад. – На рассвете решится судьба. Тысячи жизней находятся в твоих руках, завися от тебя и умрут с твоим именем на устах. К полудню все будет кончено. Не многие выживут в грядущем аду.

– Мы должны выстоять! Это наша судьба! – Тим казался осунувшимся, похудевшим, потерявшим здоровый цвет

лица, но глаза сохраняли прежнюю глубину мудрости. — Я был не прав, преследуя чувство мести. Это была моя ошибка, больше их у меня не будет. Сделай последние распоряжения! Солнце заходит за горизонт. Завтра последний день, ведущий к старой или новой жизни!

Ночь тянулась долго, но утро пришло быстро. Тишина повисла над Этилией. Даже шумная река Арника была заглушена нависшей бедой. Замок спал. Кажущаяся реальность. Расстилавшаяся равнина перед замком затаилась в ожидании прыжка.

Тишина сохранялась. Даже ветер, всегда гулявший по утрам, не трогал макушки деревьев, и они стояли в унынии, изображая случайных зрителей.

Замок спал. В нем не наблюдалось ни одного движения. Казалось, ему все равно, что станет с его судьбой.

Железный болт разрезал воздух и со свистом влетел в узкую бойницу левой башни, со звоном впившись в стену, прямо над головой спящего Тима. Юноша, закованный в броню, вскочил и обнажил меч. Раскатистый рев горна прокатился над Этилией, и его эхо охватило всю округу. С юга, у Вековечного Леса, показалась армия... Армия Алана. Его легко можно было определить по меченосцу на белом льве на красном фоне, на гербе, который нес один из воинов, гербе, который когда-то принадлежал его отцу, но не ему. Армия заполняла почти всю равнину и только вдалеке, за небольшим леском, виднелось зеленое пространство.

– Барон Винарии! – закричал дозорный.

С юго-запада, между двумя рощами, шел Яков. Его воины имели белые щиты с черным небом, а разноцветный пестрый флаг безошибочно определял в армии северное королевство – холодную Винарию и ее алчного барона.

– Алан собрал всех, кого мог. Здесь не меньше пятнадцати тысяч восставших против Крониуса. Я вижу среди них и телохранителей твоего отца – они изменили ему, всему Альвесту! – Эстэр со спокойствием осматривал приближающуюся копошащуюся массу людей.

– Барон Винарии не побрезговал предложением Алана, – Тим ничем не показал своей ярости к брату, только презрение.

– Да, но он привел не всех, только малую часть, тысяч десять – пятнадцать, но не больше. Надеюсь, стены выдержат.

– Главное, чтобы сюрпризов больше не было.

– Вряд ли. Двадцати тысяч достаточно, чтобы взять крепость с семью тысячами защитников.

– Смотри! Началось!

Две армии соединились в единый кулак и ринулись к незащищенному королевству.

К стенам замка прильнули защитники. Пятьсот лучников и шестьсот арбалетчиков стояли попарно, между ними мечники и алебардисты, пикинеры притаились у ворот. Чуть более трех тысяч населения, собрались на второй стене, опоясывающей город. На левой и правой малой башне появились

Нико и Лаэрт. Черного мага еще не было.

Воины Якова и Алана остановились. Они ожидали сопротивления, но не такого. Алан знал своего брата, знал, на что способен, как командует и что предпримет, но подобное...

«Приедь через два года, день в день и ты не узнаешь этого места. Я уже тогда был почти прав. Прости, брат!»

Замешательство длилось недолго. Громкий рык карота и все ринулись на *Горное Королевство*. Они несли, тащили и катили длинные лестницы, катапульты, баллисты, осадные вышки и другие телеги.

– Целься! – послышался голос Эстэра.

Мышцы напряглись до предела, лук заскрипел, тетива натянулась на максимальное расстояние, рука начинала дрожать в ожидании приказа.

Карот взмахнул мечом. Град стрел и болтов сорвался со стен и со свистом устремился вниз, на массу осаждающих. Первые ряды вздрогнули и, издав предсмертный хрип, упали на пока еще зеленую траву, которая уже стала обгагриваться кровью. Осажденные зашевелились, увеличивая град стрел, но лавину невозможно остановить веткой, пусть и с листьями. Они не успевали. Первые лестницы приставили к стене и по ним полезли воины.

Два моста через ров с водой быстро заполнились людьми. Остальные прыгали в воду и пытались вплавь достичь пределов крепости.

Крик боли повис над Этилией. Находящиеся в воде заби-

лись в агонии, стали рвать на себе одежду и плоть и в бесполезной надежде, барахтаясь в мутной жиже, пытались достичь берега. Алхимия Лазаря не подвела и сейчас. Кислота разъедала броню, кольчуги, одежду, плоть и кости, добиралась до сердца и убивала всех. Сотни тел оказались в тисках ада, и вырваться оттуда не представляло возможности. Они были обречены.

В битву вступили лучники Якова. Почти достигшие мастерства защитников, они с удивительной легкостью уменьшали ряды воинов Тима.

Крепость медленно, но уверенно стала заполняться черно – белыми. Алан намеренно пустил вперед барона Винарии, прекрасно понимая, что первая волна нападения будет отбита. Крики и лязг мечей увеличивались. На защиту крепости пришли пикинеры и мастера – мечники. Разрубленные черепа, отрубленные руки, ноги, раздробленные кости, проткнутые пиками насквозь, с вывернутыми и разбросанными внутренностями. Трава давно обагрилась кровью и стала алой. Сотни воинов не достигли даже моста, сотни сгорели в воде, но большая часть, конечно же, останется у самой стены и внутри крепости.

– Лучники! – сквозь шум скрещивающегося железа раздался мощный голос карота. – Отходим ко второй стене!

Катапульты и баллисты сделали залп. Внутренние деревянные постройки разлетелись на щепы, каменные сооружения сложились как карточные домики, подняв вокруг себя

облако пыли. Баллистические стрелы не попали в цель, но прошли насквозь крышу дозорной башни. Воины барона Винарии заполнили всю первую стену и тут...

Белый огненный шар сорвался с левой башни и, врезавшись в мясо, расшвырял всех на многие ярды. Посох священника описал дугу. Первая стена крепости зашаталась. Некоторые упали, из других брызнула кровь. Нос, уши, глаза... она лилась как вода, разрывая внутренности на части.

Земля дрогнула. Казалось, тяжелая исполинская нога ступила в этот мир. Земля вздрогнула во второй раз. Комья грязи, алой травы, песка, глины, фонтаном взмыли вверх и ярко – красный столб огня вырвался из недр. Чудовищный вой пронесся над Альвестом. Вой освобожденного зла, таящего в себе ненависть и жажду мести. Из провала появилась безобразная морщинистая голова *Некто*.

– Дьявол возвращается! – пронеслось над жителями Этилии.

Оно выпрямилось, издало протяжный вой идохнуло огнем. Десятки оказавшихся рядом воинов вспыхнули и превратились в пепел. Вой повторился. За несколько шагов Оно оказалось у стены, которая доходила *Некто* до плеч. Испепеляющая волна пронеслась внутри крепости, не щадя ни своих, ни чужих, хотя армии Алана и Якова Оно не считала своими и если бы не Тот, руководящий действиями *Некто* – не выжили ни защитники, ни нападающие.

Он появился позади армий и с любопытством разгляды-

вал происходящее впереди, ища взглядом одного единственного... человека? которому когда-то удалось выскользнуть из его рук.

– Ваал!

На задний, самой большой башне, возник Лазарь.

– Тебе не удастся захватить крепость!

Глаза молодого человека заблестели, но Он не сделал ни единого шага в сторону мага. Он протянул вперед руку. Земля вздрогнула, задрожала и в некоторых местах раскрыла свои недра. Кто-то не удержался и с криком полетел вниз.

Две силы столкнулись. Волна разлетелась о невидимую преграду, не дойдя до второй стены. Воздух сгустился, превратился в пыль и упал на землю. Там, где он соприкоснулся с ней, в небо взмывал столб огня. Он не шевельнулся. Объятия распахнулись, и смерть дохнула в лицо. Рев боли поднялся над замком и разлетелся на многие мили. *Нечто* дернуло головой, и морда исказилась, принимая совершенно иные очертания. Белоснежное копье жизни вонзилось в шею и прошло насквозь. В это мгновение Дьявол испытывал невероятные мучения. Его длинный, массивный хвост бил во все стороны, разбивая на части зазевавшихся воинов. Некоторые особые смельчаки, из армии Тима, попытались было схватиться с *Нечто*, но их пики, мечи и топоры разлетались на части не причиняя вреда. Справившись с болью, оно уже было залезло на стену, как полумесяц отточенного лезвия врезался в грудь и сбил Дьявола на землю. Крик яро-

сти повторился. Зеленый яд рассеялся по равнине, прожигая латы, кольчуги и добираясь до мяса. Он вздрогнул. Боль вспыхнула в Нем, но Он моментально заглушил ее и с ненавистью посмотрел на башню. Руки сложились вместе одна на другую, заклинание само рождалось в Его голове. Один короткий взмах...

Внешняя стена прогнулась, как резина и брызнула миллиардами осколков, уничтожая под собой и защитников, и нападающих.

У разбитых ворот, из последних сил, держали свои позиции алебардисты. Их длинным секирам не один раз, за столь короткое время, пришлось отнимать жизнь. Отошедшие назад, но заметно поредевшие, лучники и арбалетчики вновь стали осыпать нападающих стрелами. Мастера – мечники защищали отход почти полностью уничтоженных пикинеров, но те, даже будучи в сравнительно небольшом количестве, продолжали сопротивление.

Тим стоял мрачным и угрюмым. Эдуард сражался где-то справа внизу, Эстэр здесь, почти что рядом с ним и если хорошо прислушаться, то можно было разобрать его выкрики. А напротив – служители монастыря – совсем простые люди, в длинных балахонах и накинутых на головы капюшонах, но с длинными боевыми черными луками.

Воины Якова и Алана приближались. Очень медленно, но приближались, и это свидетельствовало о начале конца. Юноше показалось, что воздух вокруг заколебался и задро-

жал. Что-то вонзилось в *Некто*, и из тела брызнула кровь. Задняя башня затрещала, больше половины обвалилось, и проломала часть замка, но, продолжая при этом удерживать на себе мага. В черном небе возник белый крест и ослепительные молнии, вырвавшись из него, вонзились в землю.

Тим застыл и устремил взгляд вперед. Смерть дышала в лицо, она заглянула в его глаза и криво улыбнувшись, потянулась к нему своей костлявой рукой. Один из монахов заметил все, отбросил лук и, прыгнув к юноше, встал перед ним. Железная стрела вонзилась ему в грудь. Он отпрянул, зацепил Тима и они, свалившись с помоста, упали на нижнюю площадку. Капюшон слетел к плечам, и золотистые волосы вырвались наружу.

– Соня! – крикнул Тим, обнимая ее за плечи.

Ее голос дрожал, она хрипела, из жемчужных глаз текли слезы, но она говорила, медленно, очень осторожно.

– Я... я всегда мечтала умереть на твоих руках... не сейчас, в глубокой старости... но жизнь распорядилась иначе! – она сморщилась и вскрикнула. – Как она жестока... несправедлива... Я всегда, всегда любила тебя... люблю даже сейчас! Я не обижаюсь за прошлое... я живу настоящим... и мне... очень хочется... чтобы ты поцеловал меня... поцеловал меня в последний раз... так, если бы я была твоей женой!

– Нет, Соня, нет, твое время еще не пришло, когда все закончится, Лазарь поможет тебе... Лаэрт, Нико! Они все!

– Поцелуй... меня!

Ее губы трепетали, она вся дрожала. Тим прижался к ней, к ее губам и понял, что жизнь ушла из хрупкого тела. Нежно обняв девушку, юноша склонил над ней голову, закрыл ее застывшие глаза и поцеловал в лоб.

«Ты можешь умереть, не здесь, тебя могут убить далеко, в одном из кровавых сражений, но я всегда буду рядом с тобой, и когда другие не смогут прийти на помощь, я окажусь там, где нужно и даже ценой своей жизни помогу тебе.»

«Что будет, если твоя жизнь внезапно оборвется и после тебя никого не останется? Кто будет плакать, горевать, возносить мольбы к Всевышнему?»

Внутри него бушевало пламя. Ненависть разлилась по жилам и вдруг он почувствовал, как кто-то черпает из него силы. В то же мгновение мощный взрыв сотряс землю. К небу взмыли столбы огня – *Нечто* горело, но, даже будучи объято пламенем, оно из последних сил продолжало крушить стену. Длинный хвост дергался в агонии, разбрасывая в стороны воинов Якова. Наконец, настал миг триумфа. Белый сияющий серебром шар, пробил грудь... *Нечто* отстранилось от крепости и в тот же миг рассыпалось прахом.

Тучи сгущались.

Он поднялся с колена и смахнул стружкой бегущую кровь, глаза Его почернели как дно миров и Он выхватил меч.

Раскатистый рог пронесся над равниной.

– Аден! – закричал кто-то из стоящих на стене.

– Работорговец? Неужели еще и он? – произнес юноша, бережно опуская около себя Соню.

Армия. Приблизительно пять тысяч. И она двигалась на Этилию, но не для того, чтобы помочь ей, а на всеобщее уничтожение.

Воины Якова захлебнулись, войско Алана значительно поредело, гибель *Нечто* вызвало панику, но появившийся Аден расставил все по своим местам. Крепость будет взята, замок – разрушен.

«Нико, ты меня слышишь?» – подумал Тим.

«Да», – услышал в ответ.

«Спускайся с башни и уходи! Внешняя стена взята, нам не долго суждено продержаться!»

«Нет! Ни за что! Я не покину тебя!»

«Это приказ! Я приказываю тебе, уходи через подземелья замка!»

«Ты не смеешь приказывать своей дочери!»

«Я прошу тебя!»

«Нет!»

«Лазарь, забирай Нико и уходи! Несколько человек присоединятся к вам у входа в туннель».

Ответа не последовало, но непроглядная тьма над башнями немного рассеялась. Левая оказалась в тумане, который вытянулся в стрелу и полетел вперед.

«Вот упрямая девчонка».

«Спасибо, папа».

– Труби!

Рог Королевства никто никогда не слышал, но сегодня он звучал в первый и последний раз. Все было поставлено, все решено. Крепость не выдерживала осады, вряд ли осталась даже половина всех лучников. Алебардисты захлебывались в крови, но горстка сопротивлялась у разбитых ворот второй стены. Рог означал все: и жизнь, и смерть, и будущее, и настоящее.

Стена разлетелась на части. Меньше трех тысяч защитников вырвались из крепости и вклинились в три сборные армии, почти впятеро превосходящие их самих. Невдалеке запел другой рог. Полутысячное конное войско выехало из леса и ударило с тыла. Наступил решающий момент схватки, миг обреченности. Юго-восток залил пронзительный вой.

– Стая! – прошептала Нико.

Вековой Лес затопило белыми пятнами. Мясо. Их глаза налились кровью. Мясо. Оно было так близко и так доступно. Мясо! Изголодавшиеся звери прошли армию Алана почти до середины и только теперь вонзили зубы в мягкую, теплую, хотя и прикрытую железом, плоть. Они рвали и топтали, месили и раздирали, но не могли насытить животные инстинкты.

Вдалеке завыл рог. Еще одни наемники Алана? Нет, совсем наоборот – это шли те, кого спас Тим, те, кто когда-то был рабом Адена. Совсем немного, несколько тысяч, но они шли.

«Уходите! Уходите!» – молил Тим, и волна смерти поглотила его так же, как и всех остальных.

– За короля! – послышалось со всех сторон и утонуло в крови.

– Я возвращаюсь, я не оставлю отца одного! – Нико излучала ярость, и только Лазарь мог противостоять ее чарам.

– Твой отец просил увести тебя, – спокойно произнес он.

– Он не может сражаться в одиночку.

– Он погибнет – это его судьба!

– Его судьба – моя!

– Я не отпущу тебя!

– Да, ты можешь заставить меня остаться, но тебе придется убить меня. Если я не уйду к нему сейчас – ты пожалеешь о том, что сделал.

Лазарь опустил руки.

– Я доверю тебе самое дорогое, что у меня есть – моего ребенка. И да поможет мне Бог!

Маг принял невесомое тельце и долго смотрел на удаляющуюся фигуру.

Я видел. Я и сейчас вижу, когда закрою глаза: Эстэр сразил Якова. Ваал, благодаря мучениям Лаэрта и опыту Нико, убрался в Ад, хотя, скорее всего, сгорел в нем, ведь боги преисподней не имеют право проигрывать, а именно это с ним и произошло. Юная чародейка, сражалась до последнего, но новичок в волибе не может противостоять армии лучников. Она умерла там, на той самой левой башне, от которой

не осталось даже фундамента. Жители Королевства? Они были славными воинами, но натиск был слишком силен, а силы так быстро истощаются. Стая? Она вся легла там, все, до последнего волка защищали свою юную хозяйку. Конница и ополченцы держались долго, но численность, в этот раз, была не на их стороне...

Этилия стерлась с лица земли. К вечеру того дня вся равнина заполнилась трупами. Тысячи... десятки тысяч... мессиво, оставленное птицам и пресмыкающимся. Горстка напавших победителей ушла без предводителя, без будущего, без настоящего.

Альвест оказался в огне и пал, Винария пала чуть позже. Ария властвовала над всем.

Адена казнил сам император Трома.

И мне пришлось уходить. Через мрачные, сырые подземелья замка, ведущие в разные стороны, с ребенком... с ребенком Нико на руках. Ребенок. Дочь! Я отдал ее в монастырь, на территории Арийской империи. Должен хоть кто-то остаться из защитников замка. Еще тогда я понимал, что мне не выжить. Я сам этого хотел!

Тогда, у Арники, я видел, как горел замок. Они завалили туннель, чтобы никто не последовал за беглецами. Клубы дыма поднимались высоко в небо, но он продолжал сопротивляться. Я слышал, предсмертный крик девочки. Закрыв глаза, я увидел ее тело, распростертое на башне. Я видел как погиб священник и... молодой император... он дрался со

своим братом и победил, но в крепости уже не было людей, чтобы защитить короля. Пали все, выжили только мы. Я хотел вернуться, собирался это сделать, но вспомнил слова Высшего, его приемной дочери и с болью в сердце покинул Этилию.

Монастырь для ребенка Нико я подбирал долго, но зато сейчас убежден, что все сделал правильно.

Но вот я нашел заброшенную часовню и понял, что это — конец моего путешествия. Я долго скитался и теперь пришел долгожданный покой... тишина.

Я устал все время странствовать, прятаться в самых нищих домах городов, сырых подвалах и жалких обветшалых избенках, но часовня... Я видел многое, почти все и почти все унесу с собой, туда, где меня уже не найдут, туда, где я буду пребывать в спокойствии и безмятежности, а пока...

Приближенные ко двору Якова, его сыновья, поклялись найти и уничтожить всех защитников замка и в первую очередь меня, того, кто почти захлебнул нападающих в их же собственной крови.

Много лет длилось мое изгнание. Много лет прошло с момента битвы при Горном Королевстве, ныне находящимся в руинах. Но я устал от всего, от всей этой жизни в этом мрачном мире. Я не могу забыть и не могу вернуться туда, откуда пришел. То, что когда-то превосходно свершилось один раз, никогда не получится во второй.

Они уже идут. Я вижу их движение. Скоро все закончится. Я слышу стук железных лат, поднимающихся по каменным ступеням. Я никуда не уйду, пусть будет то, что должно быть. Я даже могу различать их голоса. Вот оно, начало конца; вот оно, то, что бывает один раз в жизни. Наступает тишина. Да, они точно знают, что я здесь. Они ломают дверь. Я вижу первого воина. Черно – белые щиты. Да, он лучший из всех, кого я видел. Новый Альвест не скуются людьми. Они заполняют комнату.

Меч вылетает из ножен.

Горный Сокол давно улетел и своим исчезновением положил конец всему нашему, некогда, великолепному миру.

Я помню ее, ту, которая когда-то была.

Память не стирается, она всегда будет со мной и, возможно, кто-нибудь, когда-нибудь раскроет ее и узнает все, что произошло со мной, станет частью меня, а возможно и самим мной.

Меч опускается.

Время растянулось. Я вижу ее, ту, которая всегда во всем черном. А дальше только тьма, вечный мрак и то, что люди называют смертью.

Не рожденный человек не плачет.

Рожденный – умирает.

Лазарь.